ТЕНИ ВЕЧНОСТИ

ЧЕЧЕНЦЫ:

АРХИТЕКТУРА, ИСТОРИЯ, ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ

ЛЕЧА **ИЛЬЯСОВ**

Дочери Илоне посвящается

Книга издана на средства
"Благотворительного фонда имени Зии Бажаева"

ТЕНИ ВЕЧНОСТИ

ЧЕЧЕНЦЫ:
АРХИТЕКТУРА, ИСТОРИЯ, ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ

Л.ИЛЬЯСОВ

МОСКВА • 2004

УДК [624.97+725/726](470.661)(084.121)"653"
ББК 85.113(284.1)я61
И49

Ильясов Леча. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духов. традиции / Л. Ильясов.
– М. : [Пантори], 2004. – 384 с. : ил. – ISBN 5-9218-0013-9.
Агентство CIP РГБ

Автор выражает глубокую признательность Мавлиту и Мусе Бажаевым за содействие в издании книги.

Книга посвящена проблемам древней истории Чечни, ее материальной (главным образом, архитектуры) и духовной культуры.

Автор исследует природу средневековой архитектуры в процессе ее развития, учитывая материал сохранившихся на территории Чечни архитектурных сооружений различных эпох.

Эволюция башенного строительства в средневековой Чечне рассматривается в прямом соотношении с развитием различных археологических культур на ее территории. Это позволяет ему не только дать новые датировки различным архитектурным сооружениям горной Чечни, но и восстановить картину, хотя и гипотетическую, развития архитектурного искусства на территории расселения нахов на протяжении длительного периода времени.

Книга содержит более 400 иллюстраций, включающих в себя цветные и черно-белые фотографии, графические рисунки и живописные работы.

Предназначена для широкого круга читателей, в том числе, для историков, этнографов, и всех, кто интересуется древней историей и культурой Кавказа.

Благотворительный фонд имени Зии Бажаева

Автор
Леча Ильясов, кандидат филологических наук

Редактор
Саид-Магомед Хасиев, этнограф, кандидат исторических наук

Ассистент
Руслан Дошаев, кандидат экономических наук

Иллюстрации
Султан Абаев

Дизайн и верстка
М.Широкова, М.Лейпунский

Фотографии
цветные – Леча Ильясов, черно-белые —Игорь Пальмин

Производство
Л.Подберезин

В книге использованы картины С-Х. Бициараева, Л. Абаева, в приложении — рисунки Р. Бициараева

Книга издана при информационной поддержке
газеты «Новые Известия»

ISBN 5-9128-0013-9

© Л.Ильясов, 2004
Все права защищены. Воспроизведение данной книги целиком или отдельных ее фрагментов без письменного разрешения автора воспрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

14 .... **ВВЕДЕНИЕ**

16 .... I **ИСТОКИ**

16 .... I-1 **ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД**

22 .... I-2 **АЛАНСКИЙ ПЕРИОД**

28 .... I-3 **ПЕРИОД ТЕЙПОВОЙ ДЕМОКРАТИИ**

36 .... II **ИСТОКИ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ**

42 .... II-1 **ДАТИРОВКА ЧЕЧЕНСКИХ БАШЕН**

46 .... II-2 **ДРЕВНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ**

46 .... МАЙКОПСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

48 .... СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

50 .... КОБАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

54 .... СКИФЫ И САРМАТЫ

55 .... АЛАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

60 .... III **СТРОИТЕЛИ БАШЕН**

64 .... IV **СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА**

70 .... IV-1 **ЖИЛЫЕ БАШНИ**

ОГЛАВЛЕНИЕ

88 .... IV-2 ПОЛУБОЕВЫЕ БАШНИ

102 ... IV-3 ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЛОЙ БАШНИ

112 ... IV-4 БАШНИ, ВСТРОЕННЫЕ В СКАЛЬНЫЕ НИШИ

120 ... IV-5 АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЖИЛЫХ БАШЕН

128 ... IV-6 БОЕВЫЕ БАШНИ

152 ... IV-7 ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СВОЙСТВА БОЕВОЙ БАШНИ

164 ... IV-8 ЗАМКИ И ЦИТАДЕЛИ

188 ... IV-9 СИСТЕМА СТОРОЖЕВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ, ЗАМКОВ И БАШЕН ГОРНОЙ ЧЕЧНИ

198 ... IV-10 ВЕЛИКАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

212 ... IV-11 КУЛЬТОВЫЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

248 ... IV-12 ПЕТРОГЛИФЫ

272 ... V ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ЧЕЧНИ

274 ... V-1 НАШХ

284 ... V-2 ИЧКЕРИЯ

288 ... V-3 АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ

304 ... V-4 МАЙСТА

310 ... V-5 МЕЛХИСТА

322 ... V-6 АККИ

328 . . . V-7 ЭРШТХОЙ
334 . . . V-8 ТЕРЛОЙ-МОХК
342 . . . V-9 ЧЕБЕРЛОЙ
350 . . . V-10 ШАРОЙ

358 . . . VI ПРИЛОЖЕНИЕ

358 . . . ИЗ ИСТОРИИ ЧЕЧЕНСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
358 . . . ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО
360 . . . ЧЕЧЕНСКОЕ ПРАВО
360 . . . ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
361 . . . УГОЛОВНОЕ ПРАВО
362. . . ЧЕЧЕНСКИЙ КОДЕКС ЧЕСТИ «КЪОНАХАЛЛА»
366. . . ИЗ ЧЕЧЕНСКОГО ФОЛЬКЛОРА
366 . . . ПХАРМАТ
368 . . . ВОЙНА ЖУРАВЛЕЙ И ЗАЯЧЬИХ ВСАДНИКОВ
369 . . . ИЛЛИ ОБ АХМАДЕ АВТУРИНСКОМ

371 . . . VII КАТАЛОГ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙГОРНОЙ ЧЕЧНИ

383 . . . СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ПРЕДЛОЖЕННАЯ РАБОТА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС, так как, несмотря на большую научную библиотеку, посвященную изучению культуры чеченцев, в практическом обиходе обычного читателя ее крайне мало. Данный труд в определенной мере заполняет этот пробел. Надо сказать, что текст книги отличается хорошим, емким и ясным литературным языком. Написана она интересно.

Работу можно разделить на две части: вводную и основную, непосредственно посвященную теме.

Вводная часть представляет собой краткий исторический экскурс в кавказские древности. Написана она в некоторых частях предположительно, что, на мой взгляд, можно было специально оговорить в тексте, так же, как и многоликость отдельных этнокультурных феноменов.

Основная часть посвящена истории средневековой чеченской архитектуры, ее развитию в течение многих веков. Она написана довольно убедительно, интересно и емко.

Автору удалось не только обобщить и систематизировать уже сделанное до него исследователями средневековой архитектуры чеченцев, но и внести свой вклад в решение проблем ее развития и функционирования, в особенности функциональной стратегии боевых башен.

Интересно написаны разделы, посвященные погребальной архитектуре, петроглифам. Надо отметить и такое подлинное украшение этого раздела, как описание исторических областей Чечни, которым в литературе до сих пор уделялось не так уж много внимания. Во всяком случае, я не знаю их обобщенного описания.

Помимо истории средневековой архитектуры, книга дает общее представление о религиозных воззрениях, духовной и правовой культуре чеченцев в эпоху Средневековья.

Дополненная иллюстрациями, эта монография будет прекрасным пособием в деле изучения памятников Чечни на фоне всего Северного Кавказа.

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института археологии РАН,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Республики Дагестан
В.И.Марковин

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЯВЛЯЕТСЯ ЗЕРКАЛОМ, в котором отражаются образ жизни, мировоззрение, духовная сущность народа, его отношение к войне и миру, к живой природе. Она связывает поколения, между которыми пролегли сотни лет, живой и зримой нитью созданных умелой рукой человека творений. Нередко памятники материальной культуры, особенно архитектурные сооружения, являются единственным свидетельством существования древних цивилизаций и государств, молчаливой летописью их былого величия.

Книга Л.Ильясова «Тени вечности» открывает нам удивительный мир чеченской материальной культуры Средневековья, знакомит нас с архитектурой народа, имеющего древние земледельческие традиции, который никогда не претендовал на чужие территории и строил цитадели и башни для того чтобы защитить свою землю и свободу.

Автор исследует природу башенной архитектуры в процессе ее развития, учитывая материал сохранившихся на территории Чечни архитектурных сооружений различных эпох.

Не менее важно, что эволюцию башенного строительства в средневековой Чечне Л.Ильясов рассматривает в прямом соотношении с развитием различных археологических культур на ее территории. Это позволяет ему не только дать новые датировки различным архитектурным сооружениям горной Чечни, но и восстановить картину, хотя и гипотетическую, развития архитектурного искусства на территории расселения нахов (предков чеченцев и ингушей) на протяжении длительного периода времени.

Благодаря знанию местности и обилию фактического материала исследователю удается не просто рассмотреть архитектонику и функции отдельных башен, а воссоздать систему сторожевых и сигнальных сооружений в чеченских горах.

Достаточно интересными являются разделы, посвященные архитектуре культовых и погребальных памятников средневековой Чечни. Автор знакомит нас с духовной культурой, с реликтами древних культов в воззрениях чеченцев, которые, вероятно, связаны с религиозными представлениями представителей переднеазиатских и средиземноморских цивилизаций древности.

Несмотря на дискуссионный характер постановки некоторых этногенетических проблем, интересными и полезными являются экскурсы в древнюю и средневековую историю чеченцев, в которых воссоздается исторический и культурный фон эпохи строительства башен.

Хорошо дополняет материал и приложение, в котором представлены отдельные памятники духовной культуры чеченцев и фольклора, а также элементы истории государства и права средневековой Чечни.

Книга написана простым, доступным языком и рассчитана на широкий круг читателей. Но это никаким образом не влияет на научный уровень материала, достоверность и объективность положений, выдвинутых автором.

Работа Л.Ильясова «Тени вечности», несомненно, является новым шагом в исследовании средневековых памятников горной Чечни. И очень важно, что она появилась в период, когда изучение архитектурных сооружений чеченского Средневековья по ряду объективных причин прекращено, а сами памятники нуждаются не только в исследовании, но и в защите.

Доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета,
заслуженный работник Высшей школы
Ю.В.Откупщиков

ИСТИННАЯ СУТЬ ФЕНОМЕНА ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА вследствие ее духовной, материальной и гносеологической многомерности, часто остается почти недоступной для объективного осмысления. И нередко только памятники материальной культуры являются единственным критерием его подлинно научного познания.

И поэтому, как это ни парадоксально, в условиях длительных войн и катастроф они становятся более ценными в глубокой исторической перспективе для выживания и этнической идентификации нации, чем для жизни отдельных людей.

В этом отношении труд Л.Ильясова есть попытка сохранить для будущих поколений (не только чеченцев) память об уникальной башенной культуре чеченского народа.

Эта работа – не просто обобщение сделанного предшественниками, но и существенный вклад в коррекцию приближения к подлинной сущности места и роли архитектурной системы в тот или иной период времени, а также отдельных ее составляющих.

Саид-Магомед Хасиев,
кандидат исторических наук

ВВЕДЕНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯВЛЕНИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЮБОГО НАРОДА связано не только с осмыслением его прошлого, но и с воспоминанием, с исторической памятью, которая хранит в необычных и очень часто недоступных для логического понимания формах информацию о событиях, происшедших многие тысячелетия назад.

Часто эта информация искажается временем, на нее накладываются придуманные события и никогда не существовавшие имена и факты, превращая ее в предания и легенды. Нередко она извращается исследователями, которые из-за политической конъюнктуры руины и могилы одних народов приписывают другим, пытаясь придать последним величие и древность. Но эта память оказывается сильнее и долговечнее исторических опусов, прочнее каменных крепостей и идолов. Через века, через тысячелетия она стряхивает с себя пыль времен и возвращается к нам вновь чистой и светлой. И от того, сумеем ли мы услышать ее голос в космической полифонии, сумеем ли разглядеть ее контуры в море миражей и призраков, будет зависеть ее истинность. А от этого главное: те ли мы, за кого себя принимаем и выдаем, правильно ли мы идентифицируем себя.

Может быть, мы – всего лишь осколки многих племен и народов, соединенные волею Всевышнего в единый сосуд?

Или давно выплеснуто из этого сосуда тысячелетнее вино и наполнен он чуждой ему влагой и сущностью?

Но если не будет он наполнен той высшей духовностью и мудростью, которая была присуща нашим предкам, не суждено ему сохраниться.

Для окружающих, в том числе и для народов Европы, чеченцы были загадочным народом, который оказывал ожесточенное сопротивление великим империям, сохраняя свою свободу и этническую самобытность, но обрекая себя на гибель и уничтожение.

Какая историческая память управляет этим народом, заставляя его гибнуть в бесконечных войнах против многочисленных врагов?

Может быть, память о цветущих и могущественных городах и крепостях, об обширных территориях от моря до моря, которые занимали предки, о громких победах над поверженным врагом? Может быть...

Судьба чеченцев связана с Кавказом, с горами, но считают ли себя чеченцы горцами?

Да, потому что именно горы становились естественной их крепостью при нападении врага, благодаря горам и своему духу сохранились чеченский народ, его язык, самобытная культура.

Нет, потому что по большому счету и духовная, и материальная культура чеченцев во многом связана с равниной. Чеченцы всегда возвращались на равнину как на землю обетованную. И это не было переселением горцев с суровых гор на более удобные земли, это было возвращением. Отсюда и многочисленный древний лексический слой в чеченском языке, связанный со словом «арие» – равнина.

Но память о спасительных горных вершинах также была очень сильной. Отсюда выражение: «лам боцу нах» – люди, не имеющие своей вершины, истори-

ческой памяти, а потому и права на равнину. И была убежденность: тот, кто не имеет глубоких корней на этой земле, способен принести ей большое горе ради личной выгоды.

Трагической была не только история чеченцев, но и судьба их духовного и культурного наследия. В течение многих столетий их не только физически уничтожали как этнос, но и разрушали памятники материальной культуры, пытались убить историческую память.

Историю чеченцев представляли как историю народа, который провел тысячи лет во тьме веков, вытесненный врагами в дикие горные ущелья, не имея ни государства, ни письменности, никаким образом не влияя на происходившие вокруг него события.

Трагическая участь постигла чеченские фамильные хроники – тептары. О существовании фамильных хроник у чеченцев писал Н.С.Иваненков в начале XX столетия в монографии «Горные чеченцы», отмечая при этом, что «ее (родословную – автор) ведет не все население, а только кто-либо один». О летописцах в чеченской среде писали и другие авторы того времени.

Тептар – вид фамильной (семейной) хроники, в которой велась запись всех предков и наиболее важных событий в жизни фамилии и народа. В более древние времена тептары писались на чеченском языке грузинским алфавитом, с IX–X веков (при сближении аланов с Византией) – греческим, а с XVII века – на арабском языке или чеченском языке арабским письмом. Есть сведения о чеченских тептарах, написанных клинописью, а также об использовании чеченцами грузинского и греческого (византийского) алфавитов. О надписи, состоящей из двух строк и выполненной греческим письмом на камне основания одной из башен в селении Кирды в Аргунском ущелье, упоминает Н.С.Иваненков. Согласно чеченским тептарам, укрепление Кирды было построено аланским правителем, ушедшим в горы со своей свитой, спасаясь от нашествия отрядов Тимура.

На чеченском языке выполнена аланская надпись на каменной могильной плите X–XI веков у реки Зеленчук в Карачаево-Черкесии.

В качестве материала для письма могли использоваться деревянные дощечки, каменные плиты, кожа, а в позднее время – бумага.

В 1944 году, во время выселения чеченцев, все тептары (так же как и теологические сочинения XVII–XIX веков на чеченском языке) у местного населения были изъяты и уничтожены. Отдельные экземпляры вывезены офицерами НКВД в Россию, несколько тептаров удалось спасти их владельцам.

Не менее печальной была судьба фольклорного наследия чеченцев, их мифологии. Работа по целенаправленному и систематическому сбору и записи произведений устного народного творчества в Чечне по различным причинам, даже по сравнению с соседними регионами Кавказа, была начата очень поздно. Это привело к тому, что древнейшие пласты чеченской мифологии, нартского эпоса, космогонии исчезли вместе с их носителями.

Чеченцев лишили собственной истории, письменности, могил предков, памятников духовной культуры...

Но остался дух древнего, мужественного народа, умудренного опытом многих тысячелетий.

I-1 ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ЦЕПЬ ПЕРМАНЕНТНЫХ ВОЙН, но и великих загадок и парадоксов. Древние народы, создавшие когда-то великие цивилизации и определявшие судьбы чуть ли не всего человечества, вдруг растворяются среди завоеванного ими населения, или погибают под ударами орд диких кочевников, или, занимая труднодоступные пространства, сохраняют свободу и этническую самобытность, но теряют при этом навыки цивилизации, наработанные предыдущими поколениями в течение тысячелетий.

Территория современного расселения нахов не составляет и малой доли той, которую занимали их далекие предки и родственные им народы в древнейшее время. Если следовать логике развития археологических культур, этнолингвистических и антропологических реалий, можно предположить, что нахи совместно с другими родственными кавказскими племенами к концу неолита занимали не только Кавказ, Переднюю и Малую Азию, острова и материковое побережье Средиземноморья, но и большую часть Европы.

Эти народы явились доиндоевропейским этническим и лингвистическим субстратом почти на всей территории Европы и определили антропологический облик большинства ее современных этносов. До прихода индоиранцев основную часть европейской территории занимали племена, относящиеся к кавказско-европейской языковой общности.

Сначала кавказоевропейцы столкнулись с древними кельтами. Об этом говорит древнейший пласт лексических схождений в кельтских и нахских языках. А о нахском этническом субстрате свидетельствует не только антропологический облик современных европейцев (древние индоевропейцы, по всей видимости, принадлежали к монголоидной расе или, по крайней мере, имели монголоидные черты), но и большой слой древнейших лексических заимствований из пракавказского языка в индоевропейских языках, что подтверждается, к примеру, германо-нахскими лексическими параллелями. Лексические соответствия в славянских и нахских языках указывают как на древний характер заимствований, так и на длительный период нахско-славянского двуязычия, так как речь идет о параллелях на уровне глагольной системы.

Большинство племен кавказско-европейской языковой общности со временем слилось с индоевропейцами, сохранив свой антропологический облик, но утратив при этом язык. В некоторых районах Европы, и особенно в Средиземноморье, этот процесс завершился лишь к VII–V векам до нашей эры.

Единственным народом из коренного европейского населения, который сохранил свой древний язык, оказавшись в окружении индоиранских языков на территории Западной Европы, являются баски. Но и их язык подвергся сильному влиянию индоевропейцев.

Кавказско-европейская языковая общность распалась, по всей видимости, в конце мезолита – начале неолита. Из известных в истории народов к ней можно отнести древнейшие племена, населявшие территории Франции, Испании, Германии, Великобритании, а также Юго-Восточной Европы. До более позднего времени, то есть до конца II – середины I тысячелетия до нашей эры, свой язык сохраняли племена, составлявшие догреческий субстрат на островах Эгейского моря, Крите, Кипре, Балканах, доиталийский субстрат – на Сицилии, Сардинии и Корсике, а также в некоторых областях материковой Италии.

Кипро-минойские надписи II тысячелетия до нашей эры, восходящие к критскому линейному письму «А», и критские догреческие надписи выполнены на одном из хурритских (нахских) диалектов.

В конце II тысячелетия часть хурритских (нахских) племен мигрировала с берегов Малой Азии, а возможно и Кавказа, в Италию, на территорию родственных им по языку и происхождению народов. В результате этой миграции появилась этрусская цивилизация.

Не противоречат этому и археологические данные. Так, по мнению археологов, материальная культура этрусков обнаруживает определенное сходство с культурой нахско-хурритских народов Передней и Малой Азии, так же как и с майкопской археологической культурой на территории Северного Кавказа.

Население центральных районов Кавказа, Юго-Восточной Европы и Средиземноморья еще в эпоху неолита принадлежало к одному и тому же антропологическому типу.

И.М.Дьяконов писал в свое время в «Предыстории армянского народа» о том, что, «устанавливая происхождение народа, следует иметь в виду, что преемственность может быть троякой: антропологической, языковой и культурной. Антропологическая преемственность означает прямое биологическое происхождение от тех или иных предков и выражается в передаче определенных внешних (расовых) признаков, которые обычно позволяют установить различные составляющие элементы в образовании данного народа. Границы распространения антропологических типов почти никогда не совпадают с границами этносов и ареалами языков. Языковая преемственность также указывает на историческую связь данного народа с этническими группами, которые были носителями этого же языка на более ранних этапах истории. Распространение языка вширь, на этнически, культурно и антропологически чужеродные группы, является в истории самым обычным явлением. Таким образом, современный этнос может во многих случаях преемственно продолжать культуру преимущественно одних предков, составляющих большинство, а в языковом отношении быть преемником этнической группы, составляющей меньшинство среди его предков».

Кавказско-европейская языковая общность распалась под влиянием различных факторов, главными из которых являются массовая миграция на территорию Европы индоиранских племен и их компактное расселение среди кавказско-европейского населения.

Собственно кавказская языковая общность существовала дольше и распалась к концу неолита на картвельскую, адыгскую, нахскую и дагестанскую группы, и, конечно же, этот процесс также был сложным и протяженным во времени.

Распад нахско-дагестанского языкового единства, как об этом свидетельствуют существенные различия в материальной культуре на территории расселения нахских и дагестанских племен, произошел не позднее середины III тысячелетия до нашей эры.

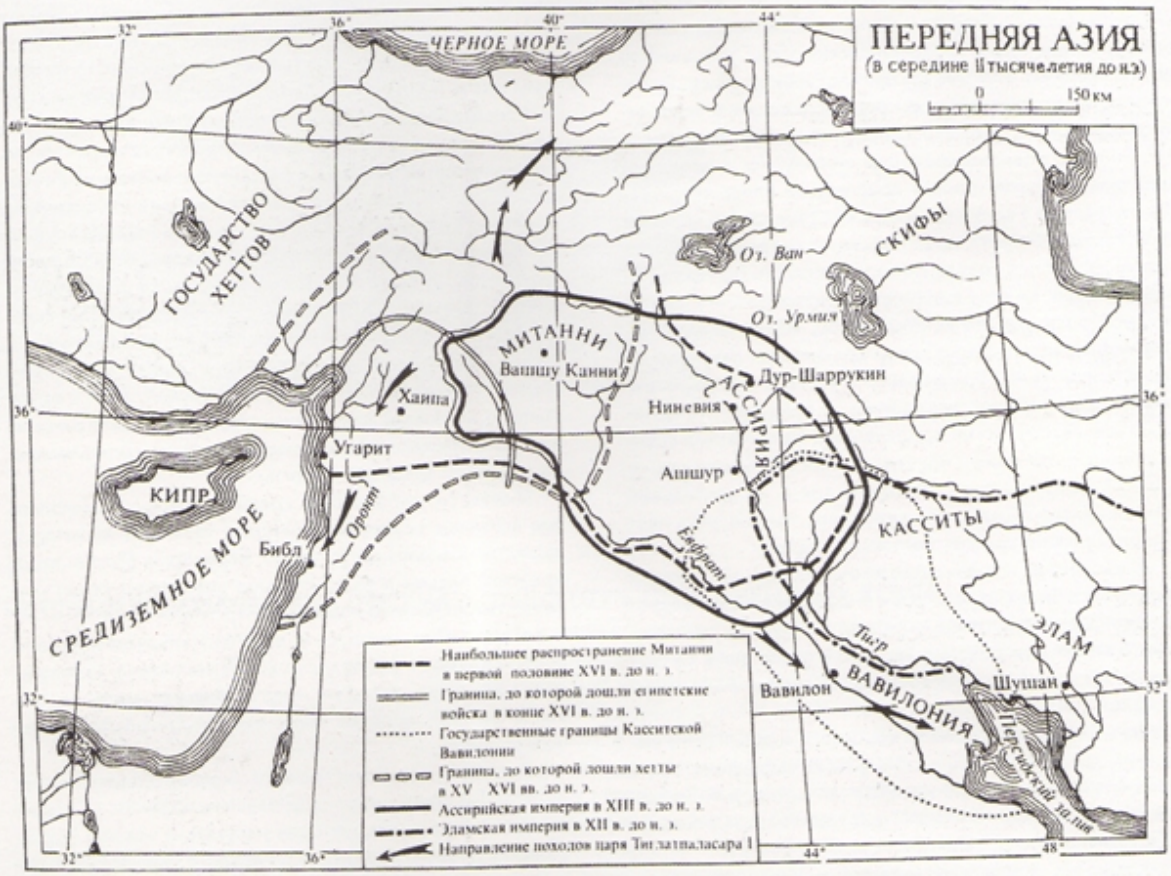
На это указывает и близость языка хуррито-урартов, мигрировавших с Северного Кавказа в Закавказье и Переднюю Азию в конце IV – начале III тысячелетия до нашей эры, именно к нахскому языку, как в структурно-типологическом, так и лексическом плане. А это возможно только в том случае, если миграция произошла после окончательного разделения нахских и дагестанских языков.

При распаде кавказского языкового единства народы, населяющие Северный Кавказ и территорию к северо-западу от него, располагались по отношению друг к другу так же, как и в позднейшее время. Носители дагестанских языков находились на востоке ареала, нахские племена – в центре и на западе, адыгские – в юго-западной области.

По всей видимости, подобное соседство было длительным и отразилось на уровне языкового родства между ними. В этом смысле адыгские языки гораздо ближе и в лексическом, и в структурно-типологическом плане к нахским, чем к дагестанским языкам. Если учитывать уровень лексических и морфологических различий между нахскими и адыгскими языками, которые определяются закономерностями их исторического развития, то можно говорить об относительном лексическом единстве этих языков. Оно обусловлено не только общностью происхождения, но и длительным их сосуществованием.

Центральное положение нахских языков в системе кавказской языковой семьи, а также их близость к языкам древних цивилизаций говорит о том, что чеченцы являются древнейшим народом Европы.

Близкое родство нахских и хурритских языков является бесспорным научным фактом. Об этом говорит не только высокий уровень лексических схождений, но и полное структурно-типологическое тождество этих языков. Даже



Передняя Азия в середине II тысячелетия до нашей эры

показатели грамматических классов в нахских языках, которые представляются сравнительно поздним явлением, имеют прототипы в хуррито-урартских языках в виде указательных местоимений.

При этом нужно учитывать то, что со времени разделения этих языков прошло пять тысяч лет. Ведь хурриты покинули районы древнего проживания, то есть ущелья и равнины Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы, не позднее III тысячелетия до нашей эры.

Нахские племена продвигаются на юг практически по всем основным проходам через Главный Кавказский хребет: по побережью Каспийского моря, через Дарьяльское ущелье, по побережью Черного моря, частично оседая на южных склонах Кавказа.

Со второй половины III тысячелетия до нашей эры они начинают упоминаться в аккадских источниках под этнонимом «субареи». К этому времени относятся две клинописные надписи, сделанные от имени хурритских царей, одна – на аккадском, вторая – на хурритском языке. Вторая надпись, принадлежащая Тишари, царю Уркеша (Северная Месопотамия), является древнейшим памятником хурритского языка.

В конце первой половины II тысячелетия до нашей эры хурриты распространяются почти по всей территории Передней Азии. Границы их расселения простираются от реки Диялы – на юго-востоке, до Средиземноморского побережья – на западе, на юге – до Палестины и Сирии включительно. Они поселяются в Эламе, Месопотамии, Мари, Митанни, Сирии, Палестине. В аккадских источниках их называют первоначально субареями, а их страну – Субарту. По мнению исследователей, на самом деле этноним «субареи» относился к дохурритскому (возможно, шумерскому) населению этих районов, с которым хурриты могли находиться в определенном языковом родстве.

Египетские источники с XVI века до нашей эры называют их huru, а в Библии древние (несемитские) племена Палестины обозначены как hori (из huri).

Северная граница расселения хурритских племен в этот период неопределенна, так как к северу от них была территория урартов – народа, близкородственного хурритам по языку и происхождению. По всей видимости, в начале III тысячелетия хурриты и урарты представляли единый этнос.

Еще севернее, в Центральном и Восточном Закавказье, исследователи предполагают существование еще одной группы нахских племен – этиухов. Этиухи являются создателями так называемой триалетской археологической культуры, существовавшей в Закавказье во II тысячелетии до нашей эры. Эта культура имела глубокие материальные связи с переднеазиатским хурритским миром.

На основе расселения хурритских племен от Закавказья до Сирии и Палестины можно проследить миграцию нахов на юг с территории Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа.

Как подчеркивалось выше, для более или менее адекватного установления происхождения народа нужно иметь в виду три фактора преемственности: антропологический, языковой и культурный (археологический). В истории человечества

чрезвычайно редки случаи, когда этнос является преемником более древнего этноса по всем трем составляющим.

Но в случае с нахскими и хурритскими племенами мы имеем явное совпадение двух факторов: языкового и антропологического, так как близкое родство нахского и хурритского языков является фактом общепризнанным, а на всей территории расселения этих племен в описываемый период времени преобладала балкано-кавказская раса, к которой также относятся и современные нахи.

Культурные, или археологические, данные не дают такой ясной картины.

Б.Б.Пиотровский считает хурритские племена создателями так называемой куро-аракской археологической культуры, возникшей в конце IV тысячелетия на территории Восточного Закавказья, в междуречье Куры и Аракса, а также на Армянском нагорье. Отсюда она распространилась почти на все Закавказье, на отдельные районы Передней Азии, вплоть до Сирии и Палестины, а к северу на Дагестан и юго-восточные районы Чечни и Осетии.

Поселения куро-аракских племен располагались на холмах и возвышенных местах, а также по берегам рек и на горных склонах. Наиболее распространенным типом жилища у них были дома круглого плана, которые строились из камня, сырцового кирпича или турлучной техникой. Основу хозяйства племен куро-аракской культуры составляли земледелие и скотоводство. Высокого уровня достигают металлургия и гончарное производство. На поселениях куро-аракской культуры найдено множество печей для выплавки меди, разнообразные орудия труда, оружие и украшения из бронзы. Большое распространение получили у этих племен глиняные очажные подставки различного типа, в том числе и в виде стилизованных фигурок быков.

Керамические изделия характеризуются черной лощеной поверхностью и розовой подкладкой изнутри, некоторые из них имеют красно-охристую окраску и идентичны керамике поселений майкопской культуры.

Погребальные сооружения племен куро-аракской культуры – это в основном грунтовые ямы, каменные ящики, склепы подковообразной формы.

Куро-аракская культура развивалась на основе более древней местной культуры, так же как и майкопская на территории Северного Кавказа. Ведь нахские племена Северного Кавказа, по крайней мере предки современных чеченцев, населявшие в это время центральные и западные районы Кавказа вплоть до Прикубанья, а в более древние времена, возможно, и до побережья Черного моря, чуть позднее создали майкопскую археологическую культуру, генетически связанную с куро-аракской, но типологически отличную от нее.

В свое время известный исследователь Е.И.Крупнов писал: «Сходство памятников майкопской культуры с памятниками культуры Куро-Аракского энеолита (рельефный криволинейный орнамент на керамике, формы наконечников стрел и т.д.) и соединение этих культур в поселениях Чечено-Ингушетии позволяют видеть в майкопской культуре северо-западный вариант некогда единой археологической культуры всего Кавказского перешейка. Все увеличивающееся число данных о связях этих древних культур превращает этот вопрос в важную проблему древнейшего культурного кавказского единства и его отношения к какой-то большой и тоже единой этнической общности... Несомненно, кавказская языковая семья оформилась очень давно, еще в неолитическую эпоху, может быть, еще до выступления на

Керамика куро-аракской культуры.
Из книги Р.М.Мунчаева "Кавказ на заре бронзового века". М., 1975

Урарту в начало правления Ишпуини
Район походов Ишпуини
Район походов Менуа
Южная граница Урарту после 714 г. до н. э.
Район западных походов Русы II
Основное направление ассирийского вторжения
ТУШПА
ШУБРИА (АРИЕВ)
ЗИКИРТУ
ХУБУШКИА
УЛИБА
ЦУПА
ПУМАХА (ПОМАТЕНА)
ХАЛДИ (СТРАНА ХАЛДОВ)
ВИЯНАХИЛЬ
ГИЛЬЗАНУ
ЭРИСИНИ
ЭРИМЕНА
ЭРИДУРУ
ЭРИБУНИ
ЭРИАХУНИ
ЭРИЗИЗИ
ЭРИАЗИ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗУ
ЭРИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗУ
ЭРИАЗИЗУ
ЭРИЗ

строятся каменные крепости с мощными цитаделями, развиваются ремесла и сельское хозяйство. Если первоначально царские писцы вели записи на ассирийском языке, то позже они переходят на урартский язык.

Материальная культура Урарту была совершенно новым этапом в развитии цивилизаций Передней Азии. Она, несомненно, через опосредованные связи определила в какой-то степени и лицо современной европейской культуры.

После падения Урарту в начале VI века до нашей эры часть урартских племен мигрировала на Северный Кавказ, в районы расселения родственных нахских племен (информация об этом сохранилась в преданиях многих чеченских тейпов, а также в фамильных хрониках – тептарах), другая же часть – в восточные районы Закавказья.

Чуть позже здесь возникло государство Кавказская Албания. Наиболее активным этносом в нем были потомки хуррито-урартских племен, известные под этнонимом «гаргары» или «гаргареи». По всей видимости, нет особых оснований для того, чтобы идентифицировать их с лезгинами или удинами, так как этноним «гаргареи» упоминается античными авторами рядом с «утиями, уди, удинами и легами», которые, без сомнения, являются предками современных удин и лезгин. И вряд ли античные писатели (Страбон, Плиний, Плутарх) стали бы дважды упоминать одно и то же племя в одном тексте под разными этнонимами.

По всей видимости, часть гаргареев позднее мигрировала на Северный Кавказ, в районы расселения родственных им нахских племен. В связи с этим можно вспомнить старинные предания о происхождении нахского общества Галгай, жители которого пришли к истокам Ассы из южного Дагестана, то есть с территории Кавказской Албании. И это дает возможность объяснить определенный уровень морфологических и лексических соответствий между нахскими и некоторыми дагестанскими (прежде всего лезгинскими) языками явлением адстратного характера.

Нахские племена двалов, населявшие территорию древней Двалетии (современная Южная Осетия) вплоть до конца XV века, также являются потомками древних мигрантов, осевших здесь по пути передвижения, нахских племен на юг. Согласно Вахушти Багратиони древнейшее население Двалетии происходит от легендарного Кавкаса и является близкородственным дурдзукам, то есть горным нахам. О принадлежности двалов к нахским племенам говорит и отнесение их древними авторами к кавкасианам, под которыми, без сомнения, подразумевались нахи.

Не менее могущественными были нахские племена, жившие с северной стороны Главного Кавказского хребта.

Так, согласно исследованию абхазского историка А.Гумбы, «по данным письменных источников (античных, древнеармянских, древнегрузинских), во второй половине I тысячелетия до нашей эры древние нахские племена занимали территорию от Приэльбрусья и течения реки Малка на западе до подножия Андийского хребта и течения реки Аргун на востоке. Сообщения письменных источников согласуются с данными топонимики, языка, антропологии и этногенетических преданий нахских народов. Полное совпадение территории расселения древних нахских племен во второй половине I тысячелетия до нашей эры с ареалом распространения позднекобанской археологической культуры является подтверждением того, что носителями этой культуры были нахи.

На основе детального анализа сведений античных историков Лукиана Самосатского и Клавдия Элиана

Статуэтка крылатого льва с человеческим торсом. Деталь урартского трона. Бронза. VII век до н.э.

А.Гумба приходит к выводу о том, что «во второй половине I тысячелетия до нашей эры племена, проживавшие в центральных районах Предкавказья, античным авторам были известны под названием «малхи». Наличие топонимических названий с корнем «малх» (река Малка, Малкан, Малхал, Малхар, Малгобек, Малхиста) в различных областях Центрального Предкавказья свидетельствует о широком расселении в центральных районах Северного Кавказа племенных групп «малх».

Термин «малх» был общенахским этнонимом. В абхазских нартских сказаниях население центральных районов Кавказа выступает под именем «малхуз», а сваны обозначали его этнонимом «малх-ар», где «ар» – показатель множественного числа. Измененной формой «малх» является и адыгское название вайнахов «мыщхыщ» с закономерным переходом нахского – «а» в адыгское – «ы», а нахского –«л» в адыгское – «щ» (ср. вайнахское «ла-р» и абхазско-адыгское «щы-т»). В фольклоре адыгов и горных грузин нахи Центрального Кавказа выступают сильным и могучим племенем, играющим важную роль в жизни народов региона.

Таким образом, археологические и исторические данные говорят о том, что нахи не были народом, «тысячелетиями запертым в тесных ущельях, на обочине цивилизации», а играли доминирующую роль не только на Кавказе, но и в Передней и Малой Азии, а также в различных регионах Европы.

ИСТОКИ

АЛАНСКИЙ ПЕРИОД I-2

НАСЕЛЕНИЕ ГОРНЫХ УЩЕЛИЙ ЧЕЧНИ в Позднем Средневековье сформировалось в результате двух переселений жителей равнины в горы: во время нашествия монголов и в период нападения на Кавказ Тимура (хотя была частичная миграция равнинного населения в горные районы и в эпоху войн с гуннами). При этом второе переселение было массовым. Оказав жесточайшее сопротивление войскам Тимура, оставшиеся в живых аланы вынуждены были отступить в горы, где жили близкородственные им горные племена. Кроме того, нашествие Тимура вызвало значительную миграцию нахов из западных районов Алании на восток.

Объединения тейповых общин, населявших Аргунское и сопредельные с ним ущелья в XV–XVIII веках, которые упоминаются в русских источниках того времени, были результатом смешения населения гор и жителей равнин (алан). Это подтверждается и археологическими раскопками.

Вплоть до последнего времени считалось, что аланы были частью огромного массива сарматско-массагетских племен, продвинувшихся в равнинные и предгорные районы Северного Кавказа из Поволжья и Южного Приуралья.

Но еще в начале 40–60-х годов прошлого столетия некоторыми исследователями истории Кавказа была поставлена под сомнение ираноязычность не только алан, но и северокавказских сарматов.

Античный географ Страбон считал родственным не только население горной и равнинной зон Северного Кавказа, но и относил к нему племена Северной Грузии. Описывая население древней Иберии, он указывает, что «горную часть занимает большинство иберов, живущее по обычаю скифов и сарматов и будто бы родственное им». Кроме того, говоря о народах, которые приходили в причерноморские города для торговли, он пишет, что «большая часть их принадлежит к сарматскому племени, и все они называются кавказцами».

В «Армянской географии VII века» Анании Ширакаци, которая, по сути дела, является компиляцией сочинения Птолемея, в тех местах, где античный автор пишет о яксаматах, армянский историк заменяет этот этноним нахчаматами и располагает их у устья Дона. Нет сомнения в том, что Ширакаци прекрасно знал географию расселения кавказских народов, как это видно по его сочинению, и сделал эту замену осознанно.

К.Патканов в комментариях к труду Анании Ширакаци выделил ряд этнонимов, упоминаемых в «Географии» (сармат, савромат, яксамат, хечмат-ак), заканчивающихся суффиксом «mat», в том числе и «нахчемат», или «нахчиматеанк» в армянском варианте. По его мнению, данный этноним состоит из двух чеченских слов: «нахче» – самоназвание чеченцев и «матт» – страна, язык и армянского окончания множественного числа – «еанк». Таким образом, этнонимы с корневой частью «мат», по его мнению, являются нахоязычными.

Известный грузинский историк И.А.Джавахишвили не только поддержал идею К.Патканова, но и обосновал ее новыми аргументами.

По его мнению, племена равнинной зоны Северного Кавказа обозначались этнонимом «шармат», а не «сармат». Так как ни в греческом, ни в латинском языке не было звука «ш», в написании и произношении античных авторов он стал звучать как «сармат». Этноним «шармат» И.А.Джавахишвили делил на два элемента: «шар» – «мат». При этом первый элемент он считал этническим обозначением, которое

встречалось в более древние времена в различных районах Кавказа и упоминается в исторических сочинениях средневековых грузинских авторов. К примеру, у Георгия Мерчули, грузинского историка X века, есть упоминание о владениях в северной части Абхазии Шаройского государя, то есть Шаро. Оно сохранилось, по его мнению, в топонимике горной Чечни: в названии реки Шаро-Аргун и исторической области Шарой, а также в виде Шарван, Шаро в Восточном Закавказье.

При этом нельзя не отметить и работу чеченского ученого Я.Вагапова «Сарматы и вайнахи». В ней автор убедительно обосновал нахоязычность большинства сарматских и аланских этнонимов и личных имен, которые упоминаются в различных исторических источниках.

Исследователь считал, что «в древнейшем из рассматриваемого ряда этнониме «савромат» его первая часть соответствует вайнахскому «совра» – мягкая кожа с характерным естественным рисунком на поверхности (мерея). То есть «савромат» означало кожаное племя. Это объясняется тем, что у савроматов в одежде много было кожи: кожаный плащ, кожаные шлем, обувь... Название сарматов в форме «шарма» отмечено у адыгов, с ним же связывают ученые и фамилию Шеремет, Шереметев. Вайнахское «шера меттиг» (с суффиксом «иг») и его более древняя форма «шара мат» – гладкое, ровное место подсказывают, что «сармат» не что иное, как «шармат». То есть вначале «сармат – шармат» должно было быть названием равнины, а от этого названия местности жители равнины, степи должны были получить название «шарматай», «шарматой», что значит «равнинные».

Название «харимат» также может быть разложено на две части: уже известное нам «мат» и слово «хари» – сторожевой, от слова «ха» – «стража», с суффиксом имен прилагательных «ри». Очевидно, в силу каких-то специфических функций это племя получило подобное название. По смыслу такой же характер носит название горного чеченского села Хой, буквально «стражи, охранники». Также по-вайнахски объясняются и остальные сарматские племенные названия с корнем «мат» в их составе. Сложные слова с тем же «мат» в роли обозначения местности и общности людей представлены и в вайнахских языках».

В работах многих исследователей истории Кавказа последовательно проводилась мысль о том, что вайнахские племена, населявшие территорию от Андийского хребта до Дарьяльского ущелья в начале нашей эры и в Раннем Средневековье, обозначались этнонимом «дурдзуки». На самом же деле это было грузинское название небольшой части вайнахов, населявших высокогорные районы в верховьях рек Аргун, Асса, Армхи. Особенно ясно это просматривается в «Географии Грузии» Вахушти Багратиони. Дурдзукети, Кистети были областями, гораздо более близкими в географическом плане к Грузии, чем к основной территории расселения нахов, и всегда находились в орбите ее внешней и даже внутренней политики.

Овсы средневековых грузинских источников также не имеют прямого отношения к современному этнониму «осетины». Это всего лишь грузинское название алан, которое позже волею случая (что нередко происходило в истории многих народов) закрепилось за этнической общностью, образовавшейся в результате смешения исконного, аланского (нахского) элемента с пришлым, иранским (и, возможно, семитским). При этом вытеснение иранским языком, так же как и тюркским, нахского языка в центральных районах Кавказа происходило в течение длительного времени. Последним периодом, определившим язык новой этнической общности, была эпоха нашествия Тимура, когда в ущельях Центрального Кавказа были размещены ираноязычные гарнизоны для охраны горных проходов. В более древние времена основные горные дороги охранялись отрядами вначале персидских, а затем арабских правителей. Их воины, несшие здесь караульную службу, также были в основном выходцами из Ирана.

Интересную версию происхождения осетин предложил Ю.Клапрот, ссылаясь при этом на Диодора Сицилийского. По его мнению, «скифы привели колонию мидийцев в Сарматию, страну на севере Кавказа. От нее и происходят осетины, которые еще и сегодня называются «ирон».

В горные ущелья Северо-Западного Кавказа под давлением монголов, а затем отрядов Тимура из Предкавказья переместились и половцы. Здесь они смешались с аланским населением, в среде которого уже присутствовали тюркоязычные савиры, вытесненные с равнины гуннами. В результате появились карачаевцы и балкарцы, этносы, которые сохранили единство материальной и духовной культуры с нахами-аланами и кавказионский антропологический облик, но стали тюркоязычными.

Возможно объяснение на основе чеченского языка и этнонима «аланы», если учесть, что в древние времена этнические образования нередко получали наименования в соответствии с их основным религиозным культом, по имени главного божества или тотема. В течение тысячелетий основным культом древних нахских племен был культ солнца, культ дневного светила, который позже воплотился в идею Единого и Великого Дела.

В чеченском языке сохранились удивительные ключи к разгадке древнейших, глубинных связей между религиозными культами и духовными категориями. Человеческая душа обозначается понятием «са», имеющим также значение «свет», в том числе и «дневной свет».

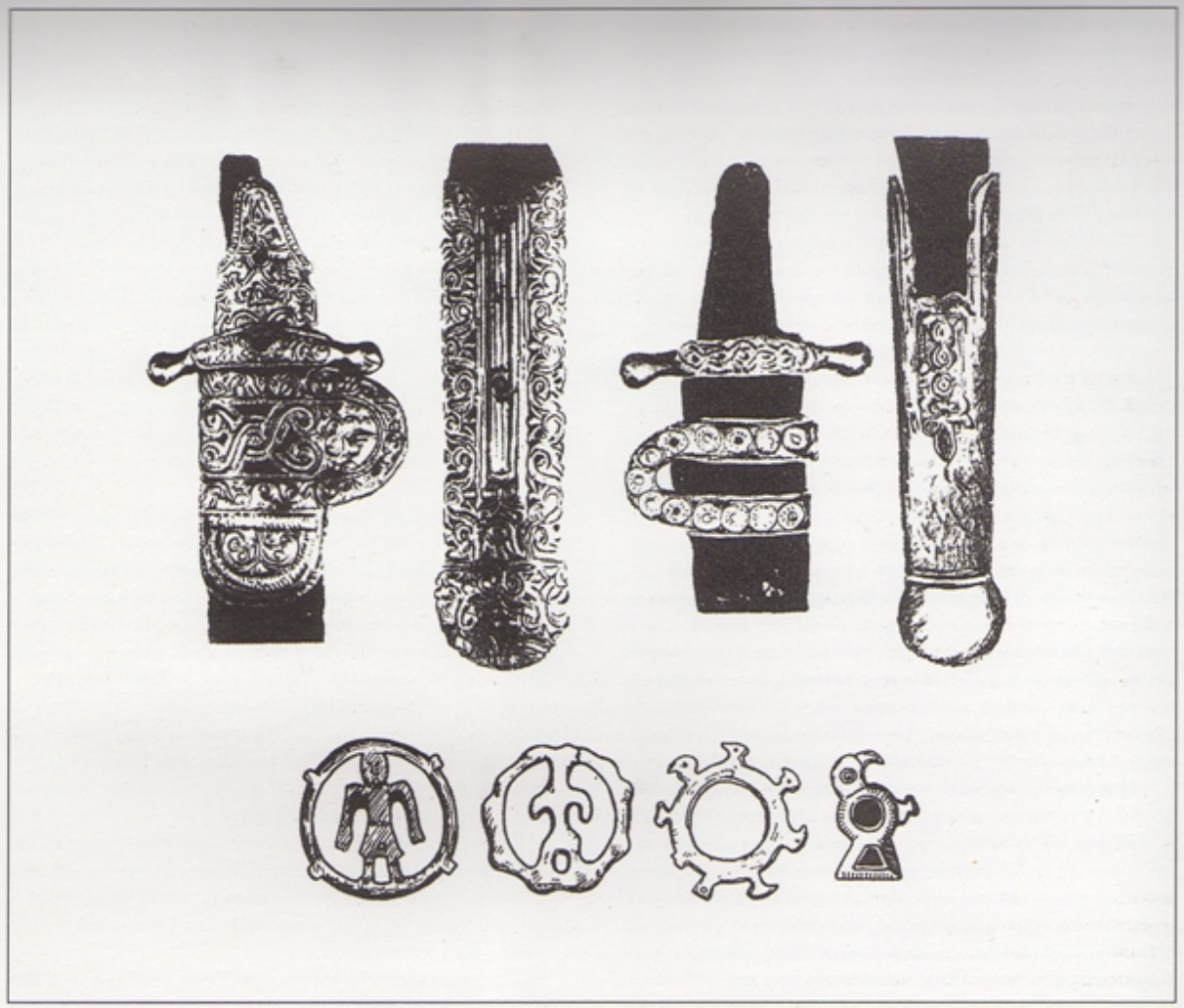
Среди древних нахских племен многие имели названия, связанные с различными ипостасями солнца, например майстой (Ма – древнее божество солнца), мялхи (Малх –обращение к солнцу во время молитвы), садой (Са – свет), цIовбацой (ЦIу – божество огня).

Согласно древним источникам, культ солнца и огня был главным в религиозной идеологии алан. Этноним «алан» можно возвести к чеченскому слову «алуо» – пламя, жар, солнечный жар. Аланы — дети огня или солнечного пламени, что может также характеризовать их воинственный характер, о котором писали многие древние авторы.

Таким образом, «аланы» – всего лишь один из этнонимов, обозначавших нахские племена предгорий и равнин в определенный период времени. Различия в материальной культуре (о них чаще всего судят по погребениям) не всегда могут быть достаточным основанием для этнической идентификации.

Основным и, по сути дела, единственным этническим определителем алан как кочевого ираноязычного племени, мигрировавшего в Предкавказье в начале новой эры с Поволжья и Южного Приуралья, считались погребальные сооружения в виде катакомб.

Но, по мнению археолога М.Г.Мошковой, катакомбные захоронения у сарматских племен, живших в междуречье Волги и Дона и Южном Приуралье, составляют незначительный процент по отношению к другим видам погребальных сооружений. И они не только не предшествуют хронологически северокавказским катакомбам, а появляются позже, что видно по погребальному инвентарю. Очевидно, катакомбы у сарматов междуречья Волги и Дона появляются во II–III веках нашей эры под влиянием северокавказской традиции. Все археологические материалы с территории первоначального расселения ираноязычных савроматов-сарматов говорят о том, что невозможно увязать между собой два господствующих в науке положения: с одной стороны, отнесение алан к кругу ираноязычных сармато-массагетских племен; с другой – при-



Детали аланских сабель XI—XIV вв.
Бронзовые предметы аланской культуры V—VII вв. — амулеты

Бронзовый амулет из кобанского погребения у селения Новогрозный.

внесение сарматскими племенами на рубеже нашей эры катакомбного способа погребения на Северный Кавказ.

Ранее Е.И.Крупнов пришел к выводу о том, что аланы, «занимавшие территории почти от Дагестана до Прикубанья, являлись родоначальниками не только осетин, но и других народов Северного Кавказа, в частности чеченцев, ингушей». При этом он опирался на антропологические исследования, согласно которым население равнинных районов Северного Кавказа и горной зоны в начале нашей эры относилось к одному и тому же антропологическому типу. В указанный период на этой территории не произошло смены местного населения, и аланы могли быть только нахским племенем.

Самым удивительным является тот факт, что, обнаруживая полную несостоятельность теории иранского происхождения алан с точки зрения археологии и антропологии, большинство исследователей даже не пытались поставить под сомнение их ираноязычность, ссылаясь при этом как на бесспорный аргумент, на статью В.И.Абаева "Alanica" в монографии «Осетинский язык и фольклор».

В.И.Абаев приходит к выводу об иранском происхождении аланского языка всего лишь на основе двух коротких фраз: аланской (предположительно) вставки в тексте «Теогонии» византийского писателя XII века Цеца и зеленчукской надписи на могильной стеле.

Аланская фраза в прочтении И.Моравчика воспроизводится В.И.Абаевым следующим образом:

тапаγχας μεσφιλι χοΐνα κορθιν [...]

το φαρνετζν καντζι μεσφιλι καιτερφουα [...] ουγγε

и должна переводиться согласно греческому подстрочнику Цеца как

«Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты?»

«Тебе не стыдно, госпожа моя?»

Все слова в греческом предложении писались слитно, и разделить их, не зная языка, очень сложно. В аланской фразе, написанной греческим письмом, это практически невозможно, даже если рядом дается параллельный перевод на греческом языке, так как порядок слов в предложении в этих двух языках, вероятнее всего, не совпадал.

В.И.Абаев разбивает аланскую фразу на отдельные слова произвольно. Но даже это не помогает ему найти соответствующие параллели в современном осетинском языке. Например, в качестве соответствия сочетанию *μεσφιλι*, которое византийский писатель переводит как *αυθεντα μου* – мой господин, исследователь предлагает осетинское ma afsin – моя хозяйка. Но здесь более подошло бы грузинское me shvili – сын мой, которое в греческом варианте могло быть написано именно как *μεσφιλι*. Создается впечатление, что византийский писатель имел смутное представление об аланском языке, и его «аланская» фраза представляла собой набор слов из различных кавказских языков.

Чтобы прочитать аланское приветствие, приведенное у Цеца как осетинское, исследователю приходится совершать абсолютно неубедительные экскурсы в историческую фонетику осетинского языка. И все же для того, чтобы както обосновать свои выводы, В.И.Абаев предлагает иное чтение некоторых слов, например *χαινα* вместо *χοΐνα*. Но двоеточие (знак разделения) над *ї* в слове *χοΐνα* в рукописи предполагает, что перед - *ї* должен находиться гласный. Подобное написание указывает на то, что оба гласных должны читаться раздельно, а не как дифтонг.

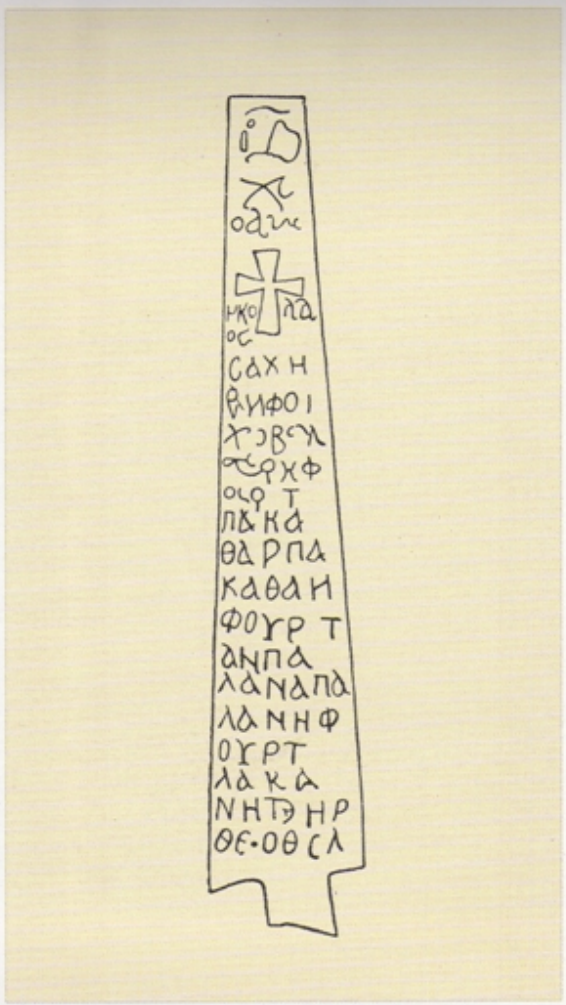
«Аланская» фраза Цеца вряд ли может быть достоверно прочитана. И, соответственно, невозможно определить ее языковую принадлежность.

При дешифровке средневековых надписей нужно учитывать, что осетинский язык имеет довольно большой и древний пласт лексических заимствований из нахских языков.

Об этом, кстати, пишет и сам В.И.Абаев в той же монографии: «Среди всех неиндоевропейских элементов, которые мы находим в осетинском языке, кавказский (нахский – автор элемент занимает особое место не столько по количеству, сколько по интимности и глубине вскрывающихся связей. Кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: фонетику, морфологию, синтаксис, семантику, идиоматику. В формировании осетинской этноязыковой культуры кавказский элемент участвовал не только как фактор внешний, чужеродный, но также как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский».

Не совсем корректно и убедительно исследователь восстанавливает и другие части фрагмента из книги Цеца. Вызывает большие сомнения идентичность цитаты византийского писателя именно аланской речи. Поэтому вряд ли произвольная трактовка «аланской» фразы является достаточным доказательством иранского происхождения аланского языка.

Не более достоверной является трактовка В.И.Абаевым и зеленчукской надписи. Надпись эта была обнаружена на каменной могильной плите, на берегу реки Зеленчук, на территории современной Карачаево-Черкесии. Она была датирована археологом Вс.Миллером XI–XII веками нашей эры.



Аланская надмогильная стела (по Д.М.Струкову)

Вс.Миллер прочитал ее следующим образом:

Іς Χς	Иисус Христос
Οατς Νικολος	Святой Николай
Σαχηρη φουρτ	Сахира сын
Χ...ρη φουρτ	Х...а сын
Πακαθαρ Πακαθαη φουρτ	Бакатар Бакатая сын
Ανπαλ Ανπαλανη φουρτ	Анбал Анабалана сын
λακανη τζηρτθε	Юноши памятник?
λακανητε ηρτθε	Юноши Ирыʔ

Соглашаясь в общем с этой трактовкой, В.И.Абаев предлагает свой вариант прочтения надписи:

Іς Χς	Иисус Христос
Οατς Νικολος	Святой Николай
Σαχηρη φουρτ [Χ...ρ]	Сахира сын Х...р
[Χ]...ρη φουρτ Πακαθαρ	Х...а сын Бакатар
Πακαθα[ρ]η φουρτ Ανπαλαν	Бакатара сын Анбалан
Α[ν]παλανη φουρτ Λακ	Анабалана сын Лак
ανη τζηρτθε	Их памятник

Версия В.И.Абаева является более логичной, за исключением трактовки предпоследней и последней строк. Если следовать логике прочтения предыдущих строк, мы должны были прочитать: *Α[ν]παλανη φουρτ Λακανη* – Анабалана сын Лакани. Вряд ли является возможным прочтение последних слов как *ανη τζηρτθε* — «их памятник». Это не вписывается ни в одну из формул надмогильных надписей. А как известно, жанр эпитафии был довольно консервативным.

Гораздо проще и достовернее все это объясняется с точки зрения современного чеченского языка.

Прежде всего В.И.Абаев забыл указать, что дигорское диалектное furt – сын является заимствованием из нахских языков, где оно имело форму hurt/furt – сын, и в других иранских языках не встречается.

Надпись без больших затруднений читается на основе морфологических норм современного чеченского языка. Во-первых, в чеченском языке соблюдается та же последовательность в употреблении имен отца и сына. Во-вторых, притяжательный падеж на *–i* (греческое (византийское) *-η*) является обычным (без носового призвука n) для многих чеченских диалектов и в разговорной речи. Исходя из того, что аланский язык был именно нахским, мы предлагаем следующее ее прочтение:

Ις Χς	Иисус Христос
Οατς Ηικολος	Святой Николай
Σαχηρη φουρτ [Χ...ρ]	Сахира сын Х...р
[Χ]...ρη φουρτ Πακαθαρ	Х...а сын Бакатар
Πακαθα[ρ]η φουρτ Ανπαλαν	Бакатара сын Анбалан
Α[ν]παλανη φουρτ Λακανη	Анабалана сын Лакани
τζηρτθε	В память (в посвещение)

В.И.Абаев для того, чтобы объяснить обозначение якобы осетинского *t* через греческие *θ* и *τ* в различных случаях, вынужден говорить о каких-то орфографических нормах, которым следовал писец. Но о каких нормах орфографии для аланского языка мы можем говорить, если от него не осталось ни одного развернутого памятника письменности? Если же допустить, что через греческую *τ* обозначался обычный «т», а через *θ* чеченский абруптивный «tl», то сразу все становится на свои места.

И слово *τζηρτθε* мы можем прочитать как чеченское «чIиртIе», то есть «в память, в посвящение», что вполне уместно на надмогильном памятнике.

Следовательно, мы можем считать зеленчукскую надпись, датируемую исследователями X–XII веками, древнейшей письменной фиксацией аланского или средневекового нахского (чеченского) языка.

Косвенным подтверждением этому может служить существование надписи, состоявшей из двух строк и выполненной также древнегреческим письмом, на камне основания одной из башен Кирды в Аргунском ущелье.

Миф об иранском происхождении аланского языка основывается на мистификации известного ученого, и, к сожалению, такие случаи в исторической науке нередки.

На основе антропологических, языковых и археологических данных мы можем говорить об аланах как об одном из нахских племен, занимавшем равнины и предгорья Центрального Кавказа. Как известно, катакомбные захоронения алан нашли свое продолжение в подземных, полуподземных, а затем и наземных склепах жителей гор.

Склеповые погребальные сооружения повторяют форму аланских жилых построек. Ведь в отличие от кочевников аланы имели прямоугольные и квадратные жилища (культура прямоугольного жилища, как и культовых, и фортификационных сооружений, сохраняется на этой территории в течение нескольких тысячелетий), которые, как и склепы, могли быть наземными и полуподземными. Наземные жилища строились в турлучной технике, перекрытия их опирались на столбовые конструкции. Полуподземные жилища были квадратными в плане и имели двускатную кровлю. В условиях гор аланы строили такие же сооружения, но только из камня. По всей вероятности, жилые строения алан позднее во многом определили облик погребальной и, возможно, башенной архитектуры нахского Средневековья.

Те различия в материальной культуре, которые все же появляются у племен равнинной и горной зон, объясняются прежде всего определенной консервативностью хозяйственно-экономического уклада горцев, малочисленностью внешних контактов и их относительной изоляцией от внешнего мира.

Археологические материалы не дают информации о глобальных военных действиях в тот период и насильственном вытеснении или уничтожении коренного населения. И, соответственно, весьма сомнительно предположение о внезапном появлении на огромной территории единого народа, который сразу же начинает доминировать в этом регионе, так же как и быстрый его переход от кочевого образа жизни и скотоводства к оседлости и земледелию.

Следовательно, можно говорить о том, что уже на рубеже нашей эры на территории расселения нахских племен материальная культура начинает распадаться на горную и равнинную. При этом культура горцев долгое время сохраняет архаичные черты и самобытность, а в равнинной части Северного Кавказа начинает развиваться аланская культура, которая испытывает определенное влияние кочевого населения степной зоны.

Уже во II веке нашей эры Алания воспринимается как единая территория, а аланы как одно из могущественнейших племен Северного Кавказа, в руках которого сосредоточены стратегические пути из Европы в Закавказье.

В III–VIII веках Алания находится в зоне передвижения многочисленных диких кочевых племен, прежде всего гуннов, которые превращают в руины и пепелища городища и поселения алан. Их влияние в регионе заметно ослабевает. К этому времени относится первая волна миграции алан, или равнинных нахов, в горные районы Кавказа.

Однако, несмотря на нашествие гуннов, долины и предгорья Северного Кавказа продолжают населять нахские племена, которые ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием и отгонным скотоводством. В данный период на этой территории возникает большое количество земляных городищ, окруженных глубокими рвами, насыпными валами, башнями и цитаделями.

В V–VII веках аланы находятся уже в более мирных отношениях с гуннами и участвуют в военных походах последних на Восточную Европу и Закавказье.

В этот период аланы продолжают играть крупную роль в политической жизни Кавказского региона. Они постоянно расширяют свои территории, оказывают военное давление на адыгские племена в целях выхода к Черному морю.

О ведущей роли алан на Кавказе говорит и то, что первым дипломатическим шагом нового, Хазарского государства было заключение союза с аланским царем, «так как царство алан сильнее и крепче всех народов, которые вокруг».

Анания Ширакаци в «Географии...» пишет о том, что территория расселения алан простирается в равнинной ча-

Полуподземный склеп у селения Кокадой

сти до впадения Сунжи в Терек. К югу от алан живут родственные им племена двалов, цанаров и дурдзуков.

В начале VIII века начинается новый период активности арабского халифата на Кавказе. Арабы захватывают Закавказье и часть Дагестана. Мужественное сопротивление цанаров и других горных нахских племен, прикрывавших проходы на Северный Кавказ, явилось непреодолимым препятствием для арабских полководцев в их продвижении и закреплении на территории Алании. Цанары неоднократно поднимались против арабов и обращали в бегство считавшееся непобедимым арабское войско. Мощное восстание цанаров, по сообщению арабского автора ал-Якуби, произошло в начале IX века, когда к восставшим присоединились соседние племена. Они обратили в бегство наместника халифа, тюрка Бугу, который отличался особой жестокостью по отношению к населению завоеванных областей Закавказья.

Арабы совершили несколько походов на Аланию, огнем и мечом пройдя по ее городам и селам. Но в конце концов они были вынуждены отказаться от продвижения на север и защищаться от воинственных нахов, выстраивая вдоль Главного Кавказского хребта крепости и заставы. Возможно, в этот период начинается усиление нахами системы сигнальных и сторожевых башен на самом юге своей страны.

В X–XI веках политическое значение Алании вновь возрастает. Алания становится мощным государством, имеющим сильное и многочисленное войско и играющим важную роль на юго-востоке Европы.

Арабские источники того времени сообщают о стране алан как о богатой многочисленными крепостями и укреплениями.

Ал-Масуди пишет об Алании как о сильном государстве, царь которого «могуществен, мужествен, очень силен, ведет твердую политику среди царей». Территория Алании согласно его информации, простирается от Серира (Западный Дагестан – автор) до кашаков (адыгов – автор). Аланский царь располагает крупным войском в 30 тысяч воинов. От него находятся в вассальной зависимости царь абхазов и некоторые адыгские племена.

Согласно Ибн Русте, аланы делятся на четыре племени. Наиболее сильным и знатным является племя дахсас, что может быть арабской версией чеченского «нахчаш» – одной из форм самоназвания чеченцев.

Но междоусобные войны и борьба за власть между отдельными правителями приводят к ослаблению могущества Алании. Перед нашествием монголов Алания, согласно источникам того времени, была уже фактически раздробленной страной.

После опустошительного нашествия Тимура на Кавказ Алания исчезла с политической карты мира, а оставшиеся в живых аланы ушли в горные ущелья, где проживали родственные им нахские племена.

ИСТОКИ

ПЕРИОД ТЕЙПОВОЙ ДЕМОКРАТИИ I-3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ в том виде, в каком они были зафиксированы в Позднем Средневековье, формируются в XV–XVI веках. В недрах этих обществ рождаются и два направления в развитии социальной организации жизни этих областей: горский феодализм, свободное развитие которого ограничивалось сложными экономическими условиями гор, и крестьянская, или тейпово-тукхумная, демократия, которая со временем становится преобладающей.

Тейпово-тукхумная структура считается традиционной формой социальной организации чеченского общества с XV до начала XIX века. Ее верховный орган – кхел (совет), представлял одновременно законодательную, судебную и исполнительную власть. Мехк кхел, или Высший Совет страны, избирался по системе пирамиды из представителей различных тейпов.

Исследователи истории Кавказа понимают под термином «тейп» и фамилию, и отдельные общества, и род, и родовую общину. Но чеченский тейп в своем классическом виде не является ни патронимией, ни родом.

У чеченцев существовал термин «вар» – род (который, кстати, сохранился у носителей западных диалектов, но уже в ином значении). Он гораздо ближе по своей структуре и содержанию к понятию рода. Вар – это кровнородственная организация, все члены которой восходят к реально существовавшему единому предку. Подтверждением этому может быть реликтовое понятие, сохранившееся в чеченском языке до сих пор в идиоматическом выражении: «Вари да – отец рода, прародитель», хотя народная этимология часто переосмысливает его в «Ворхи да – отец семерых» (имеются в виду семь поколений), но вполне вероятно, что «вар» – род и «варх» – семь восходят к одному корню.

Определение М.Мамакаевым тейпа как «патриархальной экзогамной группы людей, происходящих от одного общего предка», более подходит к понятию «вар».

Тейпы также имели общего предка, но легендарного, мифологического. Объективный анализ генеалогических легенд коренных чеченских тейпов позволяет обнаружить их вторичный, производный характер по отношению к уже сложившимся структурам и территории, занимаемой ими.

Слово «тейп» заимствовано из арабского и могло распространиться среди чеченцев не ранее XVII века. По всей видимости, изначально оно имело чисто территориально-административный смысл. По сути дела, это была сельская община, состоявшая из одного или нескольких сел и выполнявшая функции социальной организации.

Подтверждением этому может служить и то, что тейпы всегда принимали не только переселенцев из других стран, но и людей из других тейпов. То есть в те времена, когда тейп функционировал как социальный институт, был возможен переход отдельных семей и даже целых фамилий из одного тейпа в другой, что невозможно в условиях патронимической организации общества.

Кроме того, тейпы могли возникать на основе военных поселений, а также военной и профессиональной специализации, что подтверждается названием многих чеченских тейпов (ср. «ширдой – пращники», «лаьшкарой – резервные войска», «бIаьвлой – строители башен»).

Многие тейповые общины в горах образовались в результате компактного переселения из равнинной Алании ремесленников, крестьян и других социальных и профессиональных групп во времена монголо-татарского нашествия и походов Тимура.

Большие группы выходцев из других стран при компактном расселении образовывали самостоятельные общины, или тейпы, но это, по всей вероятности, процесс, характерный для периода разложения чеченского тейпа (ср. «туркой – турки», «жуьтки – евреи», «чергзи – черкесы» и т.д.). При этом часто чужеземцы могли составлять лишь небольшую группу первопоселенцев. Все, кто подселялся к ним позже, независимо от этнического происхождения получали тейповое имя этой общины.

Тейп как сельская община был единственно возможной моделью социальной организации при низком уровне развития производительных сил и слабой социальной дифференциации общества в условиях послевоенного политического и экономического упадка.

Несомненно, и ландшафт повлиял на характер социальной организации чеченцев в тот период, когда в условиях суровых и труднодоступных гор в более или менее устойчивые социальные образования сельские общины объединялись именно по ландшафтному признаку (в пределах одного ущелья, одной котловины и т.д.). Вступив в антагонистические отношения с зарождающимся в период послевоенного экономического подъема горским феодализмом, тейповые общины победили. И одной из основных причин их победы являлось отсутствие экономической базы для расцвета феодализма, то есть невозможность получения постоянно растущего прибавочного продукта в суровых экономических условиях гор.

От классической родоплеменной организации, которая также являлась примитивным социальным институтом, тейп отличается тем, что он – не результат развития патронимии, а социальное явление качественно иного характера, возникшее в силу объективных исторических обстоятельств.

В условиях гибели государства и государственных институтов, ослабления социальной стратификации общества в результате массовой миграции и гибели больших групп населения родовую идеологию стали принимать территориальные общины и военные союзы. Возникнув на основе практических потребностей, эти организации стали считать своих членов происходящими от общего предка.

Классический чеченский тейп можно определить как территориальную общину, состоящую из нескольких сел и обладающую развитой системой самоуправления, имеющую единую территорию, общую экономическую, правовую и идеологическую базу.

Считается, что правовой основой тейповой организации были адаты. Сам термин «адат» как обозначение обычного права появился на Кавказе в связи с распространением ислама. Но понятие адата шире, чем просто «право». Оно включает в себя и обычаи, и традиции.

Нормы обычного права существовали у различных народов Кавказа с древнейших времен. У чеченцев существовал термин «бакъо» – право, так же как и «нийсо» – закон, который при исламизации был заменен арабским понятием «низам».

Чеченское право, как и любое другое, имело своим первоначальным источником обычное право. Но уже в Позднем Средневековье мы можем говорить о чеченском праве как кодифицированном.

Фотография из книги И.Асхабова "Чеченское оружие", М.,2001

Селение Коротах

Чеченская правовая система считалась одной из самых развитых на Кавказе. Благодаря этому за разрешением споров различного характера к чеченцам обращались из всех регионов Кавказа, в том числе и горцы Грузии. Большую известность как знатоки правовых норм получили жители Майсты, горной области Чечни. Вплоть до 1944 года существовал Майстойн кхел — суд майстинцев, к которому все чеченцы и представители других народов Кавказа обращались как к суду последней инстанции. И, по преданиям, не было такого случая, который не могли разобрать майстинские судьи, к тому же их приговор почти всегда устраивал обе стороны.

Чеченское право было довольно гуманным для своего времени. В нем практически не было системы наказания, предусматривавшей смертную казнь или увечья. За особо тяжкие преступления человеку могли воздвигнуть «холм проклятия» – карлаг. После вынесения приговора старейшина, председательтвовавший на суде, взяв в руки камень, с проклятиями в адрес преступника бросал его на землю. Так поступали все присутствовавшие. Так как карлаги возводили у дорог, все проезжавшие мимо бросали камень на это место, проклиная преступника. Со временем вырастал высокий холм. Для преступника это было страшнее смерти. И об этом преступлении помнили столетиями. По преданию, в Чечне был такой период, когда вообще не совершались преступления, даже кражи. У дорог стояли шесты, на которые вешали утерянные вещи. И их никто не трогал, пока не объявлялся хозяин.

Довольно суровым наказанием считалось изгнание преступника за пределы страны вместе с родственниками.

Согласно нормам чеченского права, не было предусмотрено смертной казни для женщин независимо от состава преступления. Женщина не могла быть объектом кровной мести. За оскорбление или убийство женщины полагалось двойное наказание. Кровная месть разрешалась только при умышленном убийстве и только в отношении лица, совершившего преступление.

Нормы чеченского права были одинаковы для всех независимо от социального и имущественного ценза. Они были пронизаны уважением к личному достоинству человека, к неприкосновенности его частной жизни.

В период усиления ислама чеченское право испытало сильное влияние шариата, но в основном в нормах гражданского и хозяйственного права. Это влияние практически не коснулось уголовного и общественного права. Приверженность чеченцев традиционному праву была настолько сильна, что даже имам Шамиль при установлении своих низамов вынужден был пойти на значительные уступки. Но все равно подобная попытка вызвала возмущение чеченцев, а в некоторых горных районах даже вооруженное сопротивление отдельных селений.

Мацарройский замок

Обычное право трактуется в правоведческой литературе как неписаное право или как социальные нормы или обычаи, которые сложились естественным путем в результате социального и исторического опыта народа.

Нормы чеченского права, по крайней мере, с начала XVI века, устанавливались Мехк кхелом, Высшим Советом страны.

Эти нормы к тому же были писаными. В Чечне долгое время существовали записи правовых норм, датированные концом XVII – началом XVIII века, которые исчезли уже после выселения чеченцев в 1944 году.

Записал некоторые нормы права чеченцев и ингушей российский правовед П.Ф.Леонтович во второй половине XIX века. Однако он не сделал даже попытки собрать воедино и систематизировать их. По всей видимости, перед ним стояла задача очередной раз доказать отсталость чеченцев, что, впрочем, ясно по его комментариям.

Чеченское право предусматривало почти все институции, которые являются обязательными для современной судебной практики, то есть обвинение, защиту, право ответчика обратиться в высшую инстанцию. Согласно фольклорным материалам, источником права у чеченцев в позднейшее время был не столько освященный обычай, сколько установления Мехк кхела, в которых немалую роль играл и прецедент.

Идеологической основой тейпового строя первоначально была языческая религия с культом Единого и Великого Творца – Дела, испытавшая сильнейшее влияние вначале христианства, а затем ислама в его суфийской форме. О длительном существовании христианства у чеченцев (алан) говорят его глубокие следы в чеченском языке, а также в некоторых календарных традициях и суевериях.

Именно в недрах тейпово-тукхумной демократии окончательно складывается культ «достойного человека» и принимает окончательную форму «Къонахалла» – кодекс чести, который определяет главной целью жизни человека бескорыстное служение своему народу.

Ценностная шкала чеченцев, сформировавшаяся в Позднем Средневековье под духовным влиянием ислама, выглядит, по определению С.-М.Хасиева, следующим образом:

1. АДАМАЛЛА (человечность).
2. КЪИНХЕТАМ (милосердие).
3. ЛАРАМ (уважение).

4 /I/. ЦІАНО (духовная чистота).
5 /2/. НИЙСО (справедливость).
6 /3/. БАКЪО (истина, правдивость).
7 /I/. ЮЬХЬ (лицо, исток, начало).
8 /2/. ИЭХЬ (стыд, совестливость).
9 /3/. СИЙ (честь, слава, почет).
10 /I/. ГІИЛЛАКХ (этикет).
11/2/. ОЬЗДАНГАЛЛА (внутренняя культура, благородство).
12 /3/. СОБАР (терпение).

Главным смыслом жизни къонаха (достойного человека) было служение своей родине, служение не ради славы, денег или сана. Главным личным качеством его считалась выдержка. У чеченцев сохранилась пословица: «Собаро лам баькхина, майралло тІом боллина. – Выдержка покорила вершину, смелость (безрассудная) начала войну».

Кодекс къонаха регулировал каждый его шаг, его отношение к природе, старикам, женщине, детям, животным. Если человек вел себя негуманно по отношению к кому-нибудь, даже к врагу, он уже не мог считаться достойным человеком, къонахом. Добить раненого врага, надругаться над его трупом считалось у чеченцев страшным преступлением, которое очень сурово каралось. Къонах не мог обидеть ребенка, ударить женщину. В кодексе «Къонахалла» было сказано: «Если женщина совершила проступок, за который ее можно ударить, ей нужно дать развод». Уступить в ссоре или споре более слабому противнику считалось мужеством. Суть идеологии «къонахалла» хорошо показал А.С.Пушкин в незавершенной поэме «Тазит». Кабардинский князь не понимает своего сына, воспитанного чеченцем в духе «къонахалла», когда тот не добивает раненого кровника, отпускает с миром безоружного купца. Согласно кодексу «къонахалла» он ведет себя как достойный, благородный человек, а по представлению князя проявляет слабость.

Другим краеугольным камнем идеологии тейповой демократии было чувство Родины, чувство единства всех нахов, особенно перед лицом общего врага. Именно это помогало чеченцам побеждать в различные периоды своей истории более многочисленных и сильных врагов. В минуту опасности разбросанные по горным ущельям вольные общества нахов становились единой силой, способной противостоять любому врагу.

Бенийст. Руины жилой башни.

М.Мамакаев в работе «Чеченский тейп в период его разложения» определил основные принципы, лежащие в основе тейповой структуры. Но в ряде случаев исследователь механически перенес признаки, характерные для классического рода, например римского, на тейп, который является социальной, а не кровнородственной структурой, и тем более не классической родовой организацией.

Некоторые из этих принципов характерны для патронимий или для небольших тейпов (вернее, для ветви тейпа – гар), образовавшихся за счет разрастания патронимии.

Основополагающими для классического чеченского тейпа можно считать следующие признаки:

1. Экономической основой тейпа было общинное право на землю. Но уже в недрах тейповой общины зарождается право частной собственности на землю, или право исключительного владения, когда земля может быть отдана частным владельцам в бессрочный залог, продана или обменена, хотя и остаются ограничения в праве распоряжения.

2. Тейп имел вооруженную дружину, или гIер, которая собиралась на время боевых действий, так как община не могла содержать постоянное войско.

3. Военную дружину возглавлял бячча – военачальник, который выбирался на время войны.

4. Представительным органом тейпа был совет старейшин – тейпан кхел. Его решение было обязательным для всех членов тейпа. Как писал один из авторов XIX века, «чеченец, убегая всякого ограничения своей воли как нестерпимой узды, невольно покорялся превосходству ума и опытности и часто исполнял добровольно приговор старейшин, осудивших его».

5. Тейп возглавлял предводитель, который руководил советом старейшин, но при принятии решений он имел равный со всеми голос.

6. Тейп имел право на принятие в свой состав посторонних лиц. Это могли быть люди из других тейпов или чужеземцы.

7. Каждый тейп имел свое имя, восходящее к имени мифологического родоначальника. На самом деле имена многих чеченских тейпов связаны, во-первых, с названием селений или местности, например Пхьамат – пхьамтой; во-вторых, с профессиональной специализацией (ср. белгIатой – работные люди, бIавлой – строители башен); в-третьих, с этническим происхождением, (ср. цадахарой – даргинцы).

8. Тейп занимал особую территорию и имел свою тейповую гору. Коренными чеченскими тейпами считаются только те, которые имеют свои вершины, хотя, конечно, иногда тейпы были вынуждены уступать свои земли в качестве платы за кровь в междоусобных войнах.

9. Тейп имел отдельное, тейповое кладбище.

Но чеченский классический тейп уже не имел собственного религиозного культа в отличие от ингушского, который и количественно, и качественно отличается от чеченского и является патронимической единицей (и результатом сегментации одного вайнахского тейпа).

Чеченский тейп отличался от классического рода. Даже те признаки, которые считаются признаками родовой организации, приобрели в тейповой общине совершенно иной характер. Но в соответствующих экономических условиях и при слабой социальной дифференциации террито-

Крепость Кезеной
Рис. В.Бежанова и Т.Миндиашвили

риальная община, объединившись в тейп, не могла создать другой идеологии, чем общность происхождения от единого предка и тейповое братство.

В процессе развития и усложнения социальной жизни, внешней экспансии тейповая община перестала справляться с возложенными на нее функциями, и прежде всего с функциями внешними. Закономерным стал процесс объединения тейпов в более крупные и сложные социальные организации – тукхумы.

Чеченский тукхум, согласно М.Мамакаеву, «это своего рода военно-экономический союз определенной группы тейпов, не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена».

Представительным органом тукхума был совет старейшин, в который входили представители всех тейпов, образовавших союз.

По классификации М.Мамакаева, в XVI–XVII веках в Чечне сложились девять тукхумов: Аькхий, Маьлхий, Нохчмахкхой, ТIерлой, ЧIаьнтIий, ЧIеберлой, Шарой, Шуотой и Эрштхой.

Следующей ступенью эволюции тейпово-тукхумной демократии был высший представительный орган страны – Мехк кхел. В него избирались представители тукхумов и отдельных тейпов из числа самых уважаемых и почетных людей.

Местом заседаний чеченского Мехк кхела предания называют различные районы Чечни: Цайн-Пхеда в Мелхисте, Пуога в Майсте, ущелье Нашх, селение Кей, Жеми-барз возле села Чечен, курган Кхетеш-корт в Ичкерии. Выбор его зависел от военной и политической ситуации в стране.

Согласно полевым материалам, «нахские старейшины в Мехк кхел устанавливали порядок землевладения и землепользования и согласовывали нормы поведения и меры наказания за их нарушение, решали вопросы торговли как внутренней, так и внешней, принимали меры для того, чтобы обеспечить необходимую оборону крепости, строили боевые башни, создавали сторожевые или пограничные поселения, решали вопросы войны и мира, для общественных нужд проводили сборы материальных средств и определяли различные обложения и повинности».

Мехк кхел, который собирался два раза в год, конечно же, был государственным органом, хотя и не в классическом смысле этого слова, так как государственное образование чеченцев в XV–XVIII веках было своеобразным.

Государство появляется как результат социально-экономического развития общества при определенном уровне его социальной стратификации как организация, обеспечивающая баланс политических и экономических интересов его различных слоев и защиты их от внешней экспансии. Возникновение и укрепление государства сопровождается ликвидацией кровно-

родственной организации, разделением населения по территориальным единицам. Отличительным признаком государства является наличие публичной власти, не совпадающей непосредственно с населением, и государственных учреждений (армия, полиция, бюрократический аппарат), которые содержатся на регулярно взимаемые с населения налоги.

Мохк как ассоциация тукхумов, объединенных идеей этнического единства, не стал государством в классическом понимании этого слова, так как, во-первых, не было для этого социально-экономических предпосылок в условиях низкого уровня развития производительных сил; во-вторых, это противоречило внутренней логике развития тейпово-тукхумной демократии.

Мохк, или Ассоциация территориальных общин Чечни, был государственным образованием иного порядка, в котором самоуправление отдельных субъектов стало почти абсолютным. Правовая жизнь общества централизованно регулировалась только на уровне установления единых норм обычного права, а налоги собирались не для содержания государственного аппарата, а для строительства дорог, крепостей, сторожевых и сигнальных башен. Высший Совет страны решал только наиболее важные для ассоциации вопросы: объявления войны, формирования ополчения, создания новых колоний, а также вопросы права и религии.

Кроме того, согласно фольклорным материалам, Мехк кхел назначал правителей в различные области Чечни, как, например, Алдама-Гези в Чеберлой, которые со временем становились феодалами, объявляя свои права наследственными. Это может быть подтверждением фольклорных материалов о существовании в ту эпоху и исполнительной власти, которая позднее обозначается арабским термином «Iедал», и судебной власти в виде маслаатов.

Исторические данные, а также народные предания свидетельствуют о существовании в чеченском обществе того периода и феодальных владельцев – эла, имевших свои укрепленные замки и поместья. То есть демократически управляемые территориальные общины в какой-то период времени сосуществовали с феодалами, имевшими и свои земли, и свои дружины. Это наиболее характерно для периода резкого экономического подъема горной Чечни в XV–XVI веках, когда в различных исторических областях появляются десятки феодальных замков и укреплений. Чеченский фольклор изобилует материалами о борьбе сельских общин с князьями. Это был период нового расцвета чеченского тейпа перед его закатом. Тейповые общины победили в этой многолетней войне. Победа крестьянских масс над феодалами в условиях Чечни не привела к замене одних феодалов на других, как это бывало не раз в мировой истории, а явилась причиной возникновения такой социальной организации чеченского общества, как тейпово-тукхумная, или общинная, демократия.

Но с течением времени социально-имущественная дифференциация в самой общине, зарождение новой знати из числа предводителей и военачальников подрывали внутренние устои тейповой организации. Увеличение доли феодальной и индивидуальной собственности на землю способствовало разрушению экономических основ тейпово-тукхумной организации. И если еще существовали тейповые формы владения и пользования землей и скотом, это были уже не пережитки родового строя, а отголоски архаичных форм эпохи раннеклассовых отношений, возникших вторично в результате ликвидации политических прав аристократической знати.

При выселении на равнину и образовании полигенных (многотейповых) поселений, а также в связи с усложнением социально-экономической жизни чеченские общины стали приглашать на управление феодалов из Дагестана и Кабарды. Но власть их была чисто номинальной, и нередко были случаи, когда они изгонялись или уничтожались своенравными чеченцами.

Но сам факт попытки организовать такого рода управление с выплатой содержания приглашенному правителю свидетельствует о том, что тейпово-тукхумная организация уже изжила себя и не соответствовала новым социально-экономическим реалиям.

Закат классического чеченского тейпа характеризуется обострением социальных противоречий между сельской тейповой общиной и феодалами, как иноземными, так и местными, между отдельными тейпами, а также между отдельными патронимическими образованиями внутри тейпа. Этот процесс сопровождался формированием новой тейповой знати из числа старейшин и военачальников, что способствовало дальнейшему разложению тейпа изнутри.

Разрушению классической тейповой общины и возникновению новой, многотейповой сельской общины способствовали возвращение чеченцев с гор на равнину и образование полигенных поселений.

Хотя при создании этих поселений каждый тейп образовывал отдельный квартал, они уже были социальными единицами нового уровня с определенной общностью жизненного уклада, традиций, психологии. Отдельные группы тейпа отрывались от тейповой общины и утрачивали общие с ней экономические и политические интересы.

Вновь зарождавшаяся сельская община при формальном сохранении тейпового деления в силу объективных причин приобретает единые интересы, которые в конкретных ситуациях отдельные патронимические группы, являющиеся членами этой общины, ставят выше иллюзорных интересов своего тейпа.

Это было связано прежде всего с тем, что с самого начала тейпово-тукхумная демократия не была классической родовой организацией, хотя и имела (в измененном виде) некоторые внешние признаки рода.

Это был классический тейповый строй, основой которого была сельская община, приобретшая вторичные, формальные признаки родовой организации (происхождение от единого мифологического предка, патронимическая стратификация, также чаще всего мифологическая, внутри отдельных групп тейпа).

Но уже в недрах тейпово-тукхумной демократии существовали такие категории, как «къам» – нация, «мохк» – страна, которые принципиально не свойственны родовому сознанию.

Тейпово-тукхумная демократия не была идеальной моделью социальной организации. Она была результатом определенных исторических обстоятельств и соответствовала определенному экономическому укладу чеченского общества. В процессе эволюции и изменения социально-экономических основ существования она исчерпала себя.

Но именно в этот период формируется новая духовная и материальная культура чеченцев, их свободолюбие и демократические традиции. В эту эпоху достигает наивысшего расцвета народное зодчество, создавшее шедевры архитектурного искусства.

Мой двоюродный брат Ахмед Асламбеков — участник многих экспедиций в горы. Трагически погиб в начале войны, осенью 1999 года

ИСТОКИ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ

II

АРХИТЕКТУРА – ЭТО ОДИН ИЗ ВИДОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, в котором практически не бывает революционных взрывов в движении к прогрессу. Она развивается поступательно и сравнительно медленно, определенный архитектурный стиль, строительные приемы формируются иногда столетиями и даже тысячелетиями. Человечество не придумало почти ничего нового со времен дворцов, выстроенных из обожженного кирпича и камня тысячи лет тому назад.

Все фортификационные и культовые сооружения, так же как и погребальные, восходят к древнему жилищу. Но на определенном этапе они начинают развиваться самостоятельно, почти независимо друг от друга. Фортификационные и особенно культовые постройки более подвержены внешним влияниям, чем жилища, которые всегда имеют национальную специфику и обычно более консервативны.

Почти все архитектурные формы, применяющиеся современным человеком, имеют свои истоки в жилищах людей, живших десятки тысяч лет назад. К примеру, двускатные крыши повторяют формы древнейших шалашей, а техника турлучного строительства, то есть стены, сплетенные из ветвей и обмазанные глиной, использовалась еще во времена неолита.

К строительству постоянного жилища древнего человека побудило резкое изменение климата, связанное с великим оледенением, а также переход от собирательства к производящему хозяйству. И оно впервые стало появляться там, где не было пещер. Там же, где были пещеры, пригодные для обустройства под жилище, ими пользовались вплоть до последнего времени. Но при этом люди еще со времен палеолита не просто селились в пещерах, гротах, под навесами скал, а приспосабливали их для жилья, выкладывая пол камнями, расширяя и сужая вход, выстраивая каменные ограды. И позже, десятки тысяч лет, люди практически не меняли технику застройки пещер. На Кавказе и в Крыму эта тех-

Жилище древнего человека (реконструкция)

ника достигла наивысшего расцвета благодаря ландшафту и климатическим условиям.

С незапамятных времен люди использовали пещеры как культовые помещения и святилища, особенно в связи с поклонением божествам и духам подземного мира. Древний колдун или жрец, совершая ритуальные действа в пещере, как бы впитывал в себя глубинную силу земли, вслушивался в ее голоса. Недаром оракул размещали в пещерах и гротах. Проникая в недра земли, человек испытывал и благоговение, и страх, что порождало культ пещер и их демонов. Например, в Урарту скальные и пещерные сооружения имели даже свое божество Аириани.

Кроме того, пещеры служили местами коллективных захоронений. По сути дела, они предвосхищают появление позднейших катакомб, подземных и полуподземных склепов. В Чечне и вообще на Кавказе, в местах древнейшего расселения нахских племен эта погребальная культура развивалась в течение многих тысячелетий. К примеру, пещерные захоронения обнаружены в различных районах горной Чечни, у селений Гучан-кале, Тусхарой, Бамут, а в крупнейших чеченских некрополях нередко встречаются склепы, встроенные в скальные ниши.

В равнинных местах люди были вынуждены сооружать жилища, и наиболее древними из них были шалаши и землянки. Сегодня можно спорить о том, что первично: захоронения мертвых в земле или рытье землянок в качестве более теплого и постоянного жилья. Но если учесть, что древнейшие люди оставляли своих умерших соплеменников на съедение хищным животным, вероятнее предположить последнее. У нахов мужчин в языческие времена в отличие от женщин предавали земле не сразу после смерти, а только через определенное время. Это было связано с тем, что мужское начало ассоциировалось с небом, а женское с землей. И земля считалась враждебной, опасной для мужчины, забирающей у него силы. Возможно, с этим культом связана и архитектоника нахских боевых башен, их устремленность в небо.

Каменные склепы являются уменьшенными копиями жилищ. На Кавказе им предшествовали дольмены, которые почти не отличались от них по форме. Они строились из гигантских каменных плит в те времена, когда люди начали возводить жилища из огромных камней.

Эти параллели между жилищами живых и мертвых наблюдаются у многих народов в течение тысячелетий. Некоторые народы, как, например, египтяне и этруски, гораздо серьезнее относились к строительству дома для вечной жизни, чем для земной, так как считали ее только короткой прелюдией к вечности. Именно поэтому могилы и гробницы их дожили до нашего времени, а об их земных жилищах мы можем судить только по рисункам и макетам, найденным в тех же гробницах. Эти параллели между погребальными сооружениями и жилищами наблюдаются и у нахов. И они часто не только не открывают завесы над тайнами времени их постройки, а наоборот, приводят ученых в тупик.

Например, существует определенная взаимосвязь между боевыми башнями и склепами с пирамидально-ступенчатой кровлей, но до сих пор неясно, что появилось сначала. Конечно же, можно с большой долей уверенности утверждать, что раньше начали строить башни. Но в Северной Осетии, где множество склепов с пирамидальной кровлей, нет ни одной подобной боевой башни.

В тех районах земли, где никогда не было сильного похолодания, некоторые племена, в силу многих причин оставшиеся на очень низкой стадии развития и добывающие себе пропитание в основном собирательством, до сих пор не научились строить постоянное жилище. Они используют в качестве жилья обычные навесы для защиты от ветра, которыми пользовались древние люди 40–50 тысяч лет назад.

Макет жилища древнего человека

Развитие строительного искусства в древнейшее время было непосредственно связано с усовершенствованием орудий труда, вначале из камня, затем из кремня. С другой стороны, необходимость строить жилища порождала потребность в орудиях обработки строительных материалов, прежде всего дерева. До тех пор, пока не был изобретен топор, люди не могли использовать в качестве элементов жилища стволы деревьев и крупные обработанные камни, и, соответственно, жилища древних людей были непрочными и недолговечными.

Кроме того, сравнительно невысокая плотность населения в те времена, когда на сотни квадратных километров приходилось всего несколько сотен человек, практически исключала возможность военных столкновений отдельных родовых общин. Поэтому долгое время у древних людей не было необходимости в строительстве укрепленных жилищ из камня.

Эта необходимость появляется позднее, в эпоху энеолита и бронзы и особенно в начале железного века. Человек, не обладая сложным искусством фортификационного строительства, восполняет это размерами сооружений и конструктивных элементов. Уже с эпохи бронзы, а возможно, и раньше появляются циклопические строения, по сути дела, первые дома-крепости, основной фортификационной особенностью которых являлись их размеры, а также величина камней, использованных для их строительства. Циклопические строения были довольно широко распространены на Кавказе, в том числе и в Чечне, но многие из них были разобраны в начале нашей эры и позже, в Средние века, при строительстве боевых и жилых башен. Например, в основания многих жилых и боевых башен в горной Чечне были уложены огромные камни, каждый из которых весит несколько тонн.

Так как техника строительства и выбор материала для жилища во многом зависели от орудий труда, долгое время люди строили свои дома из подручного материала, кото-

рый можно было обработать грубым каменным топором: из тонких стволов и ветвей деревьев, из костей крупных животных. Уже в те времена они научились обмазывать их глиной. Эту технику некоторые племена Северной Америки применяли еще в XIX веке.

Кроме того, с древнейших времен люди использовали в качестве центрального опорного столба ствол дерева, вокруг которого строился круглой формы шатер. Подобного рода жилища существовали почти у всех народов Кавказа. Свидетельством тому являются различные реликтовые архитектурные формы или, по крайней мере, понятия, которые сохранились в языках некоторых кавказских народов, в частности дагестанских, в которых опорный столб называется «столбом корня». Опорный столб в жилых башнях нахов появляется в результате трансформации жилища горизонтальной планировки в вертикальное, то есть является вторичным.

Древнейшие жилища, сооруженные из камня или глины, были овальными или круглыми, так как люди в те времена не знали прямого угла. И традиция круглого жилища в течение тысячелетий сохранялась в различных районах земли.

Только у нахов ни в языке, ни в культуре строительства не сохранилось следов бытования круглого жилища. Единственно, в западных районах встречаются склепы и мавзолеи круглой формы, в облике которых чувствуется влияние кочевников-мусульман.

На территории обитания нахов круглые жилища не встречаются практически с эпохи бронзы. Не появляются они и позже, во времена бурного расцвета строительства башен. Круглые башни были очень распространены в Закавказье и Дагестане, но почему-то это ни в коей мере не отразилось на архитектуре нахских башен, хотя, конечно же, взаимовлияние архитектурных форм различных регионов Кавказа было весьма существенным. Тем более с точки зрения фортификации круглые башни являются более устойчивыми, так как против них очень сложно использовать стенобитные машины.

Достигнув высокого мастерства в строительстве боевых башен, вайнахские строители продолжали возводить прямоугольные и квадратные в плане сооружения. Возможно, это связано с каким-то древним культом. Прямоугольник был символом устойчивости, символом четырех стихий: земли, воздуха, огня и воды, символом четырех стран света. Вероятно, поэтому стены или в крайнем случае углы чеченских башен всегда были строго ориентированы по странам света.

Прямоугольное жилище является результатом развития земледельческой цивилизации с сопутствующими религиозными культами четырех времен года, а в связи с поклонением солнцу — четырех стран света. В чеченском языке слово «угол» – «са» созвучно понятию «душа, свет» – «са», и эта связь имеет сакральный смысл.

Кочевые народы практически не знали прямоугольных жилищ, даже передвижных. У чеченцев все архитектурные строения были прямоугольными по форме: жилища, культовые, башенные и погребальные сооружения. Это может быть одним из аргументов в пользу того, что чеченцы являются наследниками создателей майкопской культуры, древней археологиче-

Селение Барой. Боевая башня. Фото И.Пальмина ▲
Склеп на склоне горы Коре-лам ▼

◀ Облака и башня

У истоков Аргуна

ской культуры на территории Северного Кавказа, все постройки которых были прямоугольными. Ведь архитектурные традиции могут сохраняться в течение тысячелетий, постепенно утрачивая тот сакральный смысл, который в них был заложен изначально.

Прямоугольными были жилища и фортификационные сооружения алан.

В древнейшие времена, когда жизнь человека полностью зависела от природной стихии, почти все в ней, тем более в материальной культуре, имело конкретный смысл и предназначение. Но многие архитектурные произведения древних людей, абсолютно не имеющие никакого прикладного смысла с точки зрения современного человека, до сих пор продолжают удивлять нас высокой техникой строительства и колоссальными объемами затраченных усилий.

В этом отношении наиболее интересными памятниками древности являются так называемые мегалиты, или сооружения из огромных камней: менгиры, дольмены, кромлехи. Все они связаны с различными культами древних – менгиры и дольмены с культом почитания предков, кромлехи с культом солнца. Кавказские

дольмены во многом повторяют формы и даже конструкции жилища, бытовавшего у местного населения в древности, не только на северо-западе Кавказа, но и на северо-востоке, за сотни километров от этих мест. Через несколько тысячелетий средневековые склепы будут напоминать по форме древние дольмены и, может быть, древние жилища с двускатной крышей. А гигантские менгиры трансформируются сначала в сиелинги – столпообразные святилища, а затем в надмогильные камни – чурты. И останется поверье: душа умершего обитает там, где находится его чурт, а не там, где захоронено его тело.

Если менгиры еще аморфны по своей форме, они больше имеют отношение к природе, чем к культуре, то кромлехи – это уже своего рода первобытные храмы. Если дольмен – это еще просто дом, хотя и для умерших предков, а менгир – это опять же пристанище для духов, то кромлех – это уже явление совершенно иного, духовного порядка.

В процессе развития цивилизации, прогресс которой был чисто техническим, человечество постепенно утрачивало глубинную связь с природой и, соответственно, сокровенные знания о ней и о себе. Наверное, именно поэтому удивительные постройки древности, как, например, Стоунхендж, представляются нам группой симметрично поставленных мегалитов. Однако в свое время эти камни были ключом к разгадке тайн движения небесных светил.

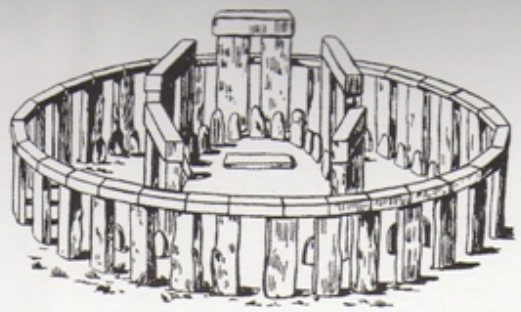
Солнечные часы в чеченском селении Химой, которые представляли собой огромный круг, сложенный из камней, с высоким каменным столбом посередине, являются средневековой тенью древнего Стоунхенджа. Возведение Стоунхенджа и солнечных часов в селении Химой связано, по всей вероятности, с запретом на наблюдение непосредственно за солнечным диском, который появляется у многих народов, поклонявшихся солнцу в определенный период развития культа. И люди обращают свои взоры на тень, считая ее также ипостасью солнца.

Древние люди создали такие архитектурные творения, смысл и назначение которых часто невозможно объяснить с точки зрения современного человека. И вечным предметом для дискуссии остается вопрос о том, что заставляло древнего человека создавать произведения, которые представляются нам эстетически прекрасными: потребность в художественном выражении своих чувств или магическое действо?

До сих пор в науке преобладало мнение о том, что древние люди из-за необходимости постоянной борьбы за выживание не имели понятия о прекрасном и в своих действиях всегда руководствовались практическим смыслом. Но археологические и научные открытия последних десятилетий XX века говорят о том, что человек во все времена своего существования чувствовал потребность в выражении эстетических чувств.

Действительно, что двигало древним художником, жившим 15 тысяч лет назад, который разрисовывал стены пещер во Франции или Испании? Вероятно, это останется вечной загадкой. Но все равно поражает высокая техника рисования людей, которые жили в эпоху палеолита и примитивными каменными орудиями добывали себе хлеб насущный. Древние художники не только с большим искусством передают движение, различные позы животных, но и умело используют рельеф стен пещеры для их выражения.

Высокое искусство древних людей вызывало большие сомнения у последующих поколений в его подлинной древности. Особенно это касается палеолитического искусства. Первые рисунки, которые были найдены в пещерах Франции и Испании в XIX веке, считались подделками художников нового времени.



Стоунхендж, Англия

Солнечные часы в селении Химой.
Рис. С.Абаева

Подобное отношение к великим творениям древних цивилизаций сохранилось и до нашего времени. Египетские пирамиды, статуи острова Пасхи и многие другие чудеса древности считаются некоторыми современными учеными созданиями более развитых пришельцев с других планет.

Но, как показывает опыт исследования древних археологических культур, например, на территории Кавказа, даже самые удивительные культурные феномены имеют местную основу и длительный путь эволюции, который можно проследить по сохранившимся материалам и сооружениям. Если в их развитии и были периоды резких скачков, то они объясняются или миграцией в эти области более культурных племен, или заимствованием прогрессивных технологий у соседних народов.

В архитектуре же подобные скачки исключены. Если с принятием христианства в некоторых странах и заимствовались технологии храмового строительства, то они не использовались при сооружении жилых строений в течение многих веков.

В архитектуре может быть заимствование отдельных форм и элементов, но основные архитектурные формы зарождаются на местной почве в соответствии с общим уровнем развития материальной культуры.

ИСТОКИ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ

ДАТИРОВКА ЧЕЧЕНСКИХ БАШЕН II-1

ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ – это проблема исторической преемственности архитектурных традиций, которая может быть успешно решена при следующих условиях:

1. Население изучаемой территории является автохтонным.

2. До настоящего времени сохранились архитектурные памятники, относящиеся к различным временным пластам, отражающие развитие во времени тех или иных архитектурных форм.

3. Наличие в местной архитектурной культуре традиций, характерных для высокоразвитых цивилизаций древности, хорошо изученных в современной науке.

Вопрос об автохтонности нахского (чеченского) населения Северного Кавказа является предметом длительных научных дискуссий.

Одни ученые считают чеченское население аборигенным и живущим, по крайней мере, последние пять тысяч лет в пределах занимаемой ими территории. Одним из вариантов этой теории является предположение о том, что нахские племена вплоть до первых веков нашей эры заселяли территорию от правобережья Аргуна на востоке и до устья Дона на западе. Это подтверждается и топонимикой, и историческими источниками, например «Армянской географией VII века», и археологическими материалами, так как на территории древнейшего расселения нахских племен не было резкой смены археологических культур, а произошла их постепенная эволюция.

По другой гипотезе, которая основывается на близком родстве хурритоурартских и нахских языков, чеченское население является пришлым, мигрировавшим из Передней и Малой Азии. При этом ученые, поддерживающие эту идею, также ссылаются на предания некоторых чеченских тейпов о происхождении их родоначальников из стран Передней Азии.

Вполне обоснованной является гипотеза о миграции нахских племен в Переднюю Азию из Европы через Северный Кавказ в V–IV тысячелетиях до нашей эры, которая также подтверждается и археологическими, и топонимическими, и даже антропологическими материалами.

Однако вполне возможно, что все эти версии верны, но только в совокупности. В древности территория расселения нахских племен была очень обширной и простиралась от плоскогорий Передней Азии на юге до степей Поволжья на севере, на западе – до Крымского полуострова включительно. Недаром в чеченских исторических преданиях северной границей расселения нахских племен считается река Идал – Волга.

К тому же и исторические источники, и чеченские предания говорят о миграции большой группы урартских племен после гибели Урартского царства на Северный Кавказ, на территорию расселения родственных им нахских племен.

Колхидская деревянная башня (реконструкция).
Рис. С. Абаева

Нахоязычные племена населяли еще в III–II тысячелетияхдо нашей эры часть Европы и Средиземноморья. Нахским был догреческий языковой субстрат на островах Крит и Кипр, доиталийский – на Сицилии и Сардинии. А версия о северокавказском (нахском) происхождении этрусков – народа, создавшего великую цивилизацию и оказавшего огромное влияние на римскую, следовательно, и европейскую культуру,— стала преобладающей в исторической науке в последнее время.

Интересным является тот факт, что почти во всех этих регионах в разной степени развивалось башенное строительство.

Жилая башня – широко распространенная форма жилища в Средиземноморье и Передней Азии с древнейших времен.

Например, в Сардинии дома башенного типа являлись наиболее распространенным видом жилища. Древнейшие из них относятся ко II тысячелетию до нашей эры, наиболее поздние — к III веку до нашей эры.

То же самое можно сказать и о горных районах Греции, где башни, и круглые в плане, и квадратные, строились еще в Средневековье.

В некоторых районах Передней Азии сохранились гробницы в виде башен, которые свидетельствуют о том, что в более древние времена здесь строились подобные жилища.В башнях еще в II–I тысячелетиях до нашей эры жили древние хурриты и урарты, которые были близкородственными по языку и происхождению нахам. Старинные предания и данные археологических раскопок говорят о постоянных миграциях хуррито-нахоязычных племен с юга на север и с севера на юг по крайней мере с V тысячелетия вплоть до второй половины I тысячелетия до нашей эры.

Хурриты жили большесемейными домовыми общинами, которые назывались димту – башня. Подобное название, вероятно, связано с тем, что каждая община жила в отдельной башне.

В башнях, подобных хурритским, жили и родственные им урарты. Известны были в урартских городах и многоэтажные городские дома-башни, в которых, по-видимому, жили большесемейными общинами. В сельской местности были распространены большесемейные поселки типа хурритских башен. Большого искусства достигли урарты в фортификационном строительстве, в возведении каменных крепостей.

По сообщениям античных авторов, башенное строительство было развито и в Юго-Восточном Причерноморье, то есть в древней Колхиде, население которой также имело этноязыковое родство с предками нахов, так же как и родственную по многим параметрам материальную (колхо-кобанскую) культуру.

Древнегреческий историк Ксенофонт пишет о деревянных башнях у моссиников: «А их царь, который пребывал в деревянной башне, построенной на самом высоком месте города, не захотел покинуть ее, так же как и тот, который находился в прежде взятом укреплении, и оба сгорели там вместе с деревянными башнями. А большая часть укрепленных мест была именно такова. Они отстояли друг от друга стадий на 80, одни больше, другие меньше. Жители их перекликаются между собой, и крик слышен от одного города до другого, – до такой степени эта страна изобилует возвышенностями и глубокими ущельями».

Интересная параллель явлению, описанному Ксенофонтом, обнаруживается в раннесредневековых календарных культах чеченцев. Так, по информации С.-М. Хасиева, с 33-годичным земледельческим календарным циклом было связано ритуальное действо «отправки посла на небо» в начале года, который назывался «наб». По-чеченски этот ритуал назывался «Тlурнене вахийта» – «Отправить в космос». Для этого ко дню начала года должна была быть построена высокая башня из дубовых бревен, в которой поселяли молодого человека – nala. Ему в этот день должно было исполниться тридцать два года, а ко дню «отправки на небо» – тридцать три. Сама башня должна была быть такой высокой, чтобы стоящие внизу люди не ослепли, увидев руки ангелов – святых, опустившихся к ней на туче. После того как молодой человек, проведя в башне год в веселье и развлечениях, якобы отправлялся послом на небо, чтобы просить у Бога благодати, башню сжигали. Угли ее обладали магической силой и защищали от всяких зол и напастей. Однако источники ничего не говорят о судьбе «посла на небо» – то ли его выводили из башни, то ли он оставался в ней, хотя последнее вряд ли возможно.

Деревянные башни назывались у колхидских племен моссинами, а одно из колхидских племен – моссиниками. Древнегреческий поэт и ученый Аполоний Родосский писал о моссиниках:

Возле же них моссиники, соседи, богатый лесами
Материк населяют, а также и рядом предгорья
В башнях себе деревянных обитель устроив,
(В крепко сколоченных башнях, моссинами их называя,
Да и они от моссин свое получили прозвание).

Башенный комплекс в селении Хайбах. Фото И.Пальмина

По описанию римского архитектора Витрувия Полиона, жившего в I веке до нашей эры, колхидские башни были квадратными в основании, сужались кверху, покрывались пирамидальными крышами: «У народа колхов в Понте вследствие изобилия лесов кладут прямо на землю по правую и левую стороны целые бревна, оставив между этими двумя рядами расстояние, равное длине бревен; затем на обоих концах этих рядов кладут поверх два других ряда поперек; таким образом окружается пространство жилищ, лежащее посреди. Затем колхи на четырех сторонах – попеременно на двух противолежащих – накладывают бревна, соединяя углы и образуя стены, и кверху отвесно от основания возводят башни, а промежутки, которые остаются между бревнами вследствие толщины материала, они заделывают щепками и глиной. Точно так же, укорачивая концы поперечных балок и суживая их постоянно в виде уступов, они возводят крышу с четырех сторон кверху и образуют в середине пирамидообразную верхушку, которую они покрывают листвой и глиной, и таким грубым способом строят сводчатые крыши своих башен».

Несомненно, покрытие деревянных башен древней Колхиды напоминает пирамидальную кровлю нахских башен и склепов, то есть имеет ту же конструкцию, хотя оно из другого материала.

Деревянные башни из-за отсутствия камня строились в самой восточной области Чечни – Ичкерии в XIV–XVI веках, вероятно, по той же технологии, что и у колхов.

На Северном Кавказе, так же как и в прилегающих районах, человек появился в эпоху палеолита. До нас дошли следы обитания древних людей ашельской эпохи (нижний палеолит, 150–80 тысяч лет назад). Население этого времени на Северном Кавказе было очень немногочисленным и использовало в качестве жилищ естественные пещеры. Археологические материалы мустьерской эпохи свидетельствуют о том, что древние жители Кавказа начинают строить многообразные искусственные жилища: хижины и шалаши из тонких стволов деревьев и ветвей, костей и шкур крупных животных. Кроме того, уже в это время древний человек начинает облагораживать пещеры, гроты и скальные навесы, застраивая их завалами из камней. К этому периоду относятся находки археологов в районе высокогорных чеченских селений Хой, Макажой, Кезеной.

В эпоху неолита территория Северного Кавказа, впрочем, как и другие области Европы, была мало населена. Об этом свидетельствует низкая плотность археологических материалов, а также характер и расположение поселений того времени, большинство из которых строилось на берегах рек и озер и не было укреплено. Уже в то время появляется техника строительства жилищ из плетеного каркаса, обмазанного глиной (так называемые турлучные постройки), которая используется на Кавказе до сих пор.

В эпоху неолита в горных районах Кавказа начинается строительство из камня. Пещеры же используются как жилища в массовом порядке вплоть до эпохи бронзы, а по свидетельству Страбона, и в I веке до нашей эры. Неолитические поселения обнаружены археологами возле озера Кезеной-Ам, на Терском хребте, в окрестностях Нальчика.

С глубокой древности на территории Кавказа остались следы различных культурных напластований: палеолита, неолита, эпохи бронзы. И несмотря на небольшое количество исследованных поселений древнего периода, они позволяют судить о характере архитектурных и материальных традиций древнейшего аборигенного населения Северного Кавказа.

Закат в горах

Жилая башня у озера Галанчож. Фото И.Пальмина

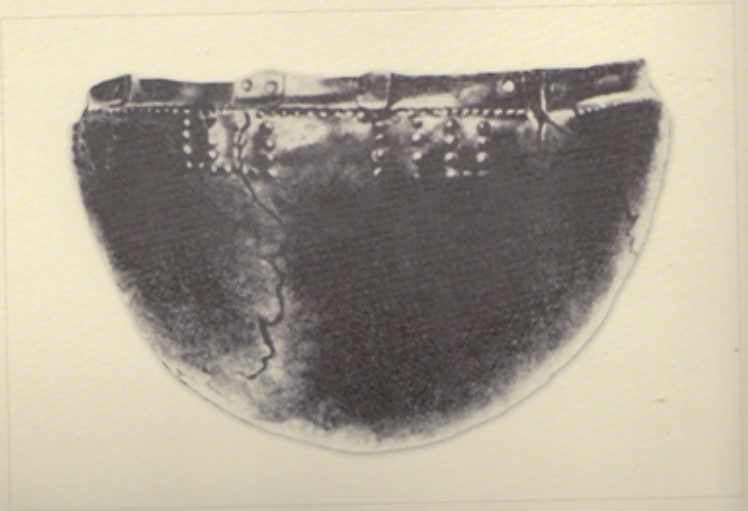
ИСТОКИ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ

ДРЕВНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ II-2

МАЙКОПСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

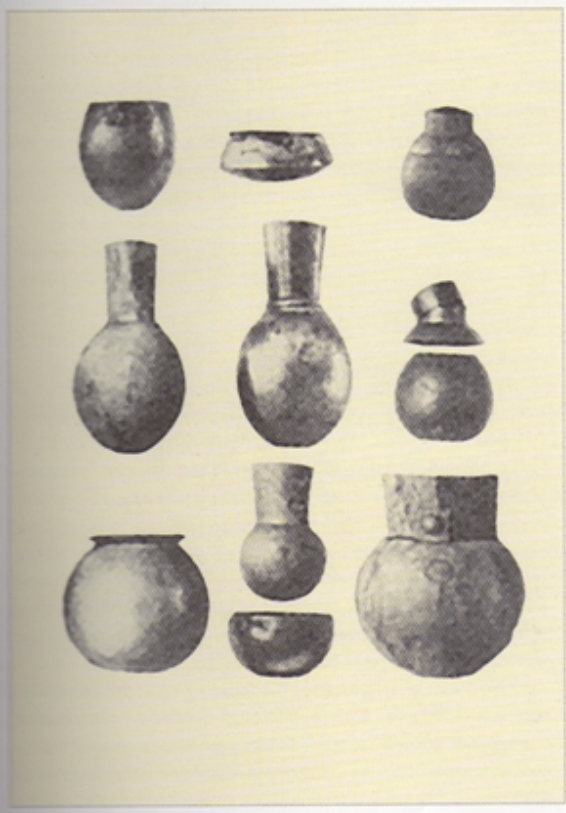
Древнейшей археологической культурой, создатели которой могут идентифицироваться непосредственно с предками нахов, является так называемая майкопская культура, которая была названа по имени курганного погребения, найденного вблизи города Майкоп. Она датируется исследователями 2500–2000 годами до нашей эры и включает в себя всю предгорную и равнинную часть Северного Кавказа от Таманского полуострова на западе и до границы Дагестана на юго-востоке. На западе она граничила с дольменной, а на юге и востоке с куро-аракской археологической культурой, с которой была связана генетически. Куро-аракская культура в период своего расцвета распространилась на часть территории современной Чечни и Ингушетии и даже западнее. Но затем в результате миграции нахских племен с запада ее носители были оттеснены на юг и восток.

Как показывают результаты археологических раскопок, носители майкопской культуры занимались в основном скотоводством и земледелием, с преобладанием первого. Определенных успехов они добились в обработке металлов – в поселениях и погребениях майкопской культуры найдены большие бронзовые котлы, ножи-кинжалы, топоры, различные украшения. В то время в качестве материала для изготовления орудий использовался камень и кремень, поэтому при раскопках находят очень много кремневых и каменных изделий: наконечники копий, дротиков и стрел из кремня, каменные топоры, зернотерки. Майкопцы достигли высокого уровня в гончарном искусстве, в изготовлении керамических изделий.



Бамут. Бронзовый котел из кургана

Золотая диадема и серебряный сосуд из майкопского кургана. III в. до н.э. Из книги Р.М.Мунчаева "Кавказ на заре бронзового века". М., 1975



Майкопский курган.
Серебряные и каменные сосуды

Изделия мастеров майкопской культуры. Конец III — начало II тысячелетия до н.э., село Бамут

Майкопский курган. Золотые фигурки быков

Майкопская культура была создана древним автохтонным населением – предками современного нахского населения Кавказа – и зародилась на местной основе. Но резкий культурный скачок в развитии майкопской культуры в поздний период ее существования исследователи объясняют сильным влиянием древних цивилизаций Передней Азии и даже миграцией определенной части племен этого региона (в первую очередь Месопотамии) на Северный Кавказ. Это, в свою очередь, вызвало продвижение племен майкопской культуры на восток, вплоть до границ Дагестана. Такое объяснение вполне возможно, так как племена Передней Азии и Северного Кавказа (ареала распространения майкопской культуры) были родственными по языку и происхождению и их передвижения через хребет с юга на север и обратно фиксируются в исторических источниках и народных преданиях вплоть до конца I тысячелетия нашей эры.

О родственных связях части племен Передней Азии и носителей майкопской культуры свидетельствуют и их религиозные представления. Судя по каменным кольцам – кромлехам, среди племен майкопской культуры были распространены культы неба и небесных светил, что было свойственно в то же время и цивилизациям Передней Азии.

Племена майкопской культуры располагали свои поселения в труднодоступных местах: на речных мысах или террасах, вдоль рек, имеющих высокие обрывистые берега, которые служили им естественным укреплением. С незащищенной стороны они окружали свои поселения оборонительными стенами, выложенными из камня, имевшими внушительные для того времени размеры (например, поселение Мешоко имело оборонительную стену длиной до 150 метров и шириной до 4 метров).

Жилища носителей майкопской культуры были турлучного типа: деревянные каркасные постройки, обмазанные глиной. Опирались они на деревянные столбы, укрепленные прямо в земле или скалах. Интересно, что подобная техника строительства применяется у чеченцев и сегодня.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что племена майкопской культуры строили в основном жилища только прямоугольной формы. То есть традиция строительства прямоугольного жилища зародилась у древних нахских племен в эпоху ранней бронзы, в III тысячелетии до нашей эры, с той поры и до наших дней эта традиция осталась неизменной.

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

В конце III третьего тысячелетия до нашей эры майкопская археологическая культура сменяется новой, которую ученые назвали северокавказской. Однако она не была материальной культурой нового населения этого региона, сложилась на основе майкопской культуры и генетически из нее вытекала, как об этом свидетельствует сходство похоронного ритуала, возведение надмогильных каменных кромлехов и, соответственно, унаследование религиозных представлений, взаимосвязь образцов керамики, а также почти полное совпадение территорий распространения. Северокавказская культура была распространена от границы Дагестана на востоке до Прикубанья на западе и до Главного Кавказского хребта на юге. На севере территория ее включала предгорья и степи Предкавказья.

Основную роль в хозяйстве носителей северокавказской культуры играли скотоводство и земледелие. Земледелие было более развитым, чем в предыдущую эпоху, – культивировались различные виды злаков (пшеница, ячмень). Высокого для своего времени уровня достигла у племен северокавказской культуры металлургия и металлообработка.

Погребальная культура северокавказцев была очень разнообразной: курганы, каменные ящики, склепы, грунтовые ямы. В таком виде нахи Северного Кавказа сохранят ее вплоть до Позднего Средневековья.

Особую роль и в похоронном ритуале и, по всей видимости, в религиозных воззрениях северокавказцев играл камень

Во-первых, камень очень широко использовали при погребении, как и в эпоху майкопской культуры (каменные вымостки в курганах, кольца-кромлехи вокруг могил).

Во-вторых, в погребениях северокавказцев находят камни-амулеты, что говорит о том, что камень играл важную роль в их жизни и ему приписывалась чудодейственная сила. Интересные реликты этого культа остались в чеченском языке: тІо – камень, тІа – ладонь, тІом – война. Слово «тІо – камень» образует целый семантический ряд со значением «камень + ладонь = война». Таким образом, в чеченском языке слово «война» восходит к древнейшему оружию человека – камню.

Несмотря на высокий уровень металлообработки, северокавказцы широко использовали каменные орудия труда и оружие: мотыги, серпы, топорики, булавы.

По погребениям, в которых находят оружие, украшения, посуду, видно, что носители северокавказской культуры верили в загробную жизнь и считали ее простым продолжением земной жизни. Подобные воззрения были присущи нахам и в Средневековье.

Религиозные культы племен северокавказской культуры остались почти неизменными с эпохи майкопской культуры: культ неба, солнца, гор, культ предков.

О форме жилищ той эпохи можно судить по различным типам могил, так как в древности могилы очень часто повторяли земные дома. И даже строительный материал для земных и вечных жилищ использовался один и тот же, в зависимости от его доступности. В горных районах, где уже в предыдущую эпоху стали строить дома из камня, были распространены каменные склепы и каменные ящики, в лесных районах, где строились деревянные дома и камня было ма-

Бронзовые топоры. Начало II тысячелетия до н.э.

Северокавказская археологическая культура. Каменный топор

Керамика из погребения, село Асламбек-Шерипово

ло, использовались деревянные конструкции при возведении могил. Как и в предыдущую эпоху, жилища в этом ареале были прямоугольной формы.

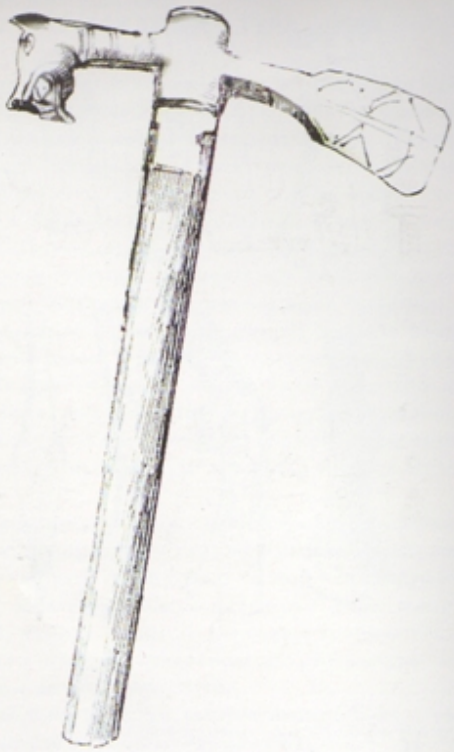
Несмотря на скудость материала, свидетельствующего о характере поселений и жилищ племен северокавказской культуры, разнообразные типы могил говорят о том, что они обладали довольно высокой техникой жилищного и, возможно, фортификационного строительства. Именно к северокавказской культуре археологи относят жилую постройку у селения Гатын-кале в горной Чечне. Она была прямоугольной в плане, стены сплетены из хвороста и обмазаны глиной. Жилище было разделено на две камеры внутренней стеной, выстроенной из камня. Пол в жилище был выложен каменной плиткой.

Северокавказская археологическая культура в позднейшем ее варианте распространилась на большой территории, включая Предкавказье и даже территорию севернее, что говорит о военно-политическом преобладании нахских племен в ту эпоху.

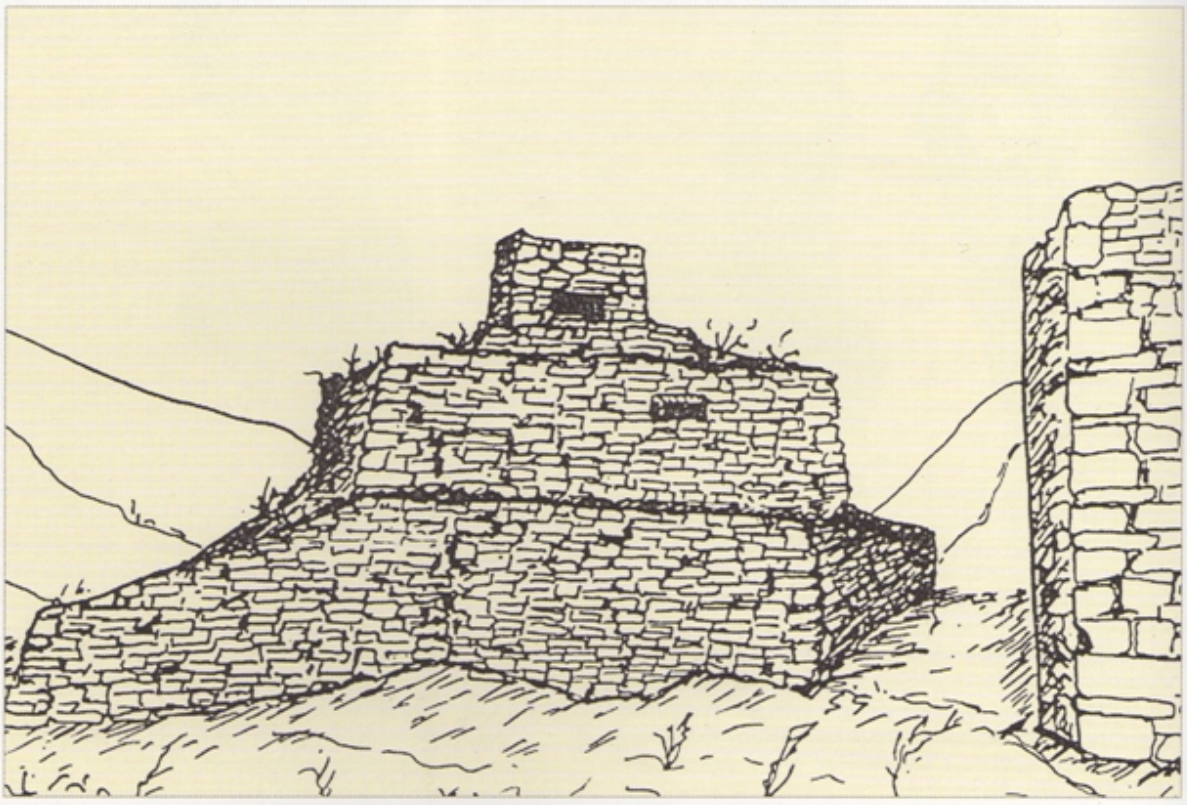
КОБАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

К середине II – к началу I тысячелетия до нашей эры северокавказская культура сменяется так называемой кобанской археологической культурой. Обе эти культуры были связаны генетически и принадлежали одному этносу. Основной ареал распространения кобанской культуры совпадает с зоной предыдущей, северокавказской, смещаясь при этом на юг, к Главному Кавказскому хребту, а в районе Центрального Кавказа и за границы хребта. На севере граница ее доходила до современной Ставропольской возвышенности. Это отражало характер расселения нахских племен, которые под натиском многочисленных диких орд ирано-, угро-, тюркоязычных кочевников были вынуждены сдвигаться на юг и восток, вытесняя и частично ассимилируя народы, создавшие куро-аракскую культуру. Наиболее древние памятники кобанской культуры найдены на территории древней Двалетии (современной Южной Осетии) – это XVI век до нашей эры. На Северном Кавказе самые ранние памятники кобанской культуры датируются XII веком, самые поздние – IV веком до нашей эры.

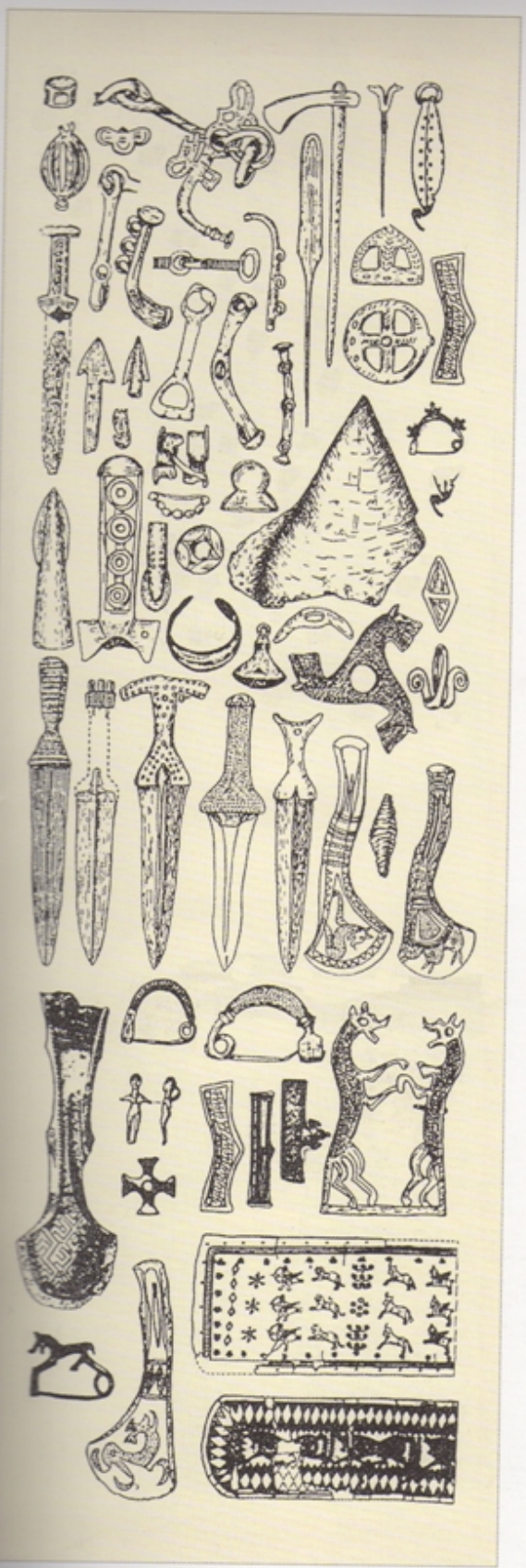
Основой хозяйственной деятельности кобанцев было скотоводство и земледелие. Они разводили крупный и мелкий рогатый скот, овцеводство было отгонным. Кобанцы культивировали пшеницу, ячмень, рожь, просо. При обработке пашен использовали деревянную соху, плуг, мотыгу с бронзовой насадкой, а к VI веку до нашей эры деревянные плуги начинают оснащаться железными лемехами, появляются железные серпы.



Кобанский бронзовый топор. Селение Аккинчу-Барз



Кобанский храм (реконструкция). Из книги В.И.Козенковой "Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе". М., 1996



Изделия мастеров кобанской культуры X—VII вв. до н.э. Из книги В.И.Козенковой "Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе". М., 1996

Высокого уровня кобанцы достигли в металлообработке. Они разработали довольно совершенные для своего времени технологии добычи и обработки медной руды и создания высококачественной бронзы. Из нее изготавливали орудия труда, оружие, посуду, конскую сбрую, предметы культа, украшения.

С X века до нашей эры носители кобанской культуры начинают осваивать железо, и уже к VII веку до нашей эры они переходят к массовому его использованию.

Поселения кобанцев располагались на возвышенных местах, в долинах рек, на горных плато. Жилища и культово-хозяйственные комплексы строились поквартально, узкие улицы были вымощены булыжником. Дома в основном имели прямоугольную форму, но иногда и овальную, по всей видимости, вследствие внешнего влияния. В горной зоне жилища сложены из камня на глинистом растворе, на равнине – турлучные.

Очень мало древних источников, которые бы могли дополнительно пролить свет на историю нахских племен этого периода, населявших зону распространения кобанской культуры. Страбон упоминает гаргареев, живших на этой территории в I веке до нашей эры, которые, по всей видимости, были одним из нахских племен (ср. чеч. гаьргар – родственный, близкий).

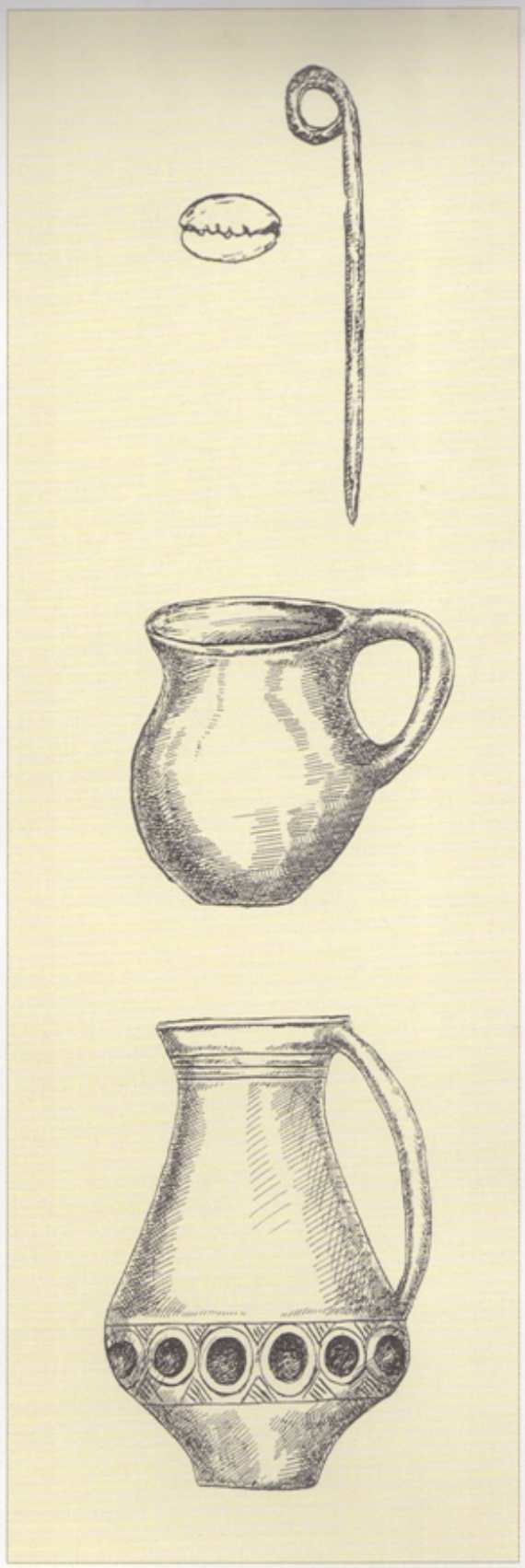
Кобанцы в древнегрузинских хрониках именуются кавкасионами и дурдзуками. Они были одним из самых влиятельных этнических массивов на Кавказе. Но это была эпоха, когда оседлое население Северного Кавказа сталкивается с военной угрозой с севера, со степной зоны, со стороны многочисленных диких орд кочевников. В это время на обозначенной территории начинается строительство укрепленных поселений, обнесенных валом и рвом или каменной стеной.

По всей видимости, к еще более ранней эпохе относятся развалины древних строений, которые были построены из огромных каменных глыб. Эти строения называются циклопическими.

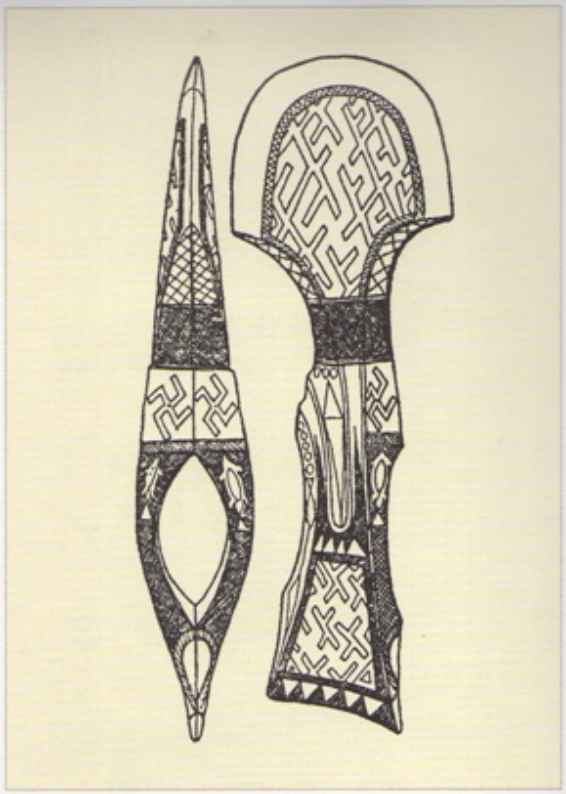
Согласно старинным преданиям, их строили вампалы – огромные одноглазые великаны (в древнегреческой мифологии они назывались циклопами). По другим преданиям – легендарные предки вайнахов – нарты, обладавшие огромным ростом и силой. Действительно, кажется, что простым смертным было бы не под силу передвигать в условиях гор огромные монолиты весом до нескольких тонн.

На самом деле циклопические постройки в Чечне и Ингушетии являются одним из звеньев развития местных архитектурных традиций в русле позднейшей северокавказской, а затем ранней кобанской культуры. Каменные башенные постройки циклопического типа, развалины которых сохранились на территории Чечни у селений Орсой, Баулой, Никарой, Цеча-ахк, Дошхакле, существовали у нахских племен по крайней мере с I тысячелетия до нашей эры.

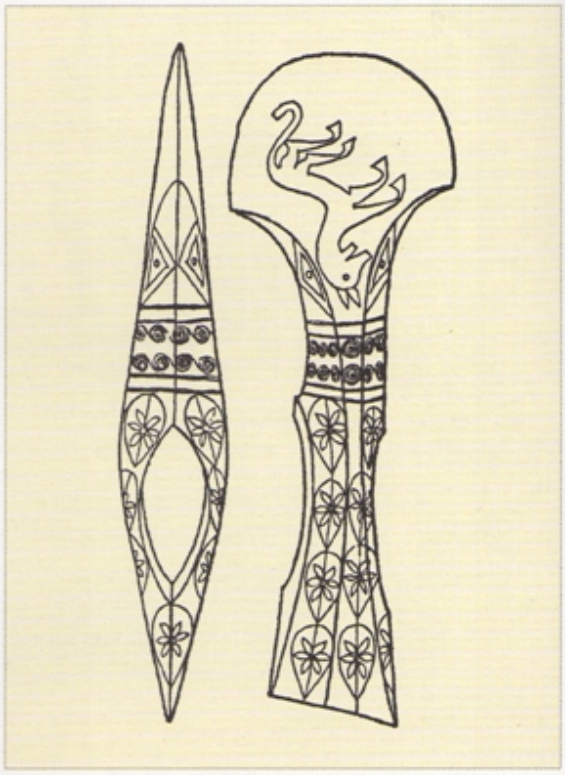
Циклопические постройки сохранились и на территории Закавказья. В Армении они строились на вершинах холмов. В центре, на вершине холма, находились жилые помещения, которые были окружены огромными необработанными валунами, выложенными концентрическими кругами. При вторжении врагов жители поселений защищались, укрываясь за валунами. Интересно, что строительство этих поселений народные предания, так же как и в Чечено-Ингушетии, приписывают ачкатарам, одноглазым великанам, то есть циклопам.



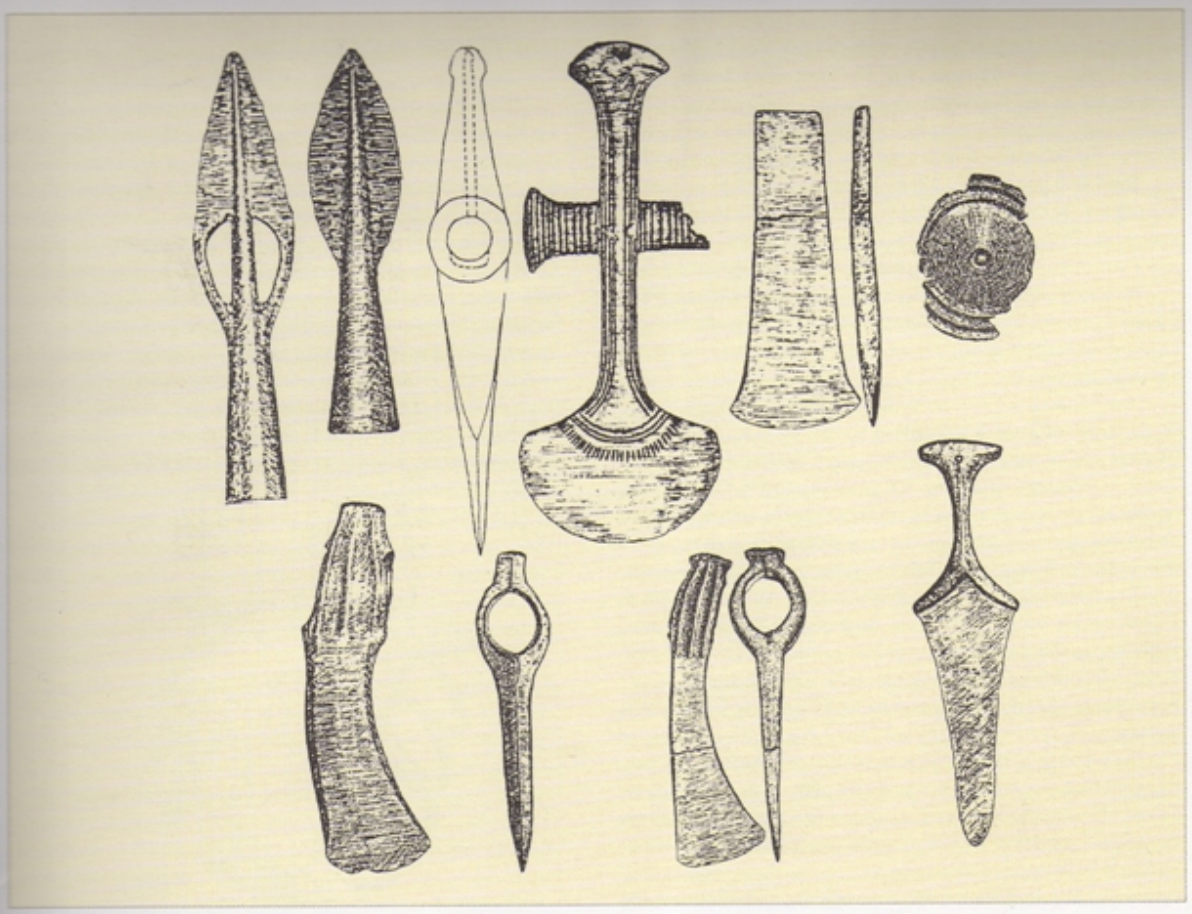
Кобанская керамика. IV в. до н.э.



Кобанско-колхидская бронзовая головка топора из Сурмуши с мотивами свастики.



Кобанско-колхидская головка топора из Они. Не ранее 900 г. до н.э.



Кобанское оружие. Бронза.I тысячелетие до н. э. Из книги В.И.Козенковой "Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе", М., 1996

Большое количество руин циклопических поселений и крепостей находится на территории Грузии. По времени строительства, месту расположения, размерам и формам построек, характеру поселений исследователи делят их на несколько групп. Самые древние датируются временем энеолита, самые поздние – Ранним Средневековьем.

Археолог С.Умаров, обследовавший циклопические постройки в ущелье Цеча-ахк, на западе горной Чечни, датировал этот памятник I тысячелетием нашей эры, то есть Ранним Средневековьем, исходя из датировки обломков керамических изделий, найденных вокруг укрепления. Но это может быть только одним из оснований для выявления времени строительства укрепленных жилищ.

При датировке древних архитектурных сооружений нужно не только исходить из археологических данных, но и учитывать такие типологические особенности, как выбор места для поселения, типы жилищ, строительная техника, могильники. При этом также нельзя забывать о факторе их вторичного использования. Прочные каменные постройки могли иногда использоваться в условиях гор несколько столетий. Например, два нижних этажа боевой башни в Хачароевском ущелье, построенной, по крайней мере, до XV века, использовались в качестве жилья еще в середине прошлого столетия, при этом они были оштукатурены и побелены изнутри. А средневековая жилая башня в селении Хаскали до сих пор используется для хранения сена и как загон для скота.

Как известно, единственным критерием определения времени строительства вайнахских башен в научных исследованиях большинства ученых является конструкция бойниц. При этом на основе того, что бойницы большинства вайнахских башен могли использоваться только для стрельбы из ружья, делался вывод, что они были построены не раньше XVI века.

На самом же деле бойницы большинства обследованных нами башен непригодны для стрельбы из ружья и являются обычными смотровыми щелями. Например, в той же Гучан-Калинской башне смотровые щели были расширены позднее и приспособлены для стрельбы из ружья, так же как и в Хаскалинской, что легко заметить при простом визуальном наблюдении. Интенсивная стрельба велась обычно с верхнего этажа. Для этого были приспособлены специальные балкончики – машикули, конструкция которых позволяла стрелять из любого оружия с определенной долей безопасности для стрелка.

Циклопические постройки в других регионах Кавказа исследователи относят к I тысячелетию до нашей эры.

К этому времени можно отнести и циклопические постройки поселения Цеча-ахк, если исходить из их ар-

хитектурных особенностей. Место для поселения выбрано таким же образом, как это делали носители майкопской и северокавказской культур – на гребне высокого мыса, который с трех сторон омывается водой и имеет обрывистые склоны с востока, севера и запада.

Древнее поселение Цеча-ахк состоит из двух групп огромных построек, которые цепью вытянулись вдоль террасы. Эти постройки представляют собой сооружения гигантских размеров и имеют прямоугольный план.

Несмотря на то что все эти сооружения сильно разрушены, по их руинам можно судить об определенной технике строительства, что дает возможность их относительной датировки.

Во-первых, от них остались стены высотой от одного до двух метров, сложенные из огромных необработанных каменных глыб. Эти строения были многокамерными, о чем можно судить по остаткам стен. По руинам некоторых построек можно предположить, что они были двухэтажными, но невозможно судить об их фортификационных особенностях. По характеру кладки (камни выложены беспорядочно, без связи между собой, угловые камни также между собой не связаны) и по уровню обработки камня (камни совершенно не обработаны) эти постройки можно отнести к концу II – к середине I тысячелетия до нашей эры, но никак не к Раннему Средневековью.

Гигантские планы этих жилищ могут говорить об определенной социальной структуре общества того времени. По всей видимости, население здесь проживало большими семейными общинами, которые постепенно дробились в процессе эволюции. К циклопическим сооружениям пристраивались дополнительные помещения небольших размеров.

Это было время, когда на огромной территории от Кубани до Андийского хребта существовало крупное политическое объединение древних нахских племен. Политическое образование, существовавшее во второй половине I тысячелетия до нашей эры, в письменных источниках отражено под различными наименованиями, в античных источниках – по имени верховного бога нахов – Малх, как оно было известно древним абхазам, адыгам и ираноязычным племенам.

Контролируя главный кавказский проход – Дарьяльское ущелье и держа под постоянной опасностью вооруженного вторжения закавказские страны, в первую очередь Картли и Армению, нахское политическое образование представляло грозную военно-политическую силу на Кавказе. Оно оказывало большое политическое влияние на соседние страны.

С этим, вероятно, связано и то, что в этот период не строили специальных фортификационных сооружений, а лишь использовали для оборонительных целей рельеф местности и гигантские размеры жилищ.

К III—II векам до нашей эры из-за ряда крупных военных неудач военно-политический союз нахов распался на более мелкие образования. Кроме того, усиливается угроза постоянных вторжений кочевников с севера. Именно в такие периоды преобладающей становится оборона отдельных поселений, что отражается на характере архитектуры.

СКИФЫ И САРМАТЫ

Примерно с VII века до нашей эры на территории расселения древних нахских племен появляются скифские племена. До сих пор остается дискуссионным вопрос о происхождении скифов, их языковой принадлежности, этнической идентичности. Так называемая скифская археологическая культура в определенный период времени простирается от Причерноморья и равнин Северного Кавказа на западе и до Алтая и Восточной Сибири на востоке. Носители этой культуры оставили после себя прекрасные образцы оружий и предметов быта из золота, серебра, бронзы, богатые захоронения вождей в курганах. Изделия более позднего времени носят явные следы влияния греков, с которыми скифы столкнулись в Северном Причерноморье.

Но остается неясным, был ли это единый этнос или группа родственных племен, или же под этим названием существовали

Изделия в зооморфном стиле из скифских курганов

не связанные общностью происхождения народы, которых объединяла единая материальная культура. Несмотря на предположение некоторых лингвистов о том, что скифский язык (если вообще существовал единый язык на таком огромном пространстве) относится к иранским языкам, до сих пор нет ни одной работы, которая бы аргументировано это доказывала. В этом деле не могут быть основой для доказательства лишь одни топонимические или ономастические данные. Характер личных имен и в более древние времена был связан с религиозным культом, а топонимика часто переосмысливается и адаптируется в зависимости от языковой принадлежности автора того или иного исторического сочинения или народа, который позже живет на этой территории.

На Северном Кавказе в ареале распространения кобанской археологической культуры археологи обнаруживают следы ее взаимодействия со скифской материальной культурой примерно с VII века до нашей эры, что проявляется в характере погребального ритуала, оружия и конского снаряжения, керамики и предметов быта. Кобанская материальная культура того периода, по мнению исследователей, испытывает определенное влияние так называемого скифского «звериного» стиля, хотя зооморфность присуща изделиям кобанцев и более древнего времени.

Пока невозможно определить, были ли так называемые скифские племена Северного Кавказа автохтонами, испытавшими определенное культурное влияние степных племен, или же это кочевые племена, пришедшие сюда с востока. Но тесное сосуществование кобанцев и скифов, определенный симбиоз их культур, а также совместные походы в Закавказье и Переднюю Азию дают больше оснований предполагать первое.

Что же касается происхождения кавказских сарматов, то более определенно можно говорить об их автохтонном происхождении. Это подтверждается и свидетельствами античных авторов, и ономастикой, и археологическим и антропологическим материалом. Так, например, Страбон пишет о народах, населявших горные районы Грузии: «На иберийской равнине обитает население, более склонное к земледелию и миру, которое одевается на армянский и мидийский лад; горную страну, напротив, занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются и земледелием. В случае каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много десятков тысяч воинов, как из своей среды, так и из числа скифов и сарматов». Из античного текста очевидно, что автор относит все население по северную сторону Кавказского хребта непосредственно к скифам и сарматам.

Руины аланской крепости. Рис. С. Абаева

АЛАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

С I века нашей эры на территории распространения кобанской культуры (расселения нахских племен) античными авторами упоминаются аланы.

Вплоть до последнего времени считалось, что аланы были частью огромного массива сарматских племен, продвинувшихся в равнинные и предгорные районы Северного Кавказа из Нижнего Поволжья и Приуралья.

Выводы об ираноязычности алан делались не на основе данных топонимики, лингвистики, исторических источников, а исходя из того, что язык осетин, которые без достаточной научной аргументации считались единственными потомками алан, был иранским.

Но границы расселения алан, данные топонимики, археологии и антропологии говорят о том, что аланы являлись потомками носителей кобанской культуры, то есть нахами.

Те различия в материальной культуре, которые появляются у племен равнинной и горной зон, объясняются, прежде всего, определенной консервативностью хозяйственно-экономического уклада горцев, малочисленностью внешних контактов и их изоляцией от внешнего мира.

На рубеже нашей эры на территории расселения нахских племен кобанская культура начинает распадаться на горную и равнинную. При этом культура горных кобанцев долгое время сохраняет архаичные черты и самобытность, а в равнинной части Северного Кавказа на основе кобанской культуры начинает развиваться аланская культура, которая испытывает определенное влияние кочевого населения степной зоны.

Уже во II веке Алания воспринимается как единая территория, а аланы как одно из могущественнейших племен Северного Кавказа, в руках которого сосредоточены стратегические пути из Европы в Закавказье.

С V—VI веков нашей эры на территории Алании появляются городища с мощным культурным слоем и оборонительными сооружениями. Аланы занимались земледелием и скотоводством, рыболовством и охотой. Значительных успехов они достигли в металлообработке, гончарном деле, вели широкий торговый обмен со всеми окружающими народами.

В VII–IX веках на территории Алании появляются городища, укрепленные глубокими рвами, а также с мощными цитаделями.

В отличие от кочевников, жилища которых были круглыми, аланы, так же как и их древние предки, строили прямоугольные жилища двух типов: наземные и углубленные в землю.

Наземные жилища строились в турлучной технике с глиняной обмазкой, перекрытия опирались на опорные столбы.

Полуподземные жилища были почти квадратными в плане и углублялись в землю почти на метр. Предположительно, они имели двускатную кровлю. Остатки аланских жилищ обоих видов были обнаружены на городище Алхан-Кала, в Чечне. В горной зоне были распространены жилища из камня, а также различные виды каменных погребальных сооружений.

Улицы аланских поселений были вымощены булыжником. Дома окружали хозяйственные постройки.

Массовое строительство цитаделей, боевых башен и комплексов на территории Чечни, и вообще в ареале расселения нахов, относится к XII–XIII векам, то есть к позднеаланской эпохе, хотя расцвет нахской архитектуры приходится уже на XV–XVI века, а в западных районах на XVII–XVIII века. Раннее угасание башенного строительства в Чечне связано с возвращением чеченцев на равнину в XVI–XVII веках.

Именно в аланскую эпоху, а возможно и ранее, была создана Великая сигнальная система нахов, которая состояла из сигнальных (боевых) башен и объединяла разбросанные на ог-

Аланский кувшин с изображением солнечного диска

ромной территории общества в минуту военной опасности.

Из сохранившихся на территории Чечни и Ингушетии каменных сооружений к аланской эпохе можно отнести некоторые постройки поселения Цеча-ахк, расположенного на западе Чечни, в ущелье реки Фортанга. По характеру обработки камня и использованию известкового раствора, а также по преобладающей горизонтальной планировке их можно датировать I–VII веками. Эти архитектурные сооружения уже можно разделить на боевые и жилые. Боевые башни почти полностью разрушились, от них остались только нижние этажи, по которым из-за завала камней невозможно определить их план.

Жилые башни сохранились лучше. Одна из них сохранилась на высоту от двух до трех метров и имеет форму вытянутого прямоугольника: 14 x 7,5 метра. Толщина стен – до одного метра. Башня выложена из необработанных каменных блоков с применением небольшого количества известкового раствора.

Почти не отличаются от нее и башни, расположенные на других участках этой части поселения: они имеют вытянутый план, состоят из двух-трех камер, имеют два или три этажа. Толщина стен – около метра, техника кладки тоже очень примитивная, хотя используется известковый раствор. Эти башни отличаются от классических жилых башен Чечни горизонтальной планировкой, низкой техникой кладки и обработки камня, но уже в них появляются элементы конструкций, свойственные последним. Это прежде всего наличие опорного столба, арочные проемы (дверные и оконные), расширение их с внутренней стороны.

К позднеаланской эпохе (XI–XII вв.) также можно отнести еще одну группу башен поселения Цеча-ахк. Подтверждением этому могут служить археологические материалы, обнаруженные вблизи поселения при раскопках.

Башни этой группы (примерно XI–XIII вв.) отличаются от более древних сооружений вертикальной планировкой, планами, близкими к квадрату, большей высотой и количеством этажей (три-четыре), стены сложены гораздо аккуратней, кроме того, башни заметно суживаются кверху и имеют значительно больше оконных проемов и бойниц.

Более поздней, вероятно, является одинокая четырехэтажная башня, расположенная в стороне от поселения. Она очень высокая, имеет тщательно выложенные стены, большое количество бойниц, а также на уровне четвертого этажа боевой машикуль – балкончик для ведения стрельбы. Но наличие руин боевых башен рядом с более древними жилыми сооружениями говорит о том, что боевые башни появляются не в результате эволюции жилых башен, как считают некоторые ученые, а изначально развиваются как самостоятельный тип. В

Аланская жилая башня. Рис. С.Абаева

поселении Цеча-ахк боевые башни, квадратные в основании, строились в одно и то же время с жилыми башнями с первых веков нашей эры. Поэтому вряд ли можно считать жилую башню с фортификационными конструкциями (машикулями и бойницами) переходным типом между жилой и боевой башнями.

К XV–XVII векам можно отнести мощный замок селения Цеча-ахк, состоящий из одной боевой и двух жилых башен. Верхняя часть боевой башни не сохранилась, поэтому трудно судить о характере кровли. Но по некоторым сохранившимся элементам и конструкциям можно предположить, что построена она в период расцвета вайнахской башенной культуры. Боевая башня имеет квадратное основание (5 х 5 метров), большое количество оконных проемов с круглыми арками, камни обработаны и очень тщательно уложены, на фасаде башни имеются элементы декора. Жилые башни, пристроенные к боевой башне, ничем не отличаются от нее по технике кладки и уровню обработки камня, то есть все элементы замка были построены в одно и то же время.

Таким образом, в поселении Цеча-ахк в различном виде сохранились многие типы жилых и боевых сооружений, свойственных чеченской архитектуре с I тысячелетия до нашей эры до XIV–XV веков нашей эры. По типу сохранившихся жилых и фортификационных сооружений постройки Цеча-ахк можно разделить по крайней мере на четыре периода.

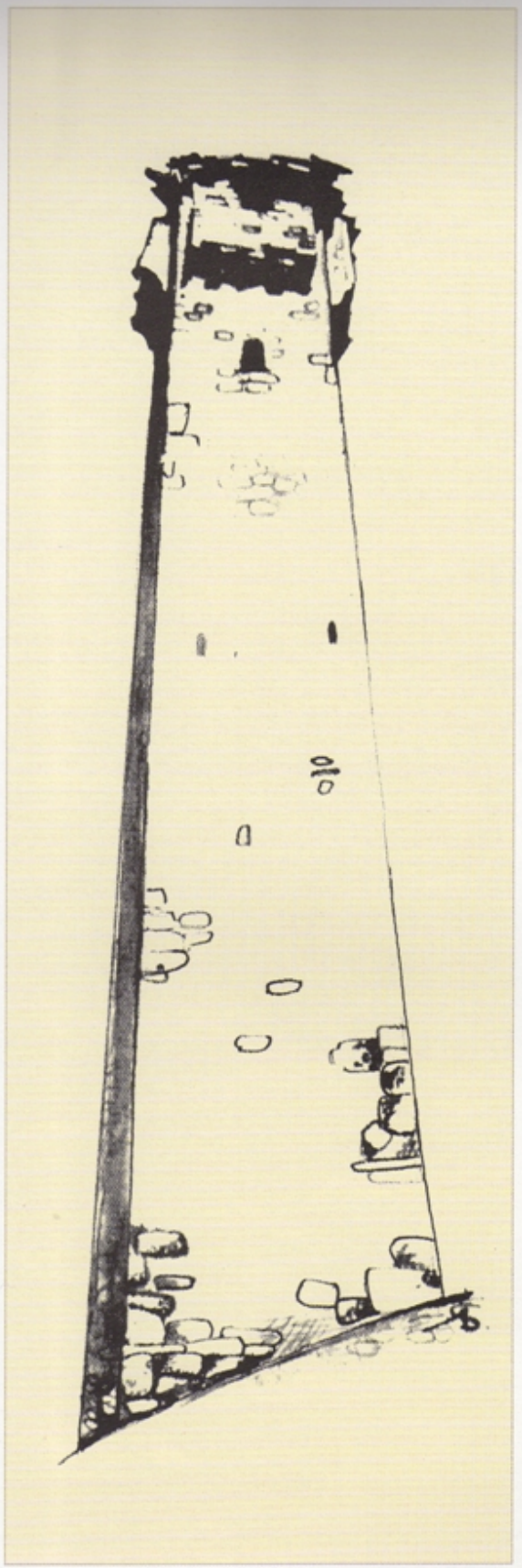
КОБАНСКИЙ ПЕРИОД (XII–V ВВ. ДО НАШЕЙ ЭРЫ) – это время циклопических сооружений, построенных из гигантских необработанных камней, которые имеют горизонтальную планировку, то есть являются многокамерными, возводятся без использования раствора, характеризуются примитивной строительной техникой.

РАННЕАЛАНСКИЙ ПЕРИОД (I—VII ВВ.) – архитектурные сооружения этого периода уже можно разделить на боевые и жилые. О характере боевых башен сложно судить, так как от них остались только нижние этажи.

Жилые башни имеют продолговатый план и являются двух- или трехэтажными. Стены сложены из необработанных каменных блоков с применением небольшого количества известкового раствора, техника строительства по-прежнему остается очень низкой. Но уже появляются элементы конструкций, свойственные средневековым чеченским башням. Это, прежде всего, наличие опорного столба, арочные проемы (дверные и оконные), расширение их с внутренней стороны.

ПОЗДНЕАЛАНСКИЙ ПЕРИОД (XI—XIII ВВ.) – башенные постройки этого периода отличаются вертикальной планировкой и более высоким уровнем строительной техники. По своим формам они приближаются к классическим вайнахским сооружениям. Подобные сооружения встречаются на всей территории древнего расселения нахов, от Аргуна до Кубани.

ВАЙНАХСКИЙ, ИЛИ КЛАССИЧЕСКИЙ, ПЕРИОД (XV—XVII ВВ.) – период расцвета чеченской башенной архитектуры, который характеризуется высокой культурой строительства. Боевые и жилые башни приобретают классические, завершенные формы. Подобные сооружения встречаются лишь на территории Чечни и Ингушетии.



Боевая башня с плоской кровлей. Рис. С.Абаева

Ца-кале

На основе архитектурных строений поселения Цеча-ахк можно судить об эволюции чеченских жилых и фортификационных сооружений в течение почти двух с половиной тысячелетий.

Об этом мы можем говорить с определенной долей уверенности, так как независимо от индивидуального мастерства отдельных строителей, которое, бесспорно, может влиять на общий облик постройки, существуют такие категории, как, например, техника строительства или архитектурные традиции. И исходя из этого, мы не можем отнести циклопические сооружения Цеча-ахк к эпохе Раннего Средневековья.

Архитектурные строения этого периода (X–XII вв.) отличаются уже более или менее сложившимися архитектурными формами, близкими к классическим, заметной дифференциацией между жилыми и боевыми сооружениями (боевая башня в ущелье Хаскали), определенным уровнем обработки камня.

Хаскалинская боевая башня стоит на западном склоне горы, на обрывистом утесе, над речкой, впадающей в Дере-ахк. Она построена на скале. Размеры: основание – 5 х 5 метров, высота – около 20 метров. Ориентирована башня строго по странам света. Вход – с западной стороны, выполнен в виде стрельчатой арки. Башня – пятиэтажная, кровля разрушилась, каменный шпиль (шурку), венчавший перекрытие, отсутствует. Все оконные проемы выполнены в форме ложных арок. На стенах башни много отверстий, которые вряд ли можно считать бойницами. По всей видимости, они были смотровыми щелями.

Боевая башня имеет своеобразную конструкцию машикулей, сильно отличающихся от машикулей большинства вайнахских башен. Они выполнены очень примитивно и прикрывают не широкие проемы, удобные для стрельбы, а круглые отверстия, которые удобны для обзора местности, но никак не для ведения стрельбы из лука и тем более из ружей. Исходя из этого, можно предполагать, что, во-первых, башня действительно является более древней (XI–XII в,), чем аналогичные вайнахские башни, во-вторых, что она изначально строилась как сигнальная башня, и если предполагалась какая-либо фортификационная функция этой башни, то в последнюю очередь. На ранний возраст башни могут указывать и огромные размеры камней, уложенных в основание. Вес отдельных камней может составлять несколько тонн.

Кровля выложена примитивным способом: путем укладки шиферных плит на деревянные балки с использованием глиняно-известкового раствора в небольших количествах. Кровля с такой техникой кладки камня часто встречается в каменных склепах, строительство которых можно датировать XI–XIV веками.

Свидетельством высокого уровня развития строительной техники в Раннем Средневековье являются каменные склепы, при строительстве которых уже применялась и обработка камня, и глиняно-известковый раствор, была довольно развита техника кладки камня.

По всей видимости, исследователи памятников нахской архитектуры в большинстве случаев очень сильно занижают их возраст, исходя прежде всего из фактора их позднейшего использования. Эту тенденцию отмечает и Н.Ш.Джанберидзе в монографии «Архитектура Грузии от истоков до наших дней». По его мнению, «нельзя не учитывать, что циклопические (постройки) крепости показывают лишь конец их жизни, и подходить к ним статически, рассматривая без учета всей сложности их длительного исторического процесса. Научный подход к таким памятникам должен учитывать в них отражение различных сторон жизни общества: выбор места под крепость или поселение, ...могильники, строительную технику, археологические данные».

К тому же, почти все исследователи датируют памятники архитектуры средневековой Чечено-Ингушетии XV–XVII веками, хотя на самом деле является общеизве-

стным фактом то, что со второй половины XVI века начинается активное возвращение чеченцев на равнину. К этому времени можно отнести спад активного строительства башен в горной Чечне, тогда как в соседних регионах строительство башен продолжалось вплоть до конца XIX века. И если в западных районах в некоторых случаях помнят даже имена мастеров, строивших те или иные башни, то в Аргунском ущелье в середине XIX века даже старики не знали, кому принадлежала та или иная башня, не говоря уже о том, кто ее строил.

Чеченские башни отличаются большим разнообразием форм, отдельных деталей. Это прежде всего может быть подтверждением того, что их строили в разные периоды времени. Наиболее ранние по времени постройки башни имеют сходные черты с башенными сооружениями Карачая, Балкарии, Северной Осетии. Это говорит о том, что в определенный период времени эти районы относились к единому ареалу материальной культуры.

В свое время известный чеченский этнограф Саид-Магомед Хасиев записал в одном из районов Чечни очень интересную притчу, касающуюся, кроме всего прочего, возможного возраста башен:

«На самой вершине утеса стояла боевая башня, которая защищала вход в ущелье, а также с нее передавали сигналы о приближающейся опасности в другие районы гор. Кровлю ее завершал остроугольный камень – цIурку. Однажды сокол, пролетая над утесом, сел на этот камень и, очень довольный собой, стал оглядывать окрестные горы.

– Чем же ты так доволен? – спросил у него камень.

– Как же мне не быть довольным, если у меня так все хорошо, – ответил сокол, – Всевышний дает нам три года жизни на этой земле. Я уже два года прожил, но чувствую себя словно мне один год, и прилетел я сюда, поклевав живой печени. И подвластны мне крылья и небо.

– Я же стою на вершине этой башни уже девятьсот лет для того, чтобы она не разрушилась, – сказал камень. – За это время я увидел столько, что, начни я рассказывать об этом даже со времени твоего сотого предка, не хватило бы твоей жизни. Разница между мной и тобой в том, что ты создан для того, чтобы насыщать свой желудок и любоваться своей силой и удалью, я же здесь для того, чтобы не разрушилась эта башня и чтобы она спасала жизни многих людей».

Помимо основного философского смысла эта притча указывает на возможные границы существования одной башни, хотя в реальной жизни этот срок мог быть или больше, или меньше.

Циклопические же постройки могли сохраняться и использоваться еще дольше, если учитывать размеры камней и технику строительства. Постройки того же поселения Цеча-ахк, возможно, были разобраны позже для использования при строительстве новых жилищ.

Несмотря на небольшое количество жилых и боевых башен, оставшихся на территории расселения нахов с древнейших времен (II—I тыс. до н.э.), все же отдельные, сохранившиеся в различном виде сооружения позволяют в какой-то мере восстановить картину эволюции нахских жилищ и фортификационных сооружений.

С III тысячелетия до нашей эры на территории расселения нахских племен появляются первые укрепленные поселения. Для их строительства выбирались естественно защищенные места: на возвышенных, скалистых мысах, на крутых берегах рек. Уязвимые с точки зрения обороны места укреплялись каменными стенами. Но, кроме стен, специальных фортификационных сооружений на поселениях носителей майкопской культуры еще не было. Жилища были небольшими, и оборона каждого из них в отдельности не предусматривалась.

Со II тысячелетия до нашей эры, когда на территории расселения нахов на основе майкопской культуры зарождается так называемая северокавказская археологическая культура, их жилища и фортификационные сооружения становятся более разнообразными.

В горах строятся каменные дома, в предгорьях и на равнине – жилища турлучного типа с использованием камня, как об этом свидетельствует жилище той эпохи, найденное у селения Гатын-кале в предгорьях Чечни.

Высокого развития достигает строительство погребальных сооружений, которые в эту эпоху становятся очень разнообразными (каменные ящики, склепы).

Камень становится одним из наиболее распространенных строительных материалов и при сооружении жилищ, и при сооружении погребальных комплексов. Можно даже говорить о культе камня среди нахских племен Северного Кавказа, который оставил очень яркие следы в современном чеченском языке. Уже в это время нахи достаточно рационально используют естественные фортификационные особенности местности, размещая свои поселения на высоких утесах, мысах, на обрывистых берегах рек. Хотя также на основе дошедших до нас археологических материалов можно говорить об определенном развитии фортификационного искусства у нахов того времени, что выражалось в окружении поселений каменными стенами, в определенном расположении жилищ по отношению друг к другу.

С развитием на территории расселения нахских племен кобанской археологической культуры начинается строительство так называемых циклопических построек, жилищ и прочих строений из громадных каменных глыб. Развалины циклопических построек сохранились в разных районах Чечни: в селениях Никарой, Баулой, Цеча-ахк, Хаскали, Орсой. Хотя наряду с ними продолжается возведение жилищ из плетеного деревянного каркаса с глиняной обмазкой. Вполне вероятно, что огромные каменные валуны использовались и ранее при строительстве стен и специальных заграждений, как об этом могут свидетельствовать материалы Закавказья. Поселения племен кобанской культуры располагались также на естественно укрепленных возвышенностях (Сержень-Юрт, Змейское, Цеча-ахк).

На рубеже нашей эры нахи, живущие на равнине, в различных исторических источниках уже называются аланами. Со II века Алания упоминается как единое образование, оказывающее значительное влияние на соседние страны и народы.

К VII–IX векам границы Аланского государства простирались от Дагестана до Кубани. Фортификационное строительство на его территории достигает в это время наивысшего развития. Арабские источники IX–X веков пишут о многочисленных городах и крепостях алан.

К этому и более позднему периоду (XII–XIII вв.) относится бурное строительство жилых и боевых башен на Северном Кавказе.

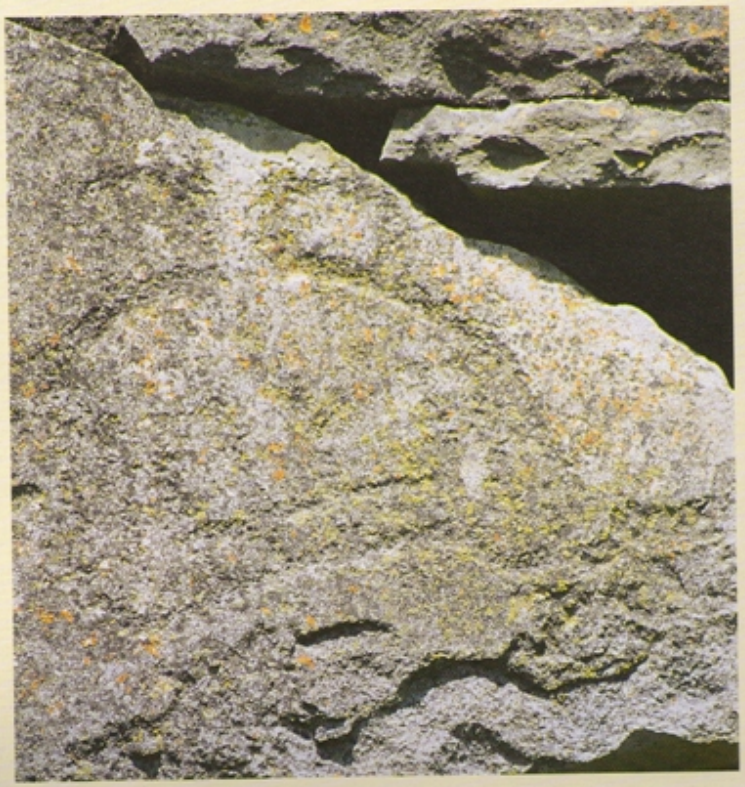
По всей вероятности, это было связано с тем, что в этот период начинается создание Великой сигнальной системы, которая объединяла все селения и города нахов-алан.

Классической формы жилая и боевая башни в Чечне достигли в XIV–XVI веках. К концу XVI – середине XVII века в связи с массовым переселением чеченцев на равнину строительство башен, за редким исключением, в горной Чечне практически прекратилось. В это же время перестали строить башни на равнине.

СТРОИТЕЛИ БАШЕН

III

ВО ВРЕМЯ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭКСПАНСИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ в конце XVIII – начале XIX века русские офицеры, а затем и исследователи впервые столкнулись с башенной культурой чеченцев. Они были настолько поражены красотой, гармонией, высоким архитектурным уровнем каменных строений, что сразу же стали приписывать их строительство другим народам, якобы более цивилизованным, чем вайнахи. К тому времени большинство башен было заброшено, а местные жители ничего не знали об их строителях, кроме легенд и преданий, которые чаще всего не имели ничего общего с действительностью.



Камень с петроглифами. Селение Эткали ▲
Башня Беккайлинской цитадели ▶

А.Ипполитов в «Этнографических очерках Аргунского округа» пишет о том, что башни в Аргунском ущелье были построены народом, стоявшим на известной ступени цивилизации по отношению к местному населению.

Почти то же самое утверждает П.Головинский в статье «Горные чеченцы», приписывая строительство башен так называемым родоначальникам, которые, по его мнению, основанному на генеалогических легендах, были чужеземцами: грузинами, греками, евреями, европейцами.

Но М.А.Иванов, описывая ущелья Акки, приводит чеченскую легенду о знаменитом строителе башен Дисхи, в честь которого была названа боевая башня у селения Воуги.

Разные авторы приписывали строительство башен неизвестным ныне народам: тиндам, мидам, джелтам. Считалось, что джелтами вайнахи называли греков. На самом деле джелтами называли жителей аланского города Джулат, которые прекрасно владели многими ремеслами и были хорошими строителями.

Как известно, во время монголо-татарского нашествия и особенно во время походов Тимура часть жителей равнины ушла в горы, где был большой спрос на изделия ремесленников и строителей и где их труд почитался и хорошо оплачивался. Вероятно, с миграцией в горы в XIV–XV веках общины каменщиков, обладавших высокой строительной культурой и развитыми традициями, и связан резкий скачок в развитии средневековой архитектуры нахов.

В основе зарождения многих тейповых общин в Чечне лежал профессиональный принцип, когда их образовывали сообщества ремесленников, в том числе и пришедшие из равнинных городов. Возможно, что таким образом было основано селение Баулой (в переводе с чеченского – строители боевых башен – боув), жители которого специализировались на строительстве башен.

Позже, при более тщательном исследовании этой проблемы, соглашаясь с тем, что эти башни строили местные строители, многие ученые стали писать об одностороннем влиянии грузинского зодчества на архитектуру вайнахов. Но древняя грузинская архитектура принципиально отличается от нахской, за исключением погребальных и фортификационных сооружений в Хевсуретии, которые были построены чеченскими мастерами. И тогда совершенно непонятно, в каком виде, в каких архитектурных формах проявляется это влияние. Даже христианские храмы, построенные грузинскими миссионерами в Раннем Средневековье в ущельях Чечни и Ингушетии, напоминали по форме языческие святилища нахов.

А.Гольдштейн, исследовавший зодчество народов Северного Кавказа, пытался объяснить зарождение башенного строительства в этом регионе влиянием архитектурных форм Передней Азии. Но переднеазиатские и северокавказские башни отличаются не просто внешними формами, как, например, грузинские и чеченские, но и глубокими строительными традициями. Тем более что ни в Передней Азии, ни на Кавказе не осталось никаких промежуточных архитектурных форм, которые бы свидетельствовали об этом влиянии.

Сегодня, после изучения многих архитектурных памятников в горах Чечни и Ингушетии, исследователи говорят о неповторимом своеобразии нахской архитектуры, которая зародилась и развивалась на местной почве. Именно в Чечне и Ингушетии появились такие архитектурные формы, которые не встречаются в других регионах Кавказа, как, например, вайнахская боевая башня с пирамидальным венчанием, полубоевая и жилая башни, отличающиеся неповторимым стилем и обликом. При этом формы башен имеют определенные генетические связи со склеповыми сооружениями и культовыми памятниками на данной территории.

Нахские боевые и жилые башни не появляются внезапно. Классическая нахская башенная архитектура явилась результатом эволюции жилых и фортификационных сооружений в течение, по крайней мере, трех-четырех тысячелетий.

Что касается внутренних особенностей нахской архитектуры, то своеобразие башенных построек восточных и западных вайнахских регионов зависит прежде всего от времени их строительства. Более древние постройки, воздвигнутые примерно в один период времени, ничем не отличаются, а поздние отличаются только деталями и качеством отделки. Австрийский ученый Бруно Плечке, который исследовал материальную культуру (прежде всего архитектурную) этого района Кавказа, назвал башенную культуру Чечни и Ингушетии «замкнутым единством», подчеркивая тем самым их полное сходство.

В отличие от западных районов, где башни строились до конца XIX века, в центральном и восточном ареале расселения вайнахов строительство башен стало угасать уже к концу XVII века в связи с массовым переселением чеченцев на равнину. Поэтому сохранилось очень мало достоверных материалов, связанных со строительством отдельных башен. Хотя почти с каждой башней в горах Чечни связаны легенды, но чаще всего они являются поздними и ничего общего с действительностью не имеют.

Все же в топонимике, фольклоре сохранилась в различном виде информация о строительных традициях чеченцев в более древнюю эпоху.

Во-первых, в горной Чечне, в ущелье Терлой-мохк, существовало селение Бавлой, жители которого специализировались на строительстве боевых башен. Само селение состояло из одних башен, боевых и жилых. Их руины и сегодня придают ущелью Бавлой-эрк удивительный и неповторимый вид. Хорошими строителями башен были и жители соседнего селения Никарой.

Во-вторых, прекрасными строителями башен считались жители Майсты. Они строили не только в горах Чечни, но и в Хевсуретии, Тушетии, Кахетии. Согласно преданию, записанному Ю.Дешериевым у бацбийцев (этническая группа чеченцев, живущих в Грузии), для строительства крепости в Тушетии были приглашены мастера-чеченцы.

По информации В.И.Марковина, известными строителями башен в Чечне были Беки из Харачоя, Тарам Тарханов из Никароя.

Подтверждением тому, что башенная архитектура вайнахов развивалась на сугубо местной почве, является и то, что, несмотря на сотни лет, прошедших со времен строительства башен, в чеченском языке сохранились названия всех частей и элементов древних архитектурных сооружений.

Утес в Майстинском ущелье

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

IV

ДРЕВНЯЯ АРХИТЕКТУРА ГОРНОЙ ЧЕЧНИ (боевые и жилые башни, некрополи и культовые сооружения) представляет собой уникальное явление в мировой культуре.

Благодаря тому, что именно здесь проходили кратчайшие пути сообщения между земледельческими цивилизациями древности и кочевым миром Восточной Европы, Кавказ стал местом пересечения культурных влияний различных цивилизаций. В материальной культуре, мифологии, языческих культах чеченцев сохранились черты, указывающие на их связи с древнейшими цивилизациями Европы, Передней Азии и Средиземноморья.

Еще более четко эти связи прослеживаются при углубленном исследовании средневековых чеченских языческих культов и мифологии, где постоянно обнаруживаются параллели с языческими богами и мифологическими героями великих цивилизаций древности. Большой интерес для ученых представляют петроглифы, магические знаки на каменных башнях и некрополях горной Чечни, которые часто имеют более древнее происхождение, чем сами башни. При строительстве башен часто использовались уже обработанные камни из более древних построек X–V веков до нашей эры. Петроглифы на таких камнях тщательно сохранялись и со временем почти без изменения переносились и на другие башни.

Боевая башня на склоне хребта Майсти

Арка дверного проема Хакмадойского святилища ▲
◀ Боевая башня в селении Гимрой. Фото И.Пальмина

На Кавказе именно у нахов (чеченцев и ингушей) башенная архитектура достигла наивысшего развития. Особенно это проявилось в архитектонике боевых башен, которые являются вершиной средневекового зодчества. Боевые башни строились с соблюдением зеркальной симметрии и пропорциональности всех частей постройки, в удивительной гармонии с окружающим ландшафтом.

Средневековая башенная архитектура в том виде, в каком она сохранилась до наших времен, зародилась первоначально именно на территории древнего расселения нахов, от Аргуна на востоке до Кубани на западе. Своего высшего расцвета она достигла также в междуречье Терека и Аргуна, в районах их более позднего проживания.

Когда-то башни существовали не только в горной Чечне, но и в предгорьях (в Ханкальском ущелье) и даже на равнине – на северных и восточных границах Чечни. Но начиная с XIV века, со времени монголо-татарского нашествия, чеченские башни подвергались систематическому уничтожению. Особенно пострадали они во время Кавказской войны, а также в 1944 году при депортации чеченцев. В это время были разрушены сотни башен.

Сильно пострадали памятники средневековой архитектуры и во время двух последних войн. Десятки башен были разрушены, подверглись обстрелу и получили сильные повреждения. В результате массированных бомбардировок процесс разрушения каменных построек, простоявших в горных ущельях тысячи лет, ускорился.

В горах Чечни, в верховьях рек Фортанга, Гехи, Аргун, Шаро-Аргун, у озер Кезеной и Галанчож сохранилось в различном виде около 150 башенных поселений, несколько сотен жилых и более двухсот боевых башен, а также десятки культовых сооружений, более сотни наземных склепов. Эти памятники датируются в основном XI–XVII веками.

Остатки каменных построек различных эпох в горной Чечне дают возможность проследить эволюцию нахских башен в течение, по крайней мере, трех тысячелетий. Как это видно по постройкам в селении Цеча-ахк, жилища и фортификационные сооружения нахов развивались от многокамерного дома с горизонтальной планировкой к однокамерной постройке с вертикальным планом. При этом эволюция чеченского жилища не была быстрой и единовременной, она протекала в течение многих веков. Об этом свидетельствуют промежуточные формы жилища, зафиксированные в поселении Цеча-ахк – двух- и трехэтажные двухкамерные жилища. Каждая камера представляет собой уже почти самостоятельную башню, имеющую свой опорный столб и арочные (дверные и оконные) проемы.

На эволюцию древнего вайнахского жилища влияли различные факторы. Важнейшими из них были: необходимость улучшения фортификационных свойств жилищ в связи с усилением внешней опасности, условия малоземелья, возникшие из-за массовой миграции в горы жителей равнин или алан, которые не хотели покоряться монголо-татарским ханам и Тимуру, и, возможно, религиозные верования.

Замок на левом берегу Меши-хи

Хаскалинская боевая башня

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

IV-1 ЖИЛЫЕ БАШНИ

В КЛАССИЧЕСКОМ ВИДЕ ЖИЛАЯ БАШНЯ – ГІАЛА, или дом-крепость, по всей видимости, начинает формироваться еще в позднеаланскую эпоху, то есть в X–XIII веках. Жилые башни этого периода от более ранних отличаются вертикальной планировкой, планами, близкими к квадрату, большим количеством этажей, увеличением числа дверных и оконных проемов, более тщательной обработкой и укладкой камня.

Классическая жилая башня – это массивное прямоугольное сооружение, суживающееся кверху, часто приближенное в плане к квадрату (обычные размеры: 8–10 х 8–12 м), в три-четыре этажа, с плоской земляной кровлей.

Сужение башни достигалось за счет утончения стен в верхней ее части, а также за счет наклона их вовнутрь. Толщина стен на различных постройках варьируется от 1,2–0,9 метра в нижней части до 0,7–0,5 метра в верхней.

Стены выкладывались из камней различных размеров (из каменных блоков или плит, в зависимости от характера местного материала), которые тщательно обрабатывались с наружной стороны, на известковом или известково-глинистом растворе с использованием битого камня, хотя изредка встречается и сухая кладка. В основании и нижней части башни использовались монолиты. Некоторые из них были внушительных размеров и могли весить несколько тонн.

В центре башни стоял опорный столб, также выложенный из хорошо обработанного камня. На нем держались балки перекрытий. Продольные балки укладывали на пилястры или угловые камни, на них клали более мелкие балки, а затем хворост, на который насыпали глину и утрамбовывали ее. Опорный столб назывался эрд-богlам и в более древние времена имел культовое значение. Интересно, что чеченцы долгое время сохраняли опорный столб в виде элемента конструкции жилища, так же как и его сакральный смысл.

Башни. Рис. С.Абаева ▲
Руины башен у селения Васеркел ▶

Дом-крепость в селении Бенийст

Чеченские жилые башни по основным параметрам не отличаются от ингушских и осетинских, но значительно превосходят их по размерам и количеству этажей.

Первые два нижних этажа предназначались для содержания скота. На первом этаже обычно держали крупный рогатый скот и лошадей. Кроме того, здесь же часть помещения отгораживалась для хранения зерна, иногда для этого выкапывалась специальная яма, стены и дно которой обкладывались камнями. Пол хлева у яслей был дощатый или выкладывался плитняком, для лошади устраивали специальный загон. На втором этаже содержали овец и коз, и туда имелся отдельный вход. Скот загоняли на второй этаж по специальному настилу, сколоченному из бревен.

Третий этаж (в трехэтажных башнях – второй) служил жилищем для семьи. Здесь хранилось имущество семьи: ковры, посуда, одежда, обитые жестью деревянные сундуки. В более ранние времена в башне не было никаких шкафов. Все вещи развешивались на металлических крючьях, нередко в специальных нишах в стене. Кроме того, у стен устанавливались деревянные полки для посуды. Обычно над постелью хозяина висело оружие. В военные времена это объяснялось необходимостью, затем стало просто традицией.

В центре помещения находился каменный очаг – кхерч, над которым висела надочажная цепь. Очаг имел несложное устройство и состоял из круглой каменной плиты, обложенной камнями разных размеров. Металлический треножник, на который устанавливался котел, назывался очакх. Дым выходил через оконные отверстия. Здесь семья обычно готовила пищу, устраивала трапезу, отдыхала. Позже очаг был заменен пристенным камином – товха. Но и место очага, и надочажная цепь оставались для чеченцев, как и для других народов Кавказа, священными. Очагом клялись, прикоснувшийся к надочажной цепи кровник должен был быть помилован. Кража, совершенная возле очага, воспринималась как смертельное оскорбление. В очаг нельзя было бросать сор. Когда хозяйка дома подметала пол, она должна была мести от очага, а не в его сторону. После окончания трапезы крошки хлеба со стола принято было бросать в горящий очаг. Это, по всей вероятности, является пережитком ритуала жертвоприношения. Ведь и древние греки приносили жертвы, сжигая на кострах кости и жир жертвенных животных, а очаг служил местом культовых обрядов еще со времен неолита. Возможно, именно культ очага послужил причиной появления древнейших алтарей и храмов. Древние люди начали возводить отдельные очаги для религиозных ритуалов внутри жилища, затем вынесли их за пределы жилища, воздвигая вокруг каменные ограждения, а со временем стали строить над ними храмы.

Женщина, мать семейства, считалась хранительницей очага и пользовалась большим уважением со стороны других членов семьи и гостей. С очагом были связаны многие религиозные праздники, в том числе и Новый год.

Новый год у чеченцев начинался 25 декабря. В начале этого праздника очаг топили не хворостом и дровами, как обычно, а целым стволом дерева (чаще всего дуба). Это дерево называлось гула. Его нужно было срубить через два дня после того, как зажигали ритуальный общественный костер в связи с наступле-

Селение Хаскали. Жилая башня

нием Нового года. В дом дерево вносили и укладывали кроной вперед, а его основание оставалось на улице. Время, когда ствол дерева сгорал настолько, что можно было закрыть дверь, считалось священным. В этот дом собирались все соседи и праздновали Новый год – пели, танцевали, поздравляли друг друга. В связи с этим праздником у многих исследователей сложилось мнение о том, что таким образом в Чечне и других районах Кавказа топили очаг постоянно. И этот миф из дореволюционных исследований перекочевал в работы современных этнографов. На самом же деле речь идет только о нескольких днях Нового года.

Семья обычно принимала пищу совместно, недалеко от камина, за невысоким треногим столиком. Если в семье были молодожены, то они ели отдельно. Если в доме находился гость, то в первую очередь угощали его, в трапезе с ним принимал участие лишь хозяин дома. Если в гостях была женщина, то с ней делила пищу хозяйка.

Спали на широких деревянных или каменных топчанах, устланных расшитым войлоком, часть членов семьи спала прямо на полу, на матрасах из овечьей шерсти, укрываясь бурками и тулупами. Зажиточные семьи имели богатую, расшитую узорами шелковую постель, которая днем складывалась в дальнем углу помещения. Процесс укладки постели был почти ритуалом, и хозяйка дома должна была знать правила и последовательность ее свертывания.

На последнем этаже хранился инвентарь и запасы продуктов. Здесь укладывали гостей и молодоженов. Его также использовали как боевой в случае, если жилая башня держала оборону. В этих же целях в случае военной опасности использовалась и плоская кровля, на которой ставился котел со смолой и заготавливались камни. При осаде башни их сбрасывали на врага. Кровля строилась из толстых бревен, которые укладывали вплотную друг к другу. Сверху укладывали хворост, затем насыпали глину, которую тщательно утрамбовывали. Иногда стены верхнего этажа возвышались над кровлей, образуя парапет. Это значительно усиливало боевые возможности защитников башни, которые вели бой с кровли.

В Майсте в отличие от других районов Чечни кровли жилых башен делали скатными, из крупных каменных плит.

В теплое время года плоская кровля использовалась для хозяйственных нужд: здесь сушили снопы, зерно мололи и веяли. Летом семья здесь обедала и проводила досуг.

Сообщение между этажами осуществлялось через лазы, к которым приставлялись специальные бревна с зарубками или деревянные лестницы. Каждый этаж, кроме последнего, обязательно имел свою дверь. Дверные и оконные проемы чаще всего выполнялись в виде закругленных арок из крупных монолитов. Арки были фигурные, на более древних башнях они еще примитивны и грубо обработаны, на башнях XV–XVII века они приобретают законченный, классический вид, хотя могло быть и наоборот. Например, каменная арка-монолит в дверном проеме второго этажа жилой башни в селении Химой с петроглифами в виде арийской свастики хорошо обработана и имеет тщательную отделку в отличие от арки в дверном проеме первого этажа,

Жилая башня в селении Химой ▲
◀ Селение Химой. Руины жилой башни на берегу Шаро-Аргуна

который был пробит только в XIX веке. С боковых сторон проема делали глубокие ниши для засова, на который запиралась дверь. Она изготавливалась из толстых дубовых досок. Изнутри дверные проемы расширялись, образуя стрельчатые арки. Окна были очень маленькими, на верхних этажах они могли служить и бойницами. В зимнее время, а также ночью окна закрывались деревянными ставнями или каменными плитами, в летнее время затягивались прозрачной пленкой органического происхождения, то есть изготовленной из внутренностей животных.

Если башня была трехэтажной, то под хлев отводился только первый этаж.

Чеченская трехэтажная жилая башня была описана русским исследователем К.Ганом, в начале XX века посетившим горную Чечню: «Самый дом Цотеша, расположенный над глубоким оврагом, представляет из себя громадную четырехугольную башню в три этажа, с некоторыми пристройками. Она построена из громадных глыб шифера сухой кладкой. Пройдя большой мощеный двор, окруженный высокой стеной, мы через низенькую дверь вступили в нижний этаж; это темное помещение без света, где помещается скот. Карабкаясь в темноте по узенькой каменной лестнице, мы скоро очутились во втором этаже, где живут женщины. Хотя комнаты эти содержатся чище, чем у хевсур, но они также довольно темны и потолки сильно закопчены дымом. На стенах стоят или висят большие медные и оловянные тазы, тут же помещаются большие сундуки с богатой резьбой. Пол земляной; комната плохо освещается немногими маленькими отверстиями в стене. Плохо приставленная лестница ведет в верхний этаж, в жилище хозяина, где помещается брачное ложе. Тут стены увешаны разного рода оружием и праздничной одеждой хозяина и его семьи. Перед комнатой плоская крыша образует что-то вроде тока, окаймленного низенькой стеной. С этого высокого балкона представляется чудный вид в долину, на аул и гордый замок предков Цотеша, у подножия которого стекают два горных потока, Веги-чу и Туркал, а там, вдали, у истоков Веги-чу, белеют снежные вершины Веги-лам».

Обычно чеченские жилые башни были четырех- или трехэтажными, но в селении Никарой сохранилась шестиэтажная жилая башня.

Жилая башня была собственностью одной семьи. В процессе сегментации семьи в башне с родителями в конце концов мог остаться только младший сын. При этом вновь образовавшаяся семья не могла жить в одном помещении с родителями. Она переселялась на верхний этаж или в этом же помещении для них отгораживалась специальная камера с отдельным очагом. Утверждения исследователей, в том числе и дореволюционных, о том, что в одной башне могли жить несколько семей, не имеют под собой никакой почвы. Достигшие совершеннолетия сыновья и дочери не могли спать в одном помещении с родителями, тем более создав свои семьи.

При строительстве башни началу всех работ предшествовало магическое действо. Сначала с помощью домашне-

Петроглифы на камнях жилой башни в селении Химой

го животного проверяли, насколько место, выбранное для возведения башни, является «чистым». Для этого пригоняли к месту строительства домашнее животное, к примеру быка, и если он вечером укладывался на этом месте, то оно считалось «чистым». Или же на ночь укладывали спать здесь хозяина, и,если он видел благоприятный сон, это тоже считалось хорошим знамением.

Затем приносили в жертву животное, чаще всего овцу (хотя зажиточные семьи могли принести в жертву и быка). Кровью жертвенного животного окропляли основание, затем произносили молитву, и уважаемый в селении человек (в языческие времена это мог быть жрец, а позже мулла или старейшина), обладавший, по мнению односельчан, «счастливой» рукой, прикасался к укладываемому в основание первому камню и благословлял начало работ.

Жилые башни возводились обычно без фундамента, на скальных массивах. Если в месте строительства не было выходов скальных пород на поверхность, то обычно снимали верхний слой грунта, и нижняя часть башни оказывалась углубленной в землю. Там, где почва была глинистой, ее поливали молоком или водой и снимали грунт до тех пор, пока жидкость не переставала просачиваться в землю. Согласно полевым материалам, собранным В.П.Кобычевым в Ичкерии, то есть в Восточной Чечне, местные жители «зарывали в землю на несколько дней глиняный кувшинчик, наполненный водой и наглухо запечатанный сверху воском. Если при проверке оказывалось, что вода в сосуде убыла, место забраковывали».

В основание башни укладывали огромные камни, которые могли достигать двух метров в длину и в высоту превышали рост человека. Передвигали и укладывали такие камни с помощью приспособления типа ворота, а на большие расстояния перетаскивали на специальных настилах с помощью волов.

Стены башни (изредка углы) ориентировались по странам света. На камни с внешней стороны часто наносились петроглифы, магические знаки, которые должны были оберегать башню от злых духов, от опасности. Кроме того, на стенах выбивали фамильные знаки, которые свидетельствовали о древности и знатности фамилии. При строительстве новой башни в ее стены укладывались камни с петроглифами из стен старой. Поэтому камни с петроглифами нередко отличаются от основного материала по характеру обработки и даже по цвету. Особенно это бросается в глаза на жилой башне Васеркел в западной части селения, которая возвышается на высоком крутом обрыве над речкой Майстойн-эрк. На ее южной стене сохранилась пиктографическая надпись. Камни, на которые нанесены знаки, светловатого оттенка и отличаются от других камней кладки тщательной отделкой и даже полировкой, они, несомненно, более древнего происхождения, чем сама башня.

Традиции ритуального использования каких-либо элементов старого жилища в новом строении остались у чеченцев до сих пор. Когда чеченец строит дом, разбирая старый, он всегда укладывает в фундамент нового дома хотя бы камень или кирпич с сакральным смыслом из разбираемого строения, для того чтобы перенести оттуда и благодать.

Полубоевая башня в селении Ца-кале

Руины жилой башни на склоне горы Коре-лам ▲
◀ Ущелье реки Майстойн-эрк

Жилые башни строились обычно на возвышенных местах, неподалеку от источника воды. Это могли быть речка, ручей или родник. Нередко к башне подводили потайной водопровод, что было немаловажно в условиях военной опасности. Так, например, сохранилась легенда об осаде башенного комплекса на горе Бекхайла в Аргунском ущелье. Комплекс был, по сути дела, маленькой крепостью и состоял из трех боевых и одной жилой башен, которые были обнесены высокой каменной стеной. Так как он был построен на высоком обрывистом утесе, был почти неприступен. К тому же защитники крепости не знали проблем с питьевой водой: она поступала в укрепление по подземным каменным желобам. И поэтому враги в течение долгого времени не могли взять. Но позже кто-то из местных жителей, находившихся во вражде с защитниками башни, посоветовал осаждавшим накормить животных солью и пустить к башне. Животные, мучимые страшной жаждой, почувствовали под землей воду и стали рыть копытами в том месте, где проходил подземный водопровод. Враги нашли водопровод и уничтожили его. Защитники вынуждены были ночью через подземный выход покинуть крепость.

В отличие от специальных фортификационных сооружений, тех же боевых башен, основной функцией дома-крепости была функция жилища. Оборонительная функция была второстепенной. Но при этом, учитывая опасности, которые подстерегали жителей гор во времена Средневековья, владельцы жилых башен старались максимально использовать их оборонительные возможности. Во-первых, в экстерьере башни практически не использовалось дерево, чтобы башню нельзя было поджечь снаружи. Во-вторых, верхний этаж всегда был оборонительным. Этажи, расположенные над первым, хозяйственным, всегда были выше, что, кроме всего прочего, усиливало убойную силу стрел и камней защитников и делало их практически недосягаемыми для нападавших. Машикули всегда устраивали над дверным проемом, для того чтобы исключить возможность приближения к двери противника с целью поджога. Дверной проем был всегда довольно узким и низким. Он обычно располагался с более недоступной стороны, что значительно усложняло применение стенобитного орудия. Кроме того, с внешней стороны дверной проем был значительно уже, чем с внутренней, и тем самым прикрывал края двери.

Очень часто устраивали потайной подземный выход из башни, по которому защитники при необходимости могли выйти в относительно безопасном для себя месте.

Башенное селение Химой. XVI—XVIII вв.

Селение Туга

Жилая башня у селения Кокадой

Руины башен средневековой крепости Васеркел

Жилая башня в Терлое. Фото Э.Мамакаева

Жилые башни в Ца-кале

Опорный столб Хаскалинской жилой башни

Жилая башня в селении Химой

Оконный проем жилой башни в селении Хаскали

Руины средневековых построек в Майсте

Жилая башня Шулкаг

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

IV-2

"ПОЛУБОЕВЫЕ" БАШНИ

СО ВРЕМЕНЕМ, ПО ВСЕЙ ВИДИМОСТИ, С УВЕЛИЧЕНИЕМ ВНЕШНЕЙ ОПАСНОСТИ в XIII–XIV веках, в некоторых районах горной Чечни усиливались фортификационные свойства жилых башен. Они стали выше, увеличилось количество этажей, план стал ближе к квадрату. На верхних этажах появились машикули, которые располагались обязательно над дверным проемом. Кроме того, башни этого типа отличались высоким уровнем кладки стен, тщательностью обработки камня. Башня не имела опорного столба в отличие от классической жилой башни. Археологом С.Умаровым была описана подобная башня в селении Баулой. Она была пятиэтажной. Каждый этаж, кроме пятого, имел дверной проем с восточной стороны. Восточная и западная сторона были защищены машикулями. Первый и второй этажи предназначались для содержания скота, третий и четвертый были жилыми, а пятый – оборонительным. Непременным атрибутом был парапет, который давал дополнительные преимущества защитникам башни при ее обороне с кровли. Башни этого типа сохранились в селениях Никарой, Баулой, Хайбах, Ца-кале, Цеча-аxк.

Известный археолог В.И.Марковин назвал этот тип вайнахских башен полубоевым. При этом он считал, что полубоевые башни являются переходным типом в эволюции от дома-крепости к боевой башне. Вряд ли с этим можно согласиться, учитывая, что боевые башни появились в качестве элемента фортификации в древнейших цитаделях намного раньше, чем жилые башни или дома-крепости. Еще более древними являются сторожевые и сигнальные башни.

Полубоевые башни были синкретическим типом, который сочетал в себе свойства и жилой, и боевой башни. В тяжелых экономических условиях гор это было вполне рационально, так как избавляло хозяина от необходимости строить специальную боевую башню, требующую огромных расходов. Но при всех достоинствах полубоевая башня не получила широкого распространения в горах Чечни. Это, вероятно, связано с тем, что к этому времени здесь широкое распространение получают башенные комплексы и замки, которые при всех других преимуществах давали возможность их владельцам укрыть от врага и весь свой скот.

Полубоевая башня в селении Ца-кале ▶

Жилая башня на горе Мизир-корт. Фото И.Пальмина

Полубоевая башня в селении Никарой. Фото И.Пальмина

Башенное селение Никарой. Фото И.Пальмина

Полубоевые башни в Терлойском ущелье. Фото И.Пальмина

Селение Ца-кале. Полубоевые башни

Средневековая крепость Васеркел

Полубоевая башня в селении Никарой. Фото И.Пальмина

Теснины Аргунского ущелья ▶

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЛОЙ БАШНИ

IV-3

СО ВРЕМЕНЕМ УМЕНЬШАЕТСЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СВОЙСТВАХ жилой башни, что объясняется, с одной стороны, ослаблением внешней военной угрозы, с другой стороны, вновь появившейся традицией пристраивать к жилой башне специальную боевую башню. Это приводит к упрощению жилой башни и утрате оборонительных конструкций: оборонительного этажа, машикулей, увеличивается число оконных и дверных проемов. Число этажей уменьшается до двух-трех, появляются хозяйственные пристройки. Увеличивается число камер на каждом ярусе, появляется тенденция к горизонтальной планировке.

К этому типу можно отнести жилую башню, которая стоит к северо-западу от селения Итум-кале, на левом берегу небольшой речки Кокадой-ахк, впадающей в Аргун, на невысоком мысу.

Башня выложена из хорошо обработанных каменных блоков различной величины, большей частью довольно крупных. Башня прямоугольная в плане, ориентирована стенами по странам света. Размеры ее: 7,6 х 6,8 метра, высота – около 7 метров.

Башня, по всей видимости, была трехэтажной, но сохранились только два этажа. Она заметно суживается кверху. Западная стена, которая является фасадом, имеет два дверных проема: на первом и втором этажах. Дверные проемы в виде закругленных арок сложены из крупных каменных монолитов, арки фигурные (подобные встречаются на многих чеченских башнях, и на жилых, и на боевых). Дверной проем на первом этаже (1,3 х 1 м) выполнен из более крупных монолитов. С боковых сторон проема есть глубокие ниши для засова, на который запиралась дверь. Дверной проем на втором этаже сделан не прямо над первым, а справа. Изнутри дверные проемы расширяются, образуя стрельчатые арки. В нижнем углу справа – петроглиф в виде двойной спирали. Слева от входа на втором этаже небольшое окно с округленной аркой, выполненной из монолита.

Южная стена имеет лишь одно окно на уровне второго этажа. Восточная стена – сплошная. С северной стороны имеется лишь небольшое окно с аркой. Изнутри оно также расширяется, образуя стрельчатую арку. С внутренней стороны в стене много ниш для хозяйственных нужд.

Внутри башни наполовину сохранился опорный столб, сложенный тщательно из хорошо обработанных камней. Каждый этаж башни, как это видно по остаткам конструкций, разделялся на камеры.

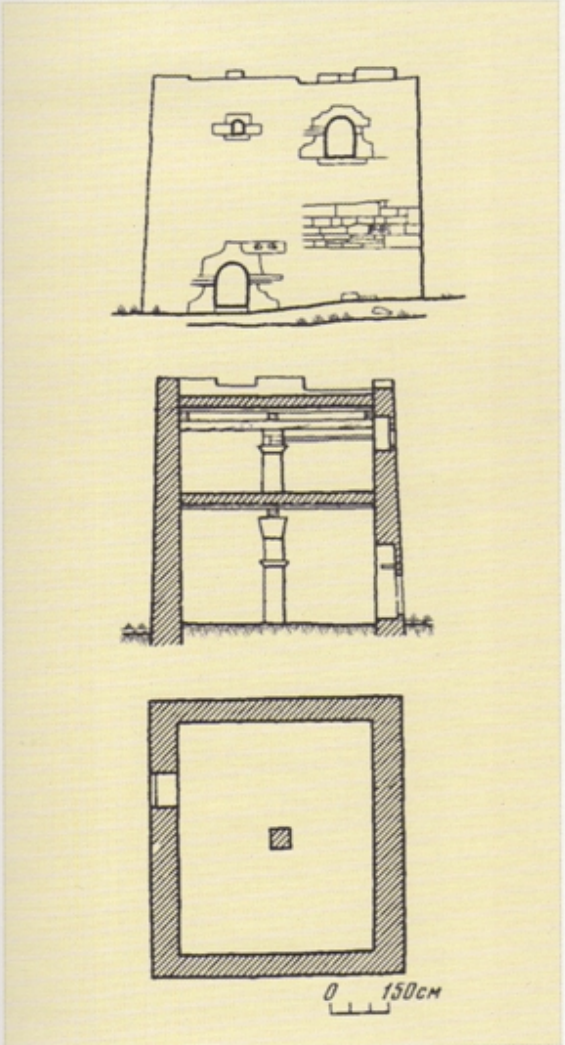
Такие башни имели широкое распространение в юго-восточных и центральных районах горной Чечни.

Постепенно жилая башня подобного типа трансформируется в обычный двухэтажный каменный дом, который описал К.Ган в 1901 году: «Дом достаточного чеченца построен обыкновенно из известняка в два этажа под плоской крышей. В нижнем этаже помещаются хлев и кухня. К верхнему этажу, отступающему на сажень назад, снаружи ведет каменная лестница. Этаж делится на четыре помещения, из которых первое, у входа, самое большое, имеет шагов 12 в ширину и 20 в длину. Тут стоят несколько деревянных кроватей и высокие кадки, выдолбленные из цельного дерева, диа-

метром в два-три фута, где хранятся пшеница и кукуруза; тут же стоят громадные мешки, набитые шерстью. Налево от этого помещения – гостиная, или кунацкая, с двумя кроватями, несколькими сундуками и полками на одной стене; на другой висит разного рода оружие; пол тут, как и во всех комнатах, земляной, но здесь он покрыт коврами. К кунацкой примыкает маленькое помещение для хозяйственных принадлежностей.

За всеми этими комнатами расположена громадная кладовая, таких же размеров, как и входная комната. Тут опять стоят кровать и громадные сундуки грубой плотницкой работы, сколоченные когда-то пленными русскими солдатами, несколько больших чанов, наполненных чеченским сыром, две-три высоких кадки с кукурузой. К стенам прикреплены тазы, тарелки и посуда разной величины, а к потолку на больших деревянных крючках привешены слегка прокопченные курдюки и надхребетные части хорошо выкормленных баранов».

Кроме того, в более поздние времена жилые башни часто перестраивались в обычные дома со скатной кровлей. Подобный дом, перестроенный из жилой башни, сохранился в селении Ушкалой на правом берегу Аргуна.



План жилой башни у селения Кокадой. Чертеж Э. Химина, 1960 год

Башня, перестроенная в жилой дом в селении Ушкалой

Жилая башня на берегу реки Майстойн-эрк

Жилая башня, перестроенная в дом, в Хачаройском ущелье ▲
Руины боевой башни в ущелье Майсто ▶

Жилые башни на склоне горы Коре-лам

Жилая башня на горе Титча-Дук

Зимний пейзаж

Селение Зенгали

Жилая башня в селении Хелды

Руины жилых башен в ущелье Майста

Переправа через Аргун

Боевая башня Гучан-кале

БАШНИ, ВСТРОЕННЫЕ В СКАЛЬНЫЕ НИШИ

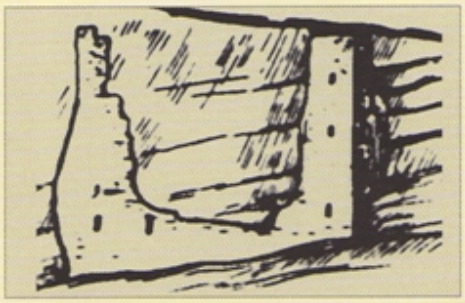
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

IV-4

ВСТРОЕННЫЕ В СКАЛЬНЫЕ НИШИ БАШНИ ТИПОЛОГИЧЕСКИ ОТНОСЯТСЯ к древнейшему виду построек, в которых соединены жилая и оборонительная функции. Жилища подобного типа человек начинает строить еще со времен палеолита, закладывая камнями скальные пещеры и гроты.

В горной Чечне подобные постройки располагались в скальных массивах, на крутых каменистых берегах рек, иногда на очень большой высоте. Расщелины в скалах или горные пещеры закладывали с наружной стороны камнями, устраивая дверной и оконные проемы, бойницы и смотровые щели– как в обычной башне. Чаще всего такие башни имели одну стену (Нихалойская, Моцаройская) или три (Ушкалойская, Башинкалинская).

Одна из таких башен в устье реки Гехи была описана в свое время русским археологом Ф.Миллером: «К замку ведет узкая, частью высеченная в скале карнизом тропа, кое-где обрывающаяся и замененная деревянными мостками. Тропа ведет к низким, скорее похожим на окно, воротам, находящимся в остатках стены. Ворота ведут в небольшой двор, расположенный на естественном выступе, образуемом утесом. Двор со всех сторон обнесен стеною, частью обрушившейся. Налево параллельно с от-



Башни : Нихалой, Моцарой, Хевхарой

весным утесом внутри двора тянется стена, образующая жилище, которому левой стеной служит скала. Выше виднеются остатки двух башен, прикрепленных к навесу, образуемому утесом. На значительном пространстве скала покрыта копотью, свидетельствующей о том, что некогда в этой ужасной твердыне жили люди. Но поразительное впечатление производит небольшой балкон, сохранившийся каким-то чудом на страшной высоте. Некогда, когда замок возвышался во всем своем суровом величии, к балкону вела лестница, которая обрушилась с крутизны вниз, как и стены башен. В настоящее время балкон висит одиноким свидетелем прошлого и нет к нему никакого доступа. Держится он на массивных деревянных брусьях, выступающих на сажен из скалы».

Башня, встроенная в скалу, есть и у селения Моцарой, в Нашхе. Она состоит из одной наружной стены, которая имеет 12 метров в длину и около 10 метров в высоту, а также дверные и оконные проемы и бойницы. По преданию, здесь жили люди, которые укрывались от кровной мести. На самом же деле уже давно никто не помнит, кто, когда и для чего построил эту башню, хотя по месту расположения она вполне могла быть сигнальной, в более поздние времена стала использоваться как убежище.

Башня, встроенная в выемку скалы, стоит и у селения Ушкалой на правом берегу реки Аргун. Она имеет три стены, четвертой стеной башни является скала. Сложена из хорошо обработанных камней на известковом растворе. Кровлей башне служит каменный козырек скалы.

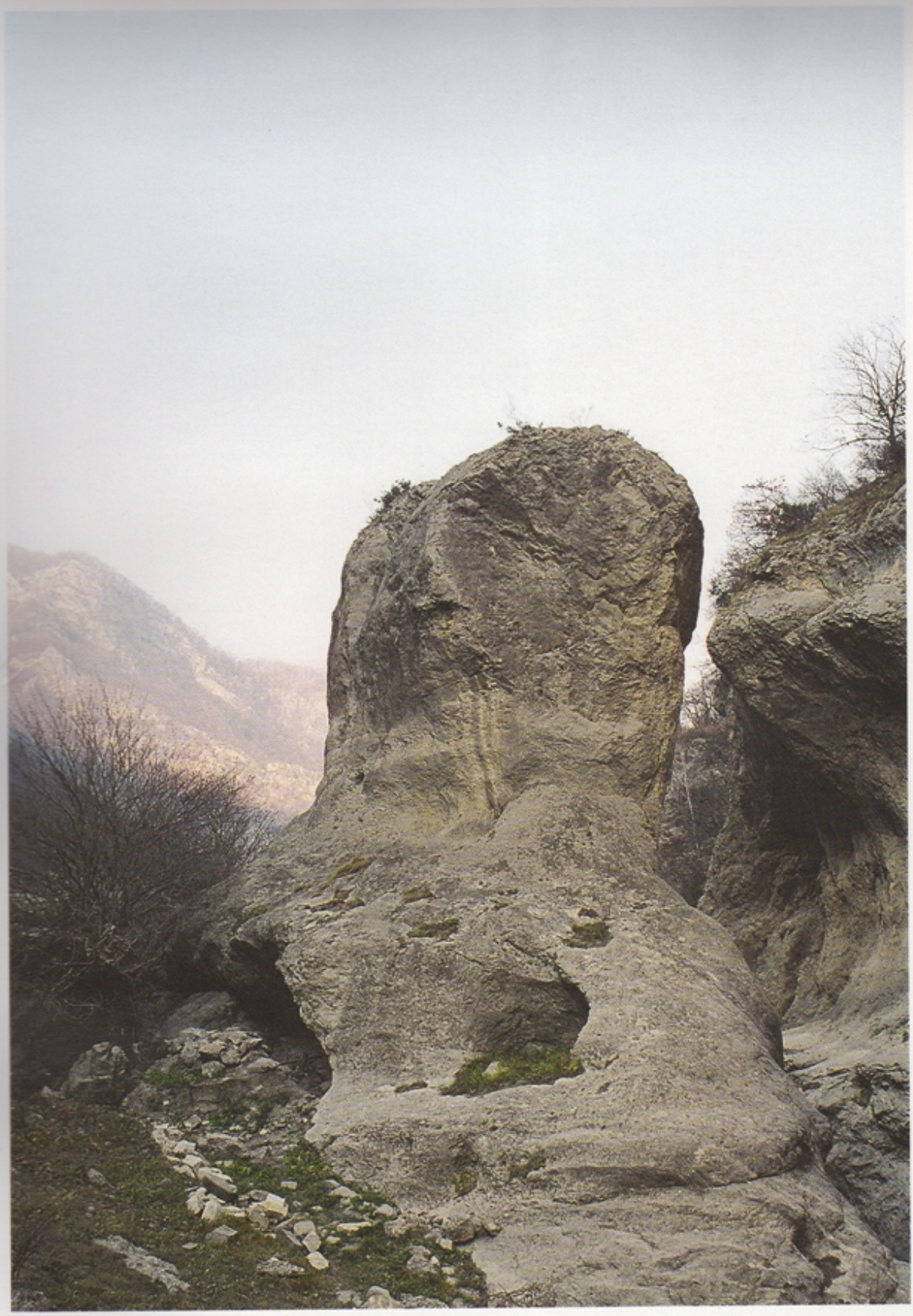
Северная и южная стены башни выложены по рельефу скалы, к которой они примыкают. Дверной проем выполнен в виде округлой арки, выложенной из камней. Чуть выше его – бойница. В самой верхней части стены – небольшой оконный проем. Западная стена – сплошная, имеет только пять бойниц. Она слегка суживается кверху. Южная стена имеет пять бойниц на разных уровнях. В верхней части сохранились остатки машикулей в виде каменных консолей. У самого верха стены – оконный проем.

Сохранились различные легенды, связанные с историей создания этой башни, но в основном они не имеют ничего общего с действительностью.

Убежищами встроенные башни были названы учеными, так как предполагалось, что в них укрывались в случае внезапной военной опасности местные жители, пастухи, случайные путники. На самом же деле многие из таких башен были не убежищами, а обычными сторожевыми или сигнальными башнями. Сторожевыми были ушкалойские башни, которые прикрывали каменный мост через Аргун и дорогу, идущую вдоль берега. Сигнальными были Нихалойская и Башинкалинская башни. Это подтверждается не только фольклорными материалами и их расположением, но и тем, что у Башинкалинской башни есть визуальная связь с Гучанкалинской и Нихалойской.

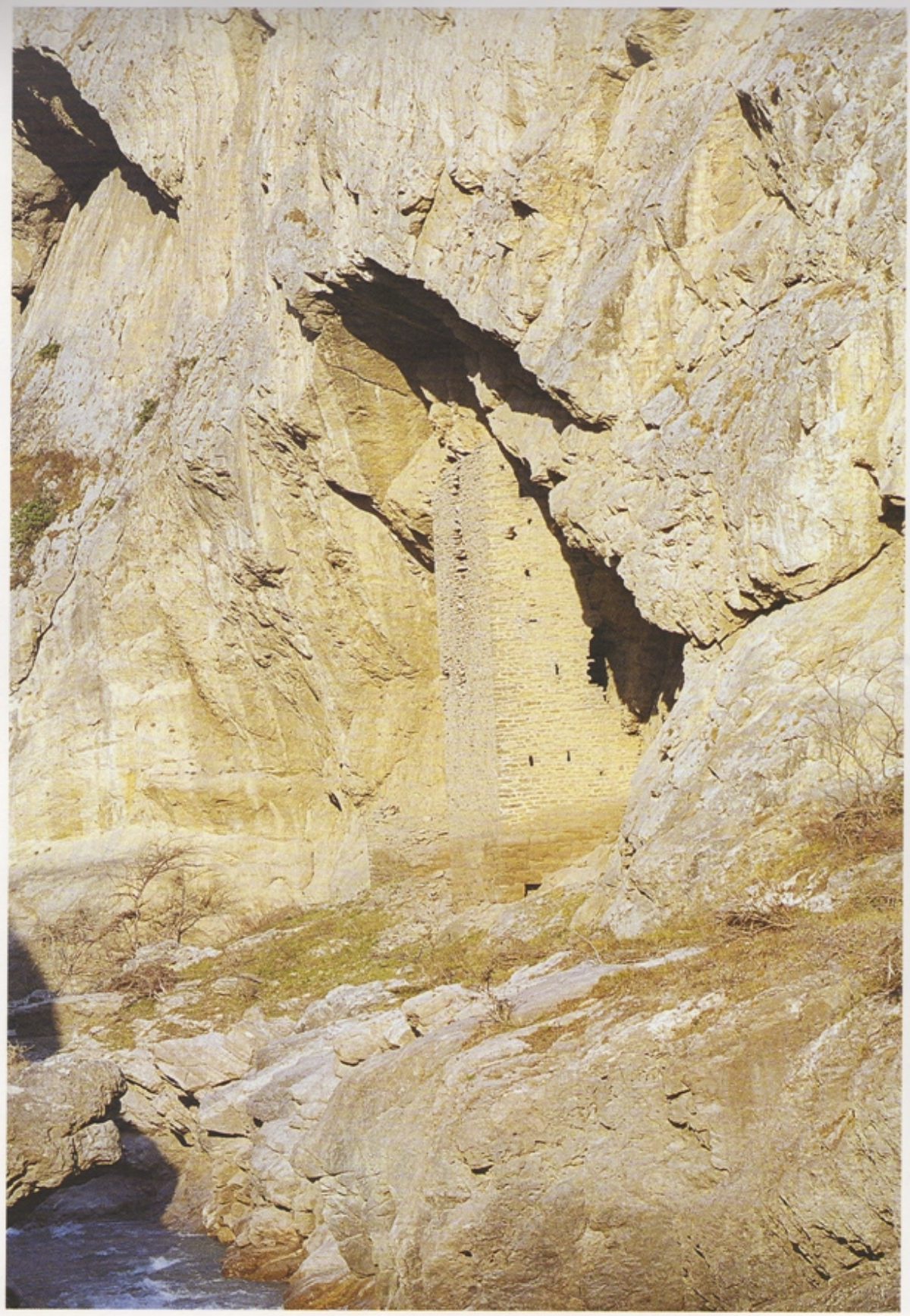
Скальных построек башенного типа в горной Чечне сравнительно много (Ушкалой, Нихалой, Башинкале, Итиркале, Девнечу, Хайха, Дока-Бух) в отличие от других регионов Кавказа (за исключением Осетии, там исследователями отмечено несколько таких построек). Традиции возведения скальных башенных построек были сильны в Крыму, где также имеются следы нахского субстрата. Скальные склеповые сооружения в этом регионе связываются с появлением алан.

Сторожевая башня у селения Ушкалой



Камень «Голова нарта» в Аргунском ущелье ▲
◀ Мост через Аргун

Сигнальная башня у селения Нихалой



Башня, встроенная в скальную нишу, в Аргунском ущелье

Сигнальная башня у селения Башин-кале

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЖИЛЫХ БАШЕН

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

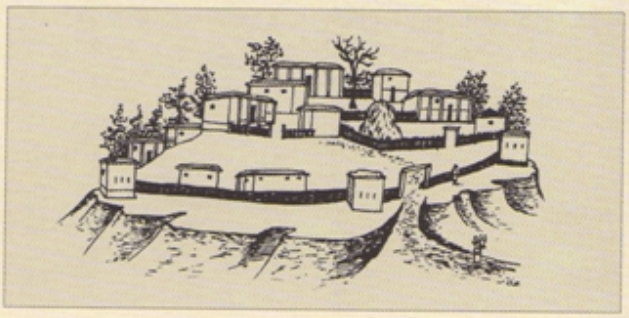
IV-5

ЖИЛЫЕ БАШНИ БЫЛИ РАСПРОСТРАНЕНЫ В ГОРНЫХ РАЙОНАХ ЧЕЧНИ, Ингушетии и Северной Осетии. В меньшем количестве они встречаются в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Кроме того, жилые башни в качестве жилищ были характерны для северных районов Грузии, граничащих с Чечней: Хевсуретии, Тушетии и западнее для Мтиулети, Хеви и Сванетии.

В Чечне башня в качестве жилища была характерна почти для всей горной полосы, за исключением Ичкерии, ее самой восточной части, граничащей с Дагестаном. Это, вероятно, объясняется дефицитом строительного материала – камня. Ичкерия и Чеберлой были районами, которые чеченцы заселили сравнительно поздно (по крайней мере, после ухода оттуда войск Тимура), при их миграции с запада на восток. До их появления в этих местах, согласно фольклорным источникам, жили орстхойцы (этническая группа чеченцев), о строительных традициях которых в этом регионе ничего не известно. Хотя, по преданию, они тоже жили в башнях, и строительство легендарной башни Навруз-гала приписывается им.

В Чеберлое жилые и боевые башни имели широкое распространение почти во всех районах. На границе с Дагестаном боевые башни и укрепления (Хой, Кезеной, Харкарой) были построены правителем, который был послан туда из Нашха. Множество башен, жилых и боевых, в Чеберлое было разрушено во время Кавказской войны. В течение сравнительно короткого периода времени здесь было несколько крупных восстаний и против Шамиля, и против российских войск. Все эти восстания были жестоко подавлены, а селения, жители которых принимали в них участие, разрушены. С особым рвением и воины имама, и российские солдаты уничтожали башни. Их руины до сих пор можно видеть во многих, уже опустевших селениях Чеберлоя и соседних районов.

Башенными, то есть состоящими из одних боевых и жилых башен, были почти все селения в горной Чечне к западу от реки Шаро-Аргун: в Шарое, Майсте, Мелхисте, Терлой-мохке, Нашхе, Акки, в ущелье Тазбичи, Аргунском ущелье, в ущелье реки Фортанга.



Чеченское селение. Рисунок 30-х годов XIX в.

Селение Хаскали

Башенное селение Шарой

Селение Туга

Моцаройская башня

Рассвет в ущелье Шаро-Аргуна

Дверной проем жилой башни в селении Кокадой

Жилая башня в селении Кезеной. Фото И.Пальмина

Руины средневековых построек в ущелье Хачарой

Руины жилых башен в Хаскали

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

БОЕВЫЕ БАШНИ IV-6

НАИВЫСШЕГО РАСЦВЕТА АРХИТЕКТУРА ЧЕЧЕНЦЕВ достигла в специальных оборонительных сооружениях – боевых башнях. До нашего времени в горной Чечне в различном виде сохранилось более 200 боевых башен, и это несмотря на то, что чеченские башни подвергались регулярному уничтожению с самого начала Кавказской войны.

В научной литературе сложилось мнение о том, что боевые башни являются результатом эволюции жилых башен (В.И.Марковин, С.Умаров), а так называемые полубоевые башни – промежуточным звеном этой эволюции.

Но нет никаких оснований считать жилые башни более архаичными, чем боевые. И те и другие восходят своими корнями к циклопическим постройкам, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы. К тому же нужно учитывать, что впервые боевые башни должны были появиться в качестве укреплений стен цитаделей, по крайней мере, еще во II тысячелетии до нашей эры. Такие крепости, правда, более позднего времени, состоящие из мощных стен в форме прямоугольника или треугольника, по углам которого располагаются боевые башни, сохранились во многих районах Чечни, в том числе в верховьях Аргуна, на горе Бекхайла, в Мелхисте, в селении Коратах, в ущелье Терлой-аxк и других местах. Это может быть подтверждением, что боевые башни на Кавказе, как и в других районах мира, появляются первоначально как элемент цитадели, то есть как вспомогательные сооружения.

Еще более древними являются сигнальные и сторожевые башни. По всей видимости, первоначально для передачи сигналов с различной информацией, и прежде всего о военной опасности, использовались возвышенные места или верхушки деревьев, затем начали строить деревянные вышки и башни, и конечным результатом этой эволюции стала каменная башня.

Разница между сигнальными и сторожевыми башнями в научной литературе не обозначена.

Но, вероятно, сторожевые башни включают в себя и сторожевые в узком смысле слова, и сигнальные. Сторожевые в узком смысле башни строились у мостов, возле дорог, в тесных проходах в ущельях в целях их охраны (в мирное время они выполняли функцию таможни), но при этом они не использовались для передачи сигналов. Сигнальные же башни строились специально для передачи сигналов о военной опасности и должны были всегда иметь визуальную связь между собой. Они всегда являлись частью системы, объединяющей большие территории. Однако сигнальные башни в большинстве случаев были боевыми, хотя иногда их функции могли выполнять и башни, встроенные в скалы и пещеры (Башинкалинская, Нихалойская), которые ошибочно были определены исследователями как башни-убежища. Сторожевые башни почти всегда были боевыми и очень редко

Моцаройский замок. Фото И.Пальмина

одиночными, а состояли из двух или более боевых башен, образуя комплекс.

Здесь можно задать вполне закономерный вопрос: зачем строить для передачи сигналов каменные башни, требующие огромных материальных затрат? Это, вероятнее всего, связано с тем, что после передачи сигнала дозорные, которые несли караульную службу в башне, чаще всего не могли, быстро покинув ее, примкнуть к основному войску. Поэтому они должны были иметь возможность обороняться. К тому же башни строились в стратегически важных в военном отношении местах, и их оборона отвлекала часть вражеских сил. Упоминания об осаде башен в ущельях Чечни есть в хрониках летописцев Тимура. Если же была возможность построить сигнальную башню, используя рельеф местности (Башинкалинская, Нихалойская башни), в выемках скал, на вершине или у подножия утеса, то специальную боевую башню не строили.

Таким образом, если говорить о генезисе боевых башен на Кавказе, то можно это представить следующей схемой: боевая башня сигнальная – боевая башня как элемент цитадели – боевая башня как одиночная сторожевая – боевая башня как часть башенного комплекса. Последний тип оборонительной башни при жилом комплексе появляется только в Позднем Средневековье, вероятнее всего, в XV веке, и связан с возрастающей социальной дифференциацией населения Чечни того времени.

Оборонительная башня называлась «бloув». Несомненно, этот термин может быть связан и с междометием «бloув», обозначающим вызов к битве, угрозу, но более со словом «бlo» – дозор, которое впоследствии приобрело более широкое значение, «войско». Оно же, в свою очередь, имеет отношение к еще более древнему чеченскому слову «бlан» – смотреть, видеть, откуда «бlаьрг» – глаз. Этимология его связана с первичной, древнейшей функцией боевой башни – сторожевой, сигнальной.

Поэтому, если и можно говорить о том, что боевая башня более позднего происхождения по сравнению с жилой, то только имея в виду ее как фортификационный элемент комплекса. К тому времени, когда в горах Чечни и Ингушетии появляются башенные комплексы (сочетание боевой и жилой башен) и замки, боевая башня приобретает классические, завершенные формы. Большинство построек этого типа имеет пирамидально-ступенчатую кровлю, сложено на известковом растворе и отличается высоким уровнем строительной техники.

Боевая башня представляет собой квадратное в плане сооружение (классическая форма: 5 х 5 м), воздвигнутое из обработанного камня на известковом или песчано-известковом растворе, с сужением кверху (под углом 4–6) и высотой до 20—25 метров.

Типичным сооружением подобного рода является боевая башня Гучан-кале, расположенная на правом

Боевая башня в ущелье Майста

берегу реки Аргун, на высоком скалистом мысе, который образует небольшая речка Гучан-Арк, впадающая в Аргун.

Башня, четырехугольная в плане, заметно суживается кверху. Углами она ориентирована по сторонам света. Размеры башни: 5 х 5 метров, высота – 18 метров. Толщина стен в нижней части – около одного метра. Башня выстроена из тщательно подобранных, а в некоторых случаях обработанных камней разной величины, на известковом растворе. Она имеет фундамент, выложенный из крупных камней. Башня – пятиэтажная, у самого верха имеет балкончики для стрельбы – машикули, при этом машикули у фасада и задней стены уже, они крепятся на двух каменных подпорках, а в боковых стенах – шире, на трех подпорках. Межэтажные перекрытия не сохранились, но остались угловые камни, на которые опирались балки оснований. Кровля почти полностью разрушилась, поэтому ее характер не угадывается. Первый этаж башни забутован, то есть заполнен глиной и камнями.

Юго-западная стена является фасадом. На ней расположен дверной проем на уровне второго этажа, а также два окна – на третьем и четвертом этажах соответственно. Размеры дверного проема, с внешней стороны – 1,35 х 1 метр, с внутренней стороны – 2,25 х 1,3 метра. Арка входного проема выполнена напуском конусообразных камней. С внутренней стороны проем расширяется, образуя в стене углубление со стрельчатой аркой. На третьем этаже со стороны фасада расположено окно, на высоте трех метров от дверного проема. Арка окна изготовлена из каменного монолита. Над окном – два крестообразных узора, а выше углубленное изображение Т-образного знака. На уровне четвертого этажа также расположено окно с аркой из монолита, а над ним три крестообразных знака.

Северо-западная стена снабжена четырьмя бойницами, на четвертом этаже расположено окно с аркой. Слева от окна – каменная плита. Кроме того, на стене – крестообразные узоры и Т-образный знак, как и на других стенах.

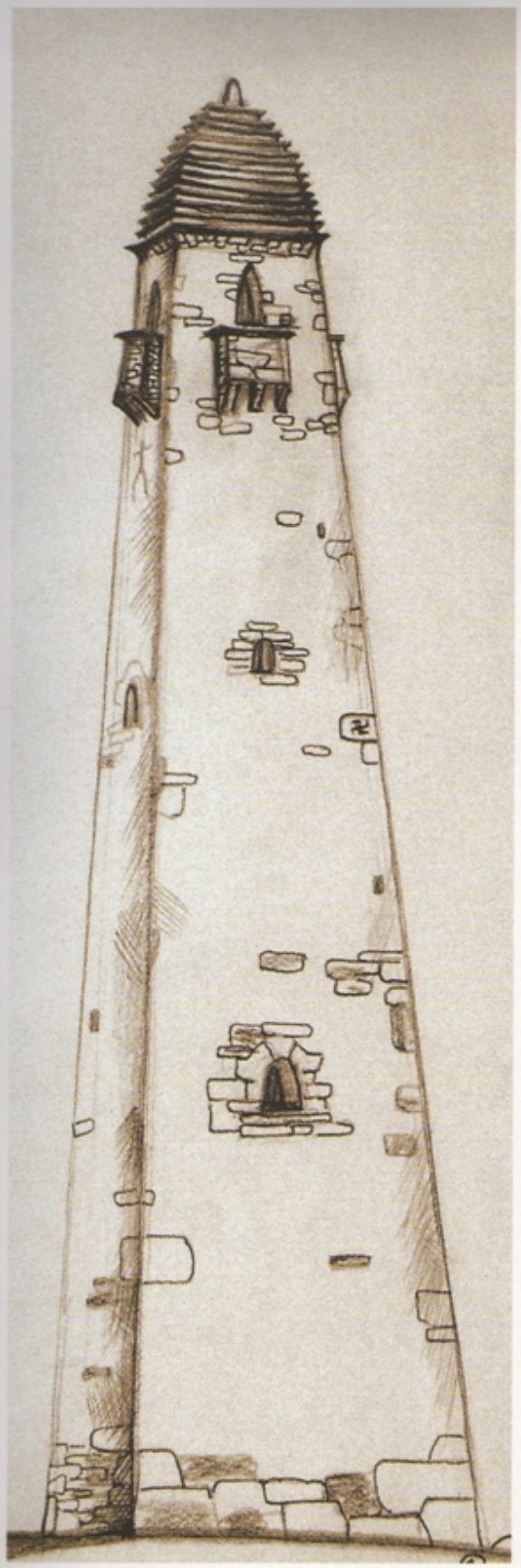
Юго-восточная стена имеет окно на уровне третьего этажа, прикрытое со стороны склона широкой каменной плитой (необычная деталь для чечено-ингушских башен). Здесь расположены три бойницы: две (узкие) — а втором этаже, одна (широкая) – на третьем. Стена украшена крестообразными узорами и Т-образным знаком.

Северо-восточная стена не имеет окон, на уровне третьего этажа – Т-образный знак, а также бойницы. Согласно полевым материалам, башня существовала по крайней мер, во времена монголо-татарского нашествия.

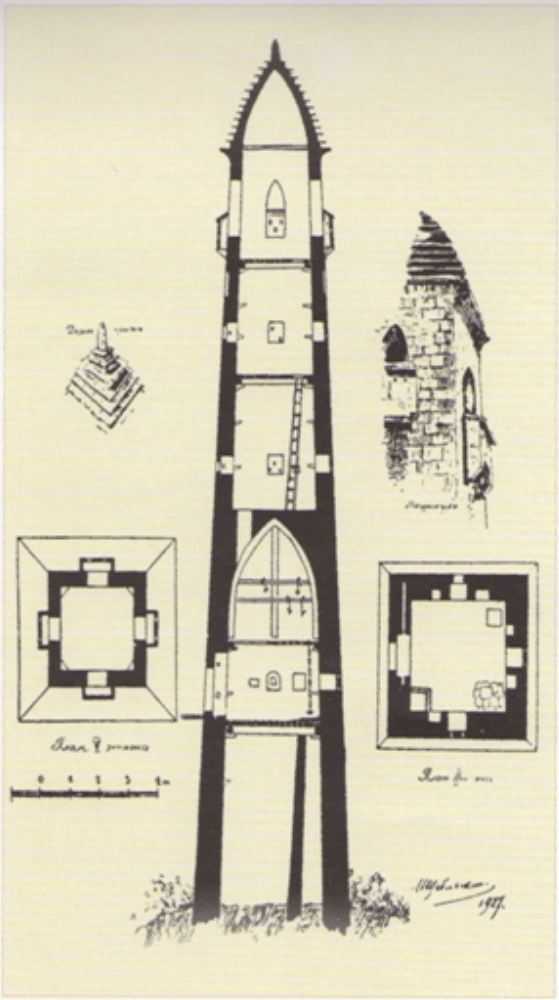
Строительство боевой башни сопровождалось теми же ритуалами, что и жилой. Если строилась сигнальная башня, то она строилась в таком месте и таким образом, чтобы имелась визуальная связь со смежными башнями сигнальной системы, но при этом учитывались и другие факторы, способствующие успешному ведению боя.

Для сторожевых башен выбирались стратегически важные точки, господствующие над местностью, дающие возможность контролировать ключевые мосты, дороги, перевалы. Очень важным условием было наличие рядом источника воды, то есть ручья, родника, речки, так как при строительстве башни всегда старались провести туда потайной водопровод.

Хаскалинская боевая башня



Боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей. Рис. С.Абаева



Боевая башня в разрезе. Рис. И.Щеблыкина, 1927 г.

Боевая башня, как и жилая, обычно возводилась, как и жилая, на скальном грунте. При этом сигнальные башни строились на вершинах обрывистых утесов и были почти недоступны. В X–XI веках, когда стали строить боевые башни, требующие огромных материальных и физических затрат, их сторожевые и сигнальные функции стали совмещать. И поэтому большинство сторожевых боевых башен в горах Чечни были и сигнальными.

Так как основной функцией боевой башни была оборонительная (помимо сигнальной), то особое внимание уделялось ее фортификационным свойствам.

Это могло выражаться в том, что с наиболее доступной стороны стены башни делали совершенно глухими, оставляя в них лишь смотровые щели и бойницы. Дверные и оконные проемы устраивали с наиболее неприступной стороны. Во многих случаях может вызывать удивление то, как сами защитники попадали в башню – настолько опасным является подступ к дверному проему. К тому же в экстерьере башни не использовали деревянных конструкций, чтобы осаждающие не могли поджечь ее извне.

В «Песне о том, как построили башню» в поэтической форме описана техника строительства башни:

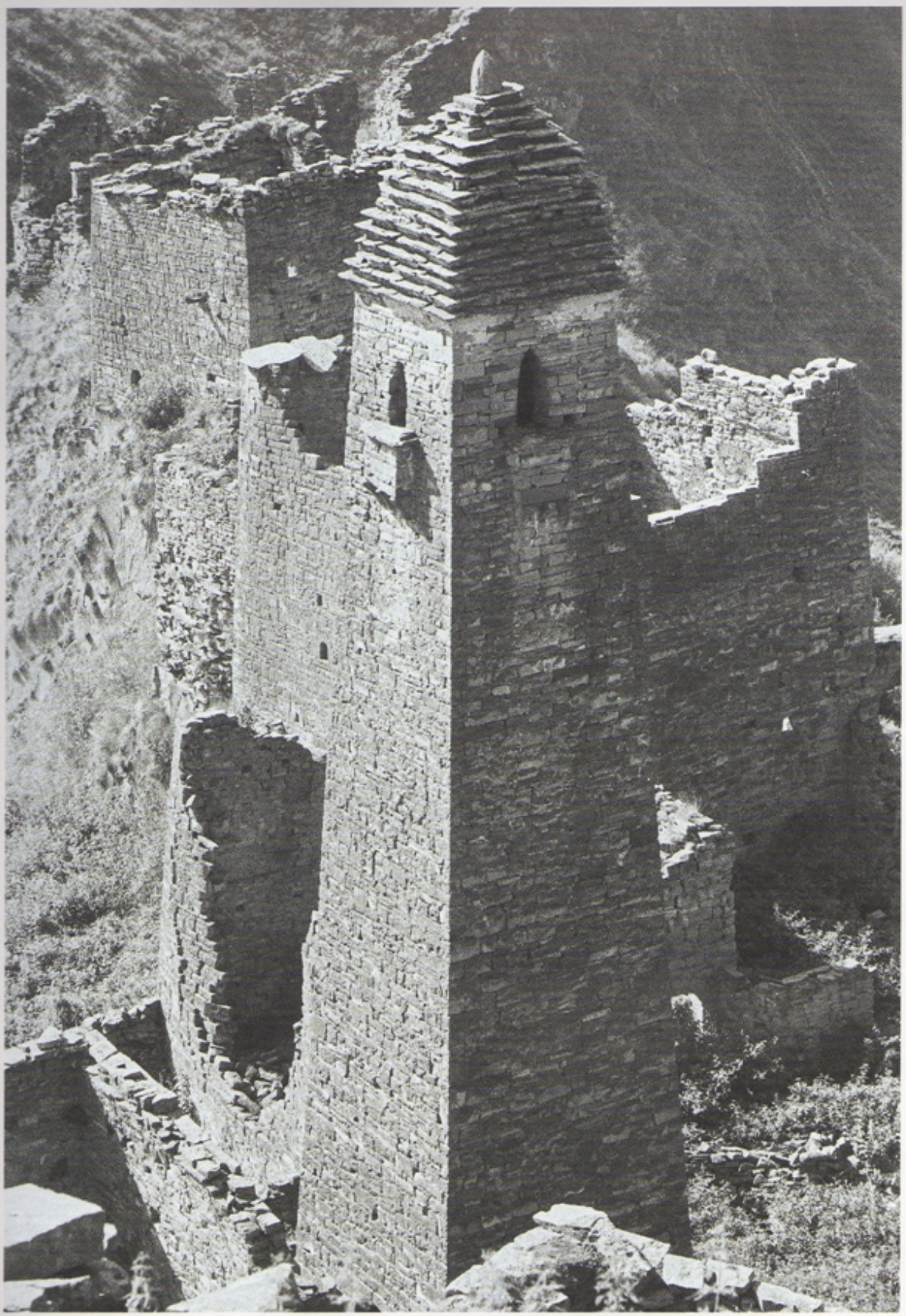
Боевая башня у города Шатой

Трижды землю поили молоком, трижды срывали грунт,
И только когда земля отказалась пить, положили первые камни;
Восемь огромных глыб, образующих углы бов,
И был каждый камень равен ценою быку, а весом – восьми быкам.
Их привезли с вершины горы, взявши из-под голубого льда...
Каждый камень везли двенадцать быков, ломая копыта от напряженья,
Каждый камень тесали двенадцать дней четыре каменотеса,
И стальные тесла крошились у них, будто сделанные из липы...
Двадцать тесел каждый каменотес сломал о ребра камней,
И камни стали ровны, как стекло, и приняли нужный вид!..
Тогда четыре, как горы, седых старика осмотрели и ощупали их,
И каждый сказал: «Теперь хороши, ни порока, ни трещины нет!»
И каждый сказал: «Бов будет крепка, как наши горы крепки,
И будет стоять во веки веков, как мир во веки веков стоит!..»
И каждый сказал: «Мы землю здесь поили густым молоком,
А камни эти, чтоб были крепки, напоим горячей кровью, –
Пусть свяжет кровь четыре угла, как род наш кровью связан,
И этой связи не сокрушат ни смерть, ни вечное время!»
Был приведен баран, чья шерсть горных снегов белей,
И рога, сделав дважды полный круг, были, как копья, остры...
И каждый камень был обагрен горячей, как солнце, кровью...
Пока в котле варился баран, была замешана известь,
И было белой известью скреплено скрепленное красной кровью...
После этого начали пир, на луг расстелив кошму...
Целую гору мяса принесли и поставили на кошму,
Золотистый, как день, чурек и черное пиво, густое, как ночь,
Принесли и поставили на кошму.
Сыр ноздреватый и желтый мед принесли и поставили на кошму,
И сто тридцать стаканов из серебра рода старейший отец
Вынес из гала, и на кошме расставили юноши их.
Сто тридцать мужей сидели вокруг, по самой кайме как раз,
И отразились на серебре двести шестьдесят глаз!
Сто тридцать юношей встали вокруг, ста тридцати мужам служа,
И небо раскинуло над кошмой свой голубой шатер...

На самом почетном месте посажен Янд – славный строитель бов,
И первый наполненный стакан поставлен был перед ним.
Лучшие части барана и лучший чурек предложены были ему.
И если Янд поднимал стакан, все поднимали враз,
А если он ставил стакан, то ставили все, как один!
Пока он ел, готовясь к труду, ели и пили все,
А когда он насытился и сказал: «Баркал хозяину!» – то
Все перестали есть, и все хозяина поблагодарили...
И дечиг-пандара живое сердце трепетало под пальцами музыканта,
Когда восемь помощников Янда, встав, стали готовить известь...
Известь кипела, пенясь, шипя, будто змея, и густела...
И становилась вязкой, как темнота узких ночных ущелий...
Лишь только песня потухла, Янд встал и принялся за работу:

Он взял два камня и, смазав их известью, ударил один о другой,
И сразу два камня стали одним под сильной его рукой!
«Известь готова,—сказал Янд,—пора приняться за дело!»
И все ожило вокруг него, запенилось и зашипело!
Крутился ворот, от натуги скрипя: струной дечиг-пандара напрягался канат,
Скрученный из восьми ремней, вырезанных из кожи буйвола;
Камни, становясь, будто пух, легки, шли наверх, послушные неуклонно
И поворачиваясь в руках Янда нужной ему стороной.
Из разных мест ущелья привезены обломки различных глыб,
Скрепленные известью, становились они неделимым целым.
Камни ложились один за другим, вздымался за рядом ряд,
И казалось, что известь и камни между собой, как бы советуясь, говорят...
Так Янд работал, кипел и пел, яростью труда лют,
И казалось, что камни под его рукой, гордые собой, поют...
Работа кипела, и Янд горел в работе, не считая дней,
И в небо вонзилась своей вершиной стройной песня камней.
Первый ярус закончен, сюда никогда не заглянет день...
Ярус второй – уже свод сведен и очажная цепь висит,
Здесь будет дни свои коротать семья в случае войны!
Янд сам вытесал косяки из черных гранитных глыб,
Сам из дубовых брусьев сбил дверь толщиною в пядь,
Сам приладил засов, и сам проверил его работу,
Выше поднялся Янд и вновь принялся за работу!
Четвертый ярус – здесь сторожа, сменяясь, у бойниц встанут,
И все четыре стороны света будут как на ладони.
Так камни ложились за рядом ряд, ярус за ярусом росла бов.
И вот на триста шестидесятый день закончил Янд пятый ярус!

Четыре балкона с четырех стен выступали вперед,
И с каждого пуля-молния без промаха в сердце бьет!
И снова Янд поднимается выше, и выше уже нельзя,—
Здесь будет крыша, легкая, словно свет, стройным конусом сведена,
Ложатся уступами ряды камней, постоянно сужаясь кверху,
И тонкие плиты сланца их перекрывают сверху.
И вот опять ряд камней и плит, и снова камни и плиты,
А Янд все ближе, ближе к солнцу, ближе с каждой минутой!
В четыре дня двадцать рядов камней и двенадцать сланцевых плит
Под неутомимой его рукой, красиво перемежаясь, легли...
И вот триста шестьдесят пятый день, проснувшись, открыл глаза,
Сразу же хлынула дню в глаза просторная синева.
Вместе с рассветом проснулся Янд, легко заскрипел ворот, –
Янд поднялся на башню, и у его ног расположились горы.
В последний раз напрягался канат, бесконечный, как человеческая память,
И последний раз ворот скрипел и пел, поднимая последний камень.
Закончена песня труда и камней – выше уже нельзя:
Над самою головою легкие облака плывут, скользя,
Садится солнце, и, пересекая ущелье, бов бросает тень.
Так стал последним, замковым камнем триста шестьдесят пятый день.



Никарой. Фото И.Пальмина

Баройская боевая башня. Фото И.Пальмина

Боевая башня в селении Сахано. Фото Э.Мамакаева

Боевая башня в селении Икальчу. Фото Э.Мамакаева

Гимройская боевая башня. Фото И.Пальмина

Ущелье реки Дере-ахк

Эткалинский замок

Боевая башня в селении Цой-педе

Несмотря на то что в песне много поэтического вымысла и позднейших вкраплений, в ней более или менее точно отражается процесс строительства башни, начиная с магических ритуалов, обработки и укладки камней основания и заканчивая установкой камня, завершающего пирамидально-ступенчатую кровлю.

В песне, как и в других фольклорных материалах, отмечается роль мастера, руководящего процессом строительства. Мастер, по преданию, практически не принимал участия в работе, а только указывал своим помощникам, что и как делать, выполняя тем самым функцию архитектора. По преданию, ему доставалась еще и почетная, и очень опасная роль установки камня (цIурку), завершающего пирамидально-ступенчатую кровлю. Для этого с наружной стороны к машикулю привязывали лестницу, и по ней мастер подбирался к венцу кровли. Это было смертельно опасным делом и иногда заканчивалось гибелью мастера. За установку последнего камня хозяин должен был подарить мастеру быка. Строительство башни обходилось семье (если это была семейная башня) в 50–60 коров. Многие исследователи пишут, ссылаясь при этом на Щеблыкина, что башня строилась без лесов. Но, вероятно, речь идет о наружных лесах.

Для возведения стен использовали внутренние леса, которые устанавливались на угловые камни, имевшие специальные выступы. Для подъема камней и балок применяли ворот, который назывался чIагIарг или зеразак. Крупные камни, иногда весом до нескольких тонн, подвозили к месту строительства с помощью быков на специальных санях. Для обработки камня использовали различные инструменты: берг – вид кирки, варзап – молот, джау – молоток, даам – зубило. Известь для раствора готовили здесь же. В тех местах, где известь была дорогим материалом, в раствор добавляли песок или глину. При этом высшим проявлением строительного мастерства считалось использование оптимального количества раствора, так как в таком случае башня становилась более сейсмостойкой. Известью замазывали также швы между камнями, для того чтобы дождем не вымывался раствор.

Угловые (замковые) камни не только являлись элементом, связующим стены башни, но на них опирались и балки перекрытий.

Перекрытие первого этажа выполняли в виде ложного свода из камней с двумя рядами пересекающихся каменных выступов, которые называются гуртами. Такие своды назывались нартол тхов. Но это элемент, присущий в основном башням поздней постройки (XV–XVII вв.).

Особое внимание уделялось обработке и отделке арочных камней дверных и оконных проемов. Такой камень назывался «куртулг» – гордый камень. На них очень часто наносили петроглифы.

Боевые башни были в основном пятиэтажными. Назначение различных ярусов башни трактуется исследо-

Облака и башня

вателями по-разному. Одни считают, что первый этаж предназначался для содержания скота, другие – для содержания пленников. На самом же деле первый этаж башни обычно заполнялся камнями и грунтом, для того чтобы усилить нижнюю часть башни в случае применения стенобитных орудий.

Вызывает большое сомнение и термин «жилой этаж» по отношению к боевой башне. Классическая боевая башня – это такой вид оборонительного сооружения, который не предполагает длительной осады, если речь идет не о комплексе подобных сооружений, соединенных каменной стеной, то есть маленькой крепости, например типа Бекхайлинской. Это связано с тем, что защитники башни имели ограниченный запас вооружения, будь то камни, стрелы, ружейные заряды в более позднее время, небольшой запас продовольствия. И, конечно же, назначение этажей определяла их малая площадь. Если речь идет о сторожевой или сигнальной башне, то в ней могли нести дозор от четырех до шести человек, а в оборонительной башне, как части комплекса, укрывалась в случае опасности семья, живущая в одной или двух жилых башнях, к которым она была пристроена. Но ни один из этажей боевой башни не был приспособлен для длительного проживания, и поэтому вряд ли их можно назвать жилыми. В этом отношении абсолютно не имеющими ничего общего с реальностью являются легенды, связанные с теми или иными боевыми башнями в Чечне, в которых якобы жили их герои.

Практически все этажи боевой башни были приспособлены для наблюдения и ведения боя.

Чеченские и ингушские боевые башни однотипны и отличаются лишь временем постройки и габаритами. В зависимости от древности они различаются определенным уровнем строительной техники, обработки камня и изяществом форм.

По типу перекрытия чеченские (и ингушские) боевые башни делятся на три основные группы:

1) Башни с плоской кровлей.
2) Башни с плоской кровлей с зубцами по углам.
3) Башни с пирамидально-ступенчатой кровлей.

Башни с плоской кровлей являются наиболее древними, некоторые из них можно датировать XI–XIII веками. Они отличаются небрежной обработкой камня, являются не очень высокими, имеют небольшой угол сужения кверху. Чаще всего они имели не больше четырех этажей. Эти башни в большинстве случаев были сигнальными и сторожевыми или элементами цитадели, как, например, бекхайлинские. Хотя в некоторых случаях боевые башни с плоской кровлей могли быть и достаточно высокими, и стройными, отличались довольно высоким уровнем строительной техники, как, например, Хаскалинская.

Башни с плоской кровлей чаще всего строились в недоступных местах, на вершинах обрывистых утесов, речных мысах.

Боевая башня в селении Пого

Башни второй группы отличаются большей высотой, стройностью, тщательностью обработки камня, большим углом сужения кверху. Они могут быть отнесены уже к XIV–XVI векам. Боевые башни с плоской кровлей с зубцами по углам могли быть и сигнальными, и сторожевыми, и частью комплекса. Таких башен в горах Чечни сравнительно немного, как, например, боевая башня на левом берегу Меши-хи в Мелхисте.

Башни с пирамидально-ступенчатой кровлей являются наиболее поздними из всех видов боевых башен в горах Чечни и Ингушетии. Многие из них в Чечне могут быть датированы XV–XVII веками, а в Ингушетии – XVII–XIX веками. Боевые башни с пирамидально-ступенчатой кровлей практически не использовались как сторожевые и сигнальные. В большинстве случаев они являются элементом замкового комплекса, получившего распространение в горах Чечни в Позднем Средневековье. Исследователи называют эти башни вайнахскими, так как они появились на местной почве и получили распространение в Чечне и Ингушетии. В Грузии они единичны и построены мастерами-вайнахами.

Так называемая классическая вайнахская боевая башня является наиболее совершенным в архитектурном и техническом отношении сооружением подобного рода на Кавказе.

Обычно это квадратное в плане сооружение, сложенное из хорошо обработанных камней на известковом растворе. Башня, как правило, имеет пять этажей. На уровне второго и верхнего этажа перекрытия выполнены в виде каменных сводов, которые имеют декоративные выступы в виде перекрестия – гурты. На остальных этажах перекрытия деревянные, они опираются на балки, концами лежащие на замковых камнях.

Башни с пирамидальной кровлей отличаются особой стройностью и изяществом. Это связано с тем, что они имеют довольно большую высоту (до 25 м), сравнительно небольшую площадь основания (5 х 5 м), довольно большой угол сужения кверху.

На стенах пятого этажа установлены каменные балкончики – машикули.

У башен с пирамидальным венчанием машикули были в основном однотипными, представляя собой выложенные из каменных плит балкончики, которые крепились на двух, трех или более консолях, не имели дна. Со стороны машикулей в стенах башни были большие стрельчатые проемы, из которых защитники башни могли вести стрельбу по осаждающим.

На всех этажах башни в стенах имелись отверстия – бойницы и наблюдательные щели.

Кроме того, многие башни с пирамидально-ступенчатой кровлей имели дверные проемы на всех этажах, которые уменьшались пропорционально сужению башни.

Боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей была высшим достижением народного зодчества вайнахов. Она строилась в удивительной гармонии с окружающей природой, всегда вписывалась в рельеф, сама становилась частью ландшафта. Сочетание малой площади основания с большой высотой, удивительная стройность и пропорциональность, пирамидально-ступенчатое венчание, подчеркивающее устремленность ввысь, симметрично расположенные балкончики-машикули, скупой, но гармоничный декор в виде геометрических фигур – все это создавало впечатление абсолютной завершенности форм.

Башенный комплекс в селении Васеркел

Замок на берегу Меши-хи

Боевая башня у селения Дере

Боевая башня в селении Пого

Шаройская боевая башня

Автор в ущелье Майста

Сотрудник Аргунского заповедника Ахмед Зурабов

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

IV-7

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СВОЙСТВА БОЕВЫЕХ БАШЕН

В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФОРМ в течение тысячелетий боевая башня была наиболее приспособленной для ведения оборонительного боя. Высота ее (20–25 м) усиливала боевые возможности защитников башни. Во-первых, пущенная в них снизу стрела значительно теряла свою убойную силу. Во-вторых, это давало возможность защитникам вести круговой обстрел и увеличивало его дальность. Именно поэтому для ведения стрельбы предназначался верхний этаж, там у проемов располагались стрелки, которые держали под прицелом подступы к башне. Стрельба из лука велась поверх балкончика, который прикрывал стрелка.

Вид из окна Эткалинского замка

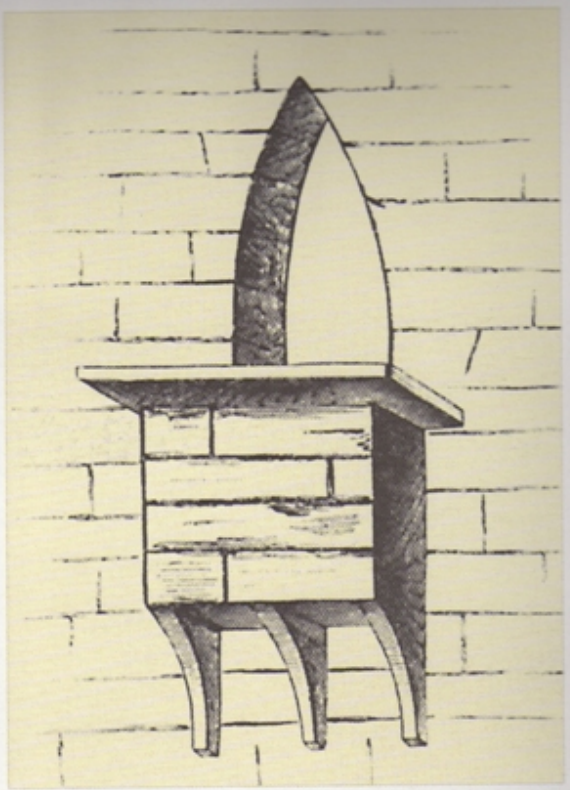
Если же враги приближались к башне вплотную, то на них через машикули лили кипяток, кипящую смолу. Возможно, для этого использовали также дверные проемы верхних ярусов.

Сужение башни кверху позволяло защитникам сбрасывать на осаждавших камни, направление падения которых из-за рикошета было непредсказуемо и наносило врагу неожиданный урон.

На стенах башни на каждом этаже было множество бойниц и смотровых отверстий, их нередко очень сложно отличить друг от друга. Подобные бойницы невозможно было использовать для стрельбы из лука, хотя также сомнительно использование большинства из них при стрельбе из огнестрельного оружия.

Бойницы для ружей – тоьпан Iуьргаш – появляются в боевых башнях не ранее XVI века. Они довольно большие по сравнению со смотровыми щелям, и имеют наклон вниз. Но при всем том ясно одно – бойницы не могут быть единственным основанием для датировки времени строительства башни, так как в некоторых башнях смотровые отверстия позднее были расширены для стрельбы из ружей. Но при этом сами башни не перестраивались.

Оборона поселений не сводилась только к войне в башнях, которые играли роль опорных и наблюдательных пунктов. Для ведения боя использовались и крыши жилых башен, и оборонительные стены, и рельеф местности. Если же в селении было несколько оборонительных башен, то они выстраивались так, что замыкали все пространство вокруг него, практически не оставляя мертвых, не простреливаемых зон.



Машикуль боевой башни с пирамидально-ступенчатой кровлей. Рисунок Вс.Миллера, 1888 год

Верхняя часть Бекхайлинской боевой башни

Дере

Пого

Оконный проем жилой башни в Химое

Шарой

Гучан-кале

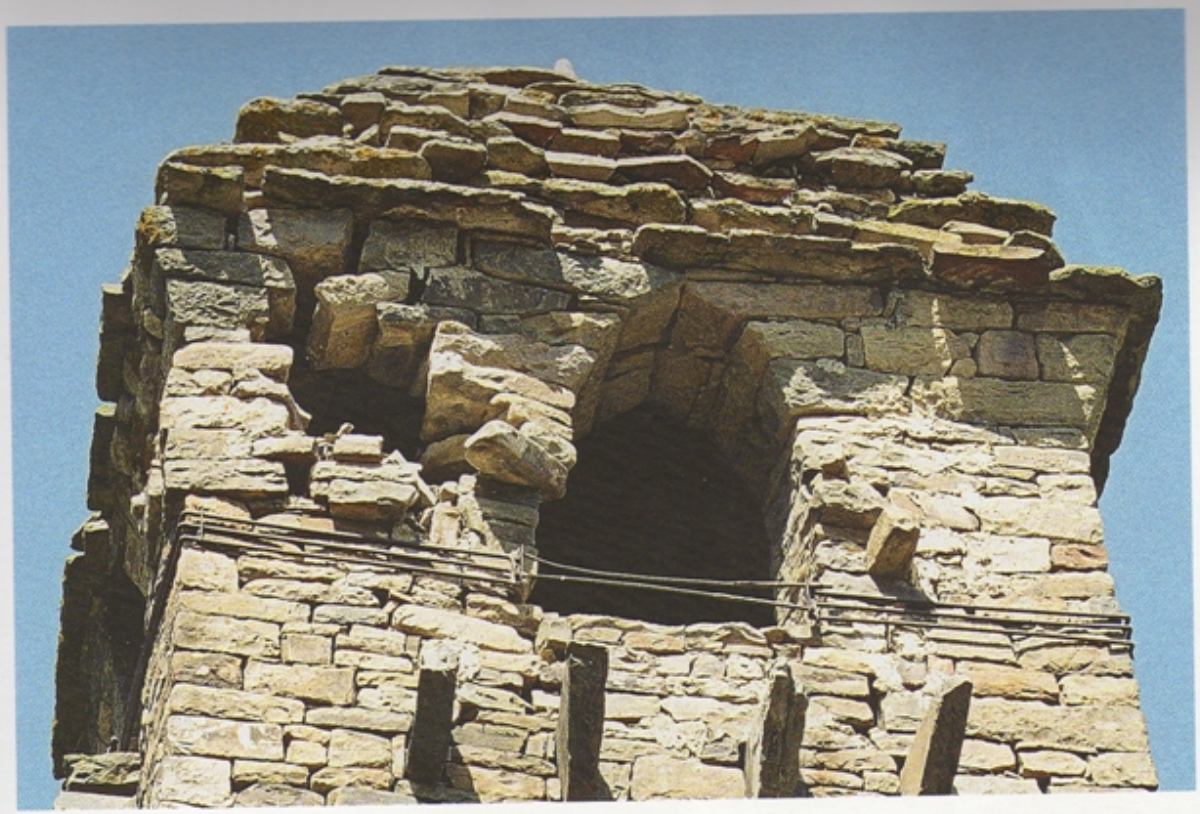
Хачарой

Цой-педе ▲
Никарой. Фото И.Пальмина ▶

Ца-кале

Шатой ▲
◀ Боевая башня на горе Бекхайла

Замок в ущелье Терлой-мохк



Дере

Бойницы Моцаройской боевой башни

Боевая башня у селения Хой. Фото И. Пальмина

Селение Харкарой. Фото И.Пальмина

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

IV-8

ЗАМКИ И ЦИТАДЕЛИ

В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ СТРОЕНИЯ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ БОЕВОЙ И ЖИЛОЙ БАШЕН, перерастают в замки, обнесенные каменной стеной. Их появление в горной Чечне связано с социально-классовой дифференциацией общества.

В работе многих авторов утверждается мысль о том, что различные фортификационные сооружения в горной Чечне были порождением родового строя, являясь собственностью рода или тейпа. Народные предания и исторические источники связывают строительство замков и крепостей с именами местных феодалов. Так, например, крепость в селении Кезеной, согласно фольклорным материалам, была построена правителем Чеберлоя Алдам-Гези, присланным сюда из Нашха Мехк кхелом. Сооружения, расположенные на горной скале, обнесены высокой стеной протяженно-

Средневековый замок. Рис. С.Абаева

Башенный комплекс у селения Хелды

стью почти сто метров. Внутри крепости сохранился фундамент боевой башни. Крепость Алдам-Гези, вероятно, построена в XV–XVI веках, в эпоху массовой миграции чеченцев с западных, перенаселенных районов на восток. По преданиям, эта миграция не была стихийной. Ее порядок определял Высший Совет Страны нахов – Мехк кхел.

Владельцу, а не тейпу принадлежал и замок в селении Моцарой. Он построен на мысу, образованном при слиянии рек Терлой-аххк и Никарой-аххк. Замок состоит из примыкающих друг к другу трех жилых и одной боевой башни и защищен высокой каменной стеной. Похожий замок, состоящий из жилой и боевой башен, с обнесенным каменной стеной двором, существовал и в селении Барха, неподалеку от Моцароя. Он также, согласно фольклорным материалам, являлся собственностью одной семьи.

Подобный замок с оборонительной стеной назывался по-чеченски «гlап» или «галан», цитадель же обозначалась термином «гlала». Такие сооружения были практически во всех селениях горной Чечни.

Строительство жилых и сторожевых башен, а также цитаделей начинается еще в аланскую эпоху, особенно в IX–XI веках, а возведение замков и башенных комплексов приходится на XV–XVI века, когда территорию Чечни покинули сначала монголо-татары, а затем и отряды Тимура. Это было время социально-экономического возрождения Чечни после гибельных для нахских народов набегов кочевников.

Нашествие монголов в XIII веке привело к утрате могущества Алании – государства, основным этносом которого были нахи, предки современных чеченцев. Жители равнин и предгорий вынуждены были уйти в горы, хотя некоторая часть нахов продолжала оставаться в предгорных долинах.

Походы Тимура не только уничтожили остатки их государственности, но и подорвали основы древней нахской цивилизации. Именно походы Тимура привели к значительной перекройке карты Северного Кавказа. Нахские племена, населявшие западные и центральные районы Кавказа, были вытеснены из районов тысячелетнего проживания или окончательно ассимилированы ираноязычными и тюркоязычными племенами. Следует заметить, что тюркизация западных нахов (алан) началась еще в X–XI веках, и при появлении монголо-татар на Северном Кавказе среди алан Северо-Западного Кавказа уже присутствовал определенный тюрский элемент.

Окончательная иранизация нахов Центрального Кавказа завершилась только в XV веке. Особую роль в этом процессе сыграли ираноязычные гарнизоны Тимура, разместившиеся у ключевых горных проходов Центрального Кавказа. Древний нахский субстрат Центрального Кавказа сохранил и материальную культуру, и

Башенное селение Ца-кале

антропологический тип, но утратил свой язык. Подобные процессы не являются единичными и присущими только данному региону. Например, в римских провинциях, причем не только в ближайших к Италии, но и в таких отдаленных, как Дакия, местное население утрачивало свой язык под влиянием римских гарнизонов и начинало говорить на латинском. Но на заимствованный язык метрополии накладывались особенности местных наречий, что привело впоследствии к образованию новых, так называемых романских языков.

Поэтому можно говорить об определенном единстве материальной культуры нахов и осетин, которое существовала вплоть до XIV—XV веков, то есть до времени полной ассимиляции нахского субстрата ираноязычными элементами. И это единство получило конкретное проявление именно в древних архитектурных формах.

Так называемая вайнахская башенная культура окончательно формируется в XIV–XV веках, создавая свои специфические архитектурные формы, которые уже не встречаются в других регионах Кавказа.

После нашествия Тимура оставшиеся в живых непокоренные нахи ушли в горы. Территория их расселения ограничивалась с востока Андийским хребтом, на западе – течением Терека, на юге – Главным Кавказским хребтом, на севере – полосой Черных гор. На этой территории формируется новая этнокультурная и языковая общность, которая уже в наше время получило название вайнахской, и на ее базе окончательно складывается единая материальная культура и, в частности, один из ее видов – башенная и склеповая архитектура.

Еще во времена нашествия монголо-татар и Тимура начинается миграция отдельных нахских племен уже внутри этой территории. Она направлена и на восток, в сторону Ичкерии и Чеберлоя, и на запад – в ущелье Армхи, и на юг – в Грузию.

Активный период этой миграции завершается к концу XV – началу XVI века. Именно тогда складываются новые территориальные общности в горах Чечни и Ингушетии и, по всей видимости, начинается экономический подъем, который приводит к резкому социальному расслоению чеченского общества. К тому же, согласно семейным хроникам, так называемым тептарам, некоторые аланские феодалы, спасаясь от отрядов Тимура, скрывались в горных ущельях со своими дружинами, захватив свои богатства. Здесь они сталкивались с родственным по происхождению и языку населением, проживавшим в этих ущельях издавна. Конечно же, эти столкновения заканчивались по-разному. Несомненно, в этот период в горной Чечне обновляется феодальное общество, и мощные замковые комплексы и цитадели в горах – материальное тому подтверждение.

Никарой. Фото И.Пальмина

Замок в селении Икальчу. Фото Э.Мамакаева

Селение Тертие. Фото Э.Мамакаева

Бекхайлинская цитадель

Средневековая крепость Васеркел

Эткалинский замок

Замок в селении Пого

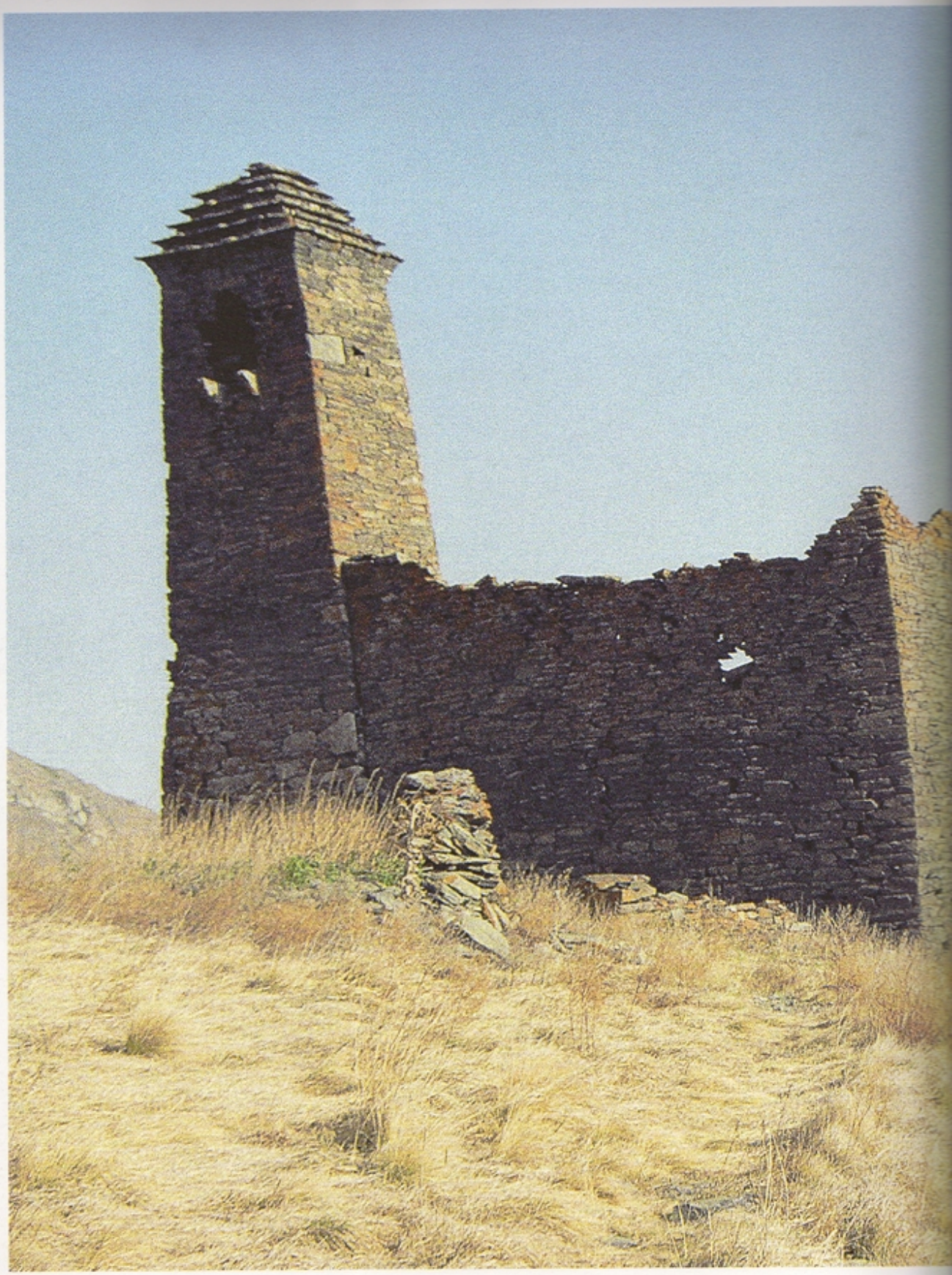
Мешийский замок. Фото И.Пальмина

Замок в селении Пого

Мальчик из селения Пого

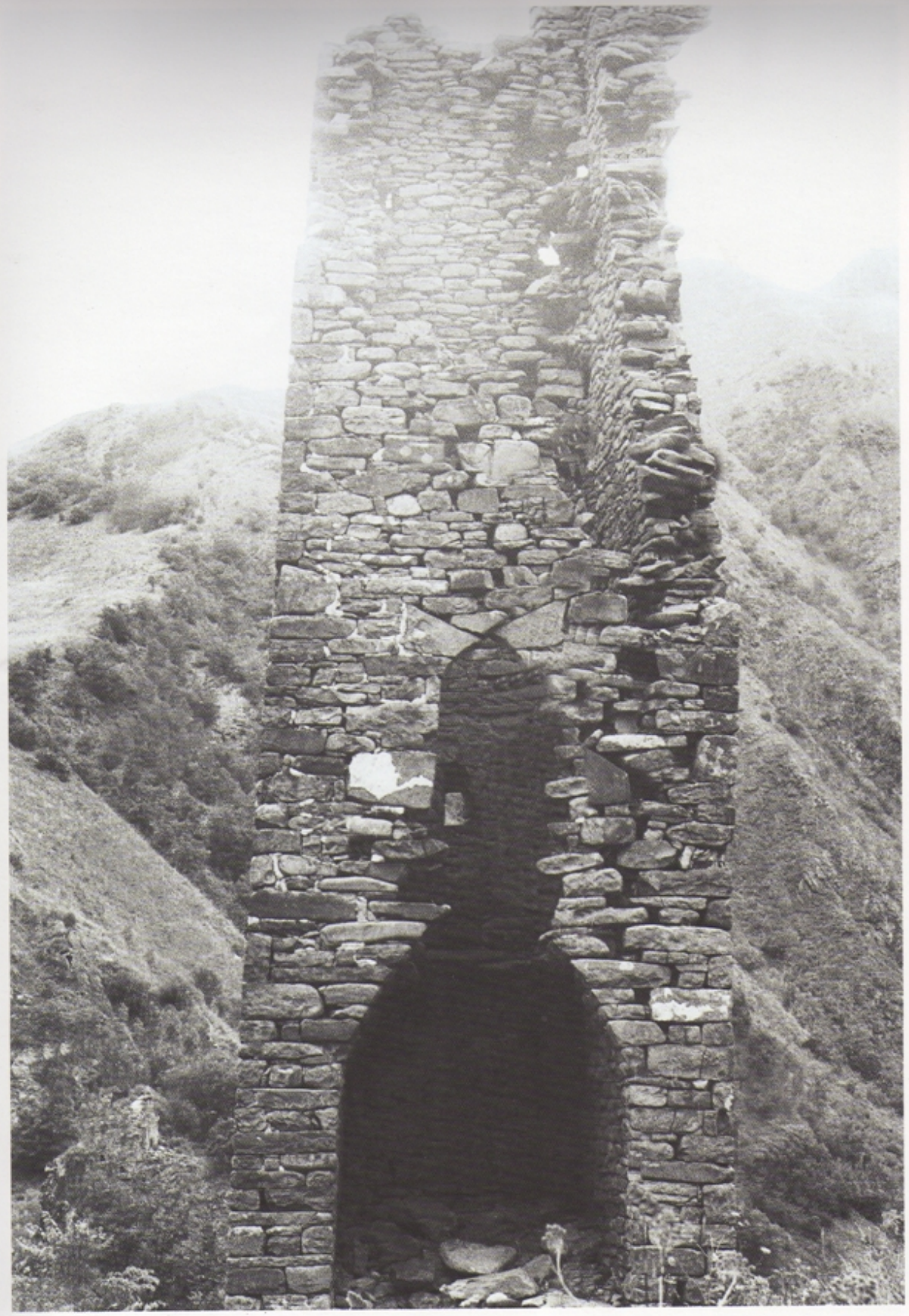
Гора Тебулосмта

Башенный комплекс в Майстинском ущелье



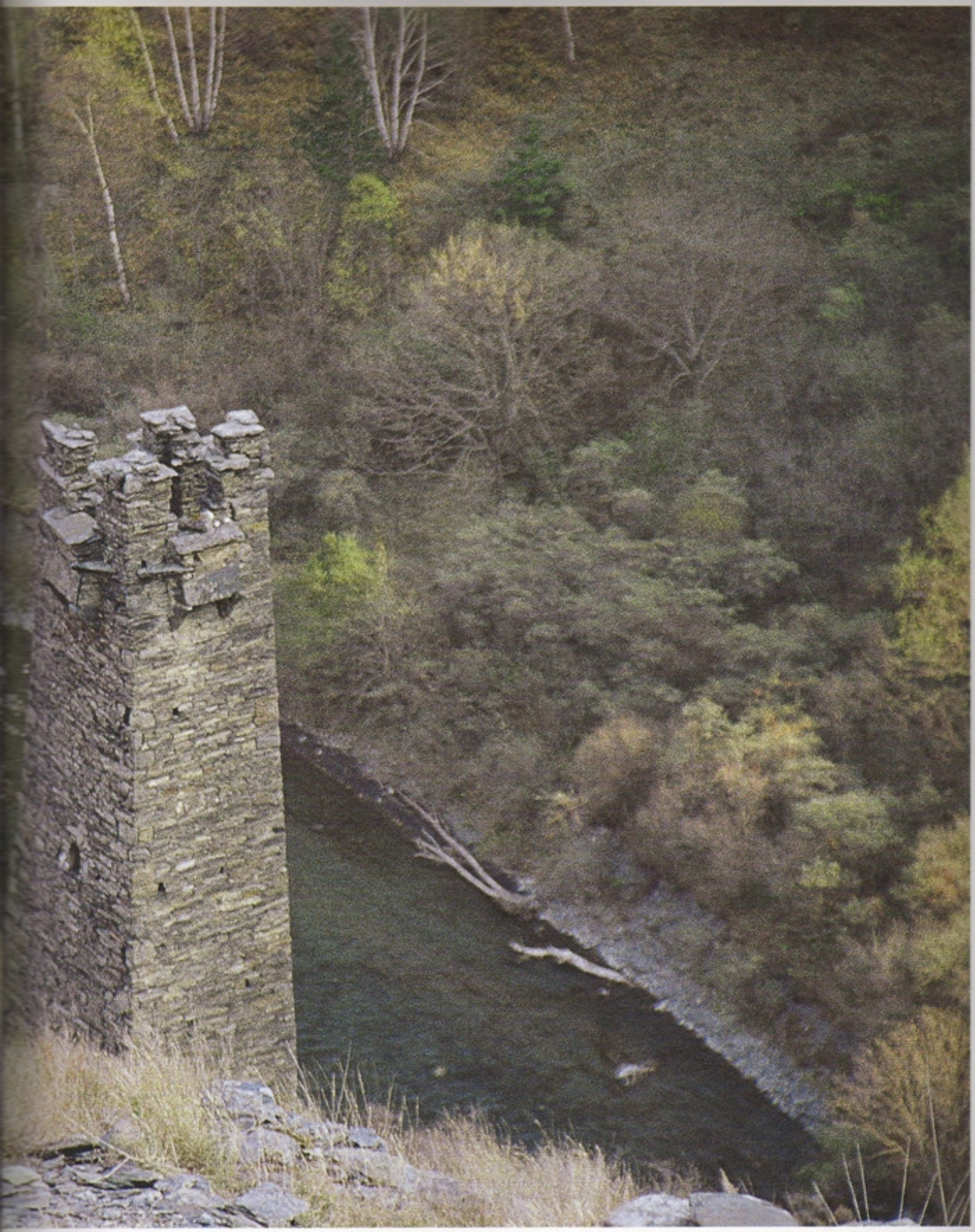
Башенный комплекс на вершине горы Коре-лам

Боевая башня Кирды. Фото Э.Мамакаева



Боевая башня Кирды. Фото Э.Мамакаева

Боевая башня на берегу Аргуна



Пакочская боевая башня

Хачаройская боевая башня

Горы Нашха

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

IV-9 СИСТЕМА СТОРОЖЕВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ, ЗАМКОВ И БАШЕН ГОРНОЙ ЧЕЧНИ

СТОРОЖЕВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ЗАМКИ И БАШНИ строились в горной Чечне таким образом, чтобы имелась возможность контролировать все ключевые перевалы, дороги и горные тропы. Согласно исследованию археолога С.Умарова, эти укрепления составляли единую систему сторожевых сооружений.

Дорога в горную Чечню с севера, вдоль реки Асса, которая поворачивает у селения Алкун в ущелье Фортанги, контролировалась башенным поселением Базанте, расположенным на самом гребне хребта. Вход в ущелье реки Фортанга преграждали башенные селения Бамут и Гандал-Баса. Место соединения двух этих дорог было защищено мощным укрепленным поселением Цеча-ахк. Перевальные пути между Ассой и Фортангой от Бамута до Цеча-ахк охранялись башенными селениями Нижний и Верхний Даттых и крепостью Эгичож.

Дороги и перевальные пути в ущелье Акки-мохк контролировались башенными укреплениями Мизир-гала, Гажа-гала, Девнечу, Итир-кале. Подступы к Акки с юга и запада были защищены селениями Воуги и Хаге.

К востоку от Акки находится область Нашх, через ущелья которой протекают две речки, Гехи и Рошня. В ущелье Рошни на горе Муши-дук, являющейся северной окраиной Нашха, были обнаружены руины оборонительного сооружения. Ущелья Нашха прикрываются со всех сторон мощными башенными укреплениями Моцарой, Хайбах, Чармах, Тийст.

Ущелье Кей-мохк, расположенное к юго-западу от Нашха и через которое проходит дорога от озера Галанчож через Акки в Мелхисту, укреплено оборонительными сооружениями селений Нижний Кей и Верхний Кей, Мештара, Геши. Далее эта дорога идет от самого западного селения Мелхисты – Меше к ее сердцу – Цой-педе. Вдоль нее, по ущелью речки Меши-хи возвышаются замки и укрепления селений Меши, Икальчу, Сахана, Коротах.

У селения Цой-педе, где сохранились две боевые башни, к одной из которых примыкает оборонительная стена, а другая составляет комплекс замкового типа, дорога раздваивается, уходя в противоположные стороны: в Хевсуретию, на северо-восток и в Аргунское ущелье, вдоль Чанти-Аргуна.

К северу от Мелхисты расположено общество Терлой-мохк, которое изрезано ущельями рек Баулой-ахк, Терлой-ахк и Никарой-ахк. Через эти ущелья проходили дороги из Нашха, Акки-мохка, Ялхароя в центральные и восточные районы горной Чечни. Эти дороги контролировались замковыми комплексами Моцароя, Никароя, Баулоя. А выход из ущелья Терлой и дорога в Грузию, идущая вдоль левого берега Аргуна, прикрывались замком Кирд-Бавнаш, владельцем которого, по преданию, был князь Берг-Бич.

Аргунское ущелье, одно из самых крупных по протяженности на Северном Кавказе, было и самым укрепленным ущельем в этом регионе. Вдоль реки Аргун в Грузию и в горные районы Чечни проходила дорога, которая в отдельные периоды времени играла гораздо большее значение, чем путь через Дарьял.

Вход в ущелье преграждал башенный комплекс у селения Чишки, просу-

Эткалинский замок

ществовавший до середины XIX века. По описанию А.П.Берже, дорога от Воздвиженского укрепления в Шатой «сначала идет по равнине, имеющей легкий склон к берегу р. Аргун, а в 3 верстах ее сопровождает очень мелкий, но густой кустарник до подъема к башне. Вышеупомянутая башня построена для обстреливания подъема, по миновании которого дорога вступает незаметным склоном в теснину. Потом она спускается ко второй башне, защищающей переправу чрез деревянный мост на р. Чанты-Аргун. После переправы чрез мост открывается аул Башин-кале, расположенный на скате горы. От аула вверх до Чанты-Аргуна выстроено много башен; оне попадаются на каждой версте».

Боевые сторожевые и сигнальные башни стояли вплоть до самой границы с Грузией, у башенного селения Шатили, которое чеченцы называли «Шедала», а его жителей именовали «шедалой» и идентифицировали их больше с вайнахами, чем с грузинами.

Восточный приток Аргуна – Шаро-Аргун рассекает систему хребтов с юга на север и образует Шаро-Аргунское ущелье, густо заселенное до 1944 года. Вход в ущелье с севера прикрывался башенными укреплениями у селения Дай. Ключевым в этом ущелье было укрепление в селении Шарой, состоявшее из трех боевых и нескольких жилых башен. Оно контролировало дороги из Аргунского ущелья в Шарой, Чеберлой, Кахетию и Дагестан.

Не менее укрепленной была и историческая область горной Чечни – Чеберлой, расположенная на юго-востоке.

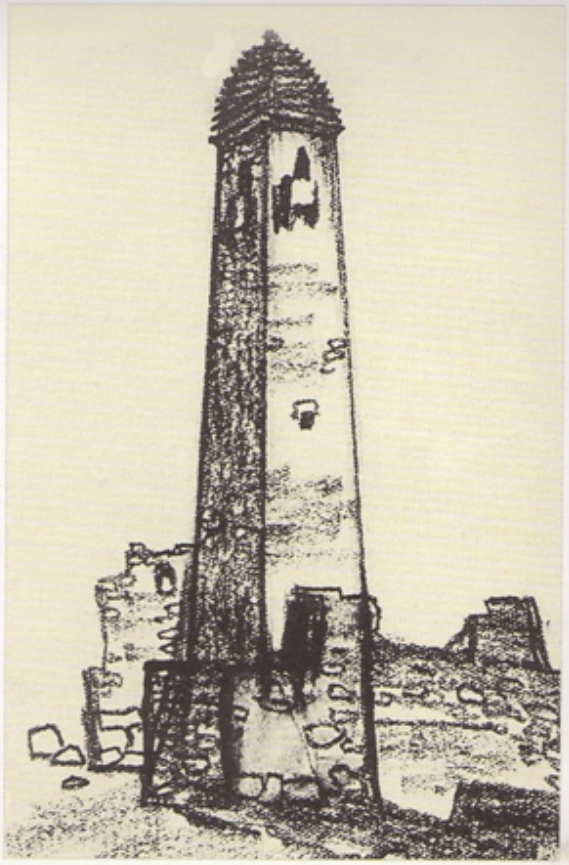
Здесь также была выстроена целая система укреплений и башенных комплексов у селений Кезеной, Макажой, Харкарой, Хой, откуда контролировались дороги в Шарой, Ичкерию и Дагестан.

Наиболее мощным являлось укрепление Кезеной, представлявшее собой настоящую средневековую крепость, расположенную на высоком утесе. Согласно преданию, она принадлежала легендарному Алдам-Гези, присланному в Чеберлой правителем из Нашха.

Селение Хой располагалось на границе между Чечней и Дагестаном. До нашего времени сохранилась лишь боевая башня на его окраине, которая ранее являлась частью укрепления. Интересно, что само название села, «Хой», переводится как «стражники».

Была защищена со всех сторон башенными укреплениями и историческая область Майста, самая труднодоступная и неприступная с точки зрения фортификации. В XII–XIII веках, в разгар войны с кочевниками, Майста была столицей Чечни, где собирался Мехк кхел (Высший Совет страны) – высший представительный орган чеченского государства. С востока ущелья Майсты защищались башенным поселением Ца-кале с мощным замковым комплексом и оборонительной стеной. Дорога в Грузию прикрывалась башенными укреплениями Пуога и Туга, нижнюю тропу вдоль берега

Боевая башня у селения Хелды ▲
Горный ручей ▶



Боевая башня. Рисунок С.Абаева

Майстойн-эрк контролировал мощный замковый комплекс Нижняя Туга. В центре Майсты, на высоком каменном утесе, стояла крепость Васеркел, разрушенная в результате войны с персами еще в Раннем Средневековье. На ее территории остались руины и основания более двадцати боевых и жилых башен. Крепость Васеркел контролировала все дороги, проходившие через Майсту, с востока на запад и с севера на юг. Кроме того, она была культовым центром горной Чечни.

Башни и башенные укрепления защищали и боковые ущелья, прорезанные небольшими речками, впадающими в Аргун слева и справа. Башенным можно назвать ущелье Тазбичи, в котором до нашего времени сохранилось более тридцати боевых и жилых башен и замков.

Защищены башнями были и дороги Ичкерии, самой восточной области Чечни. Наиболее известные башни располагались у селений Харачой, Ца-Ведено, Дарго, Сержень-юрт, Курчалой.

Таким образом, в период Позднего Средневековья вся горная Чечня контролировалась системой сторожевых поселений, замков и башен. Это опровергает сложившееся в исторической науке мнение о том, что Чечня в Позднем Средневековье представляла собой ряд разрозненных горных областей и обществ, так как подобная система могла быть создана только народом, имевшим свое государственное образование.

Башенный комплекс на берегу реки Майстойн-эрк

Башенное селение Лах-Туга

Селение Коротах

ВЕЛИКАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА IV–10

САМЫЕ ДРЕВНИЕ СИГНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ВОЗНИКЛИ, вероятно, еще в эпоху неолита, то есть в период, когда древние люди были вынуждены бороться не только с природой за свое существование, но и с себе подобными.

Долгое время для передачи военных сигналов не строилось специальных сооружений, а для этого использовались возвышенные места, вершины гор, утесы, деревья. Для передачи сообщений существовали различные знаковые системы, но наиболее распространенной была передача сигналов с помощью огня и костров.

Позже, в эпоху ранних государств, для передачи сигналов стали строить специальные сооружения, деревянные вышки и башни.

На территории древнейших расселений нахских племен (от границ Дагестана до Кубани) практически не осталось следов существования древних сигнальных систем.

На территории современной Чечни сохранились не только отдельные элементы сигнальной системы, которая начала складываться, вероятнее всего, еще в аланскую эпоху (IX–XIII вв.), но и ее большие звенья. По всей видимости, она была перестроена в XII–XV веках, когда нахи – жители равнин, или аланы, были вынуждены уйти в горы под натиском многочисленных орд Чингисхана и Тимура и создали здесь новое государственное образование, являвшееся ассоциацией территориальных общин или вольных обществ, а также небольших феодальных владений.

Горы в огне ▲
Боевые башни у селения Дере ▶

Ночь в ущелье Майста ▲
Ущелье Майстойн-эрк ▶

Хотя это государственное образование не имело всех атрибутов классического государства (постоянное войско, институты управления и подавления, содержащиеся на налоги населения), оно все же было государством.

Во-первых, существовал высший орган страны – Мехк кхел, в котором были представлены все субъекты этой ассоциации. Во-вторых, Мехк кхел собирался регулярно, не реже двух раз в год, а в случае необходимости чаще: решал вопросы войны и мира, регулировал адаты, собирал налоги для строительства дорог, крепостей и башен, а также для формирования войска.

Именно в этот период завершилось создание Великой сигнальной системы, объединившей в одно целое разбросанные по горным ущельям территориальные общины и небольшие феодальные владения Чечни.

Великой ее можно назвать потому, что она охватывала всю Чечню, почти каждое ущелье, каждое селение, начиная с левобережья Терека и заканчивая сигнальной башней самого южного селения Джарие, на границе с Грузией.

Боевые сигнальные башни почти всегда имели плоскую кровлю, нередко с зубцами по углам. М.А.Иванов пишет даже о специальных сигнальных башнях, у которых была каменная площадка перед окном верхнего этажа, на которой разводили огонь.

Строить сигнальную башню, находившуюся неподалеку от селения, и следить за ее состоянием должны были его жители. Они также были обязаны регулярно выделять несколько человек для несения караульной службы на башне. В случае военной опасности сигнал передавали ночью с помощью огня, днем – с помощью дыма. В чеченском языке до нашего времени сохранилось выражение «кIур ба», которое буквально переводится как «дымить», а в настоящее время имеет смысл «уходить от опасности».

Великая сигнальная система сохранялась вплоть до начала XIX века. Во времена Кавказской войны многие башни, входящие в нее, были разрушены. Часть элементов этой системы существует до сих пор, часть упоминается в исторических документах и в публикациях авторов XIX века.

Есть достоверные сведения о существовании сторожевой и сигнальной башен на хребте в районе Ханкалы. Само название «Ханкала» (по-чеченски ХанIала) переводится как сторожевая башня. Южнее, на склоне у входа в Аргунское ущелье еще в середине XIX века стояла сигнальная башня, чуть ниже – другая. Эти башни были разобраны русскими войсками при строительстве крепости Воздвиженской во второй половине XIX веке. Далее, согласно А.Берже, башни стояли на каждой версте. Многие из них оказались разрушеными во времена Кавказской войны, некоторые разобраны при строительстве домов жителями окрестных селений.

До нашего времени сохранилась значительная часть сигнальной системы в верховьях Аргуна, начиная с Шатойской башни, которая была реставрирована в

Крепость Васеркел

Горный пейзаж

Башни селения Пого

конце 80-х годов прошлого столетия. Шатойская башня имеет визуальную связь с Нихалойской, а та с Башенкалинской башней, встроенной в скалы почти у самой вершины каменистого утеса, с нее видна и Гучанкалинская башня. Последняя была связана с Чиннахойской башней, та же — с сигнальной башней у въезда в селение Итумкале, которая, в свою очередь, имела визуальную связь с Пакочским замковым комплексом и Бекхайлинской цитаделью. Пакочский замок и Бекхайлинская цитадель были связаны с сигнальными системами боковых ущелий. Боевые башни селения Дере имели визуальную связь с Хаскалинской и Эткалинской башнями, а также боевой башней у селения Хелды, с Бекхайлинской цитаделью, замком Басхой и боевыми башнями Дишни-мохк. Последние – с Хачароевской боевой башней и сигнальными башнями боковых ущелий, в том числе сигнальными башнями, находящимися выше по Аргунскому ущелью.

Во внутренних областях горной Чечни существовали свои сигнальные системы, имевшие связь с сигнальными башнями других ущелий. Например, были связаны между собой все башенные селения Майсты: Цакале, Васеркел, Пуога, Туга.

Сигнальная башня на вершине Майстинского хребта обеспечивала связь с замком Коротах на горе Коре-лам в Мелхисте, а через него и со всей сигнальной системой Аргунского ущелья.

Подобную же структуру имела и топография селений ущелий Терлой-мохк, которые через укрепление Кирд-бавнаш были также связаны с другими сигнальными башнями по берегам Аргуна.

Сигнальные системы Нашха, Пешха и других западных районов горной Чечни объединяла сигнальная башня на горе Варги-лам, возвышавшаяся над окрестными вершинами. С нее были видны боевые башни Кей, Акки, Ялхароя.

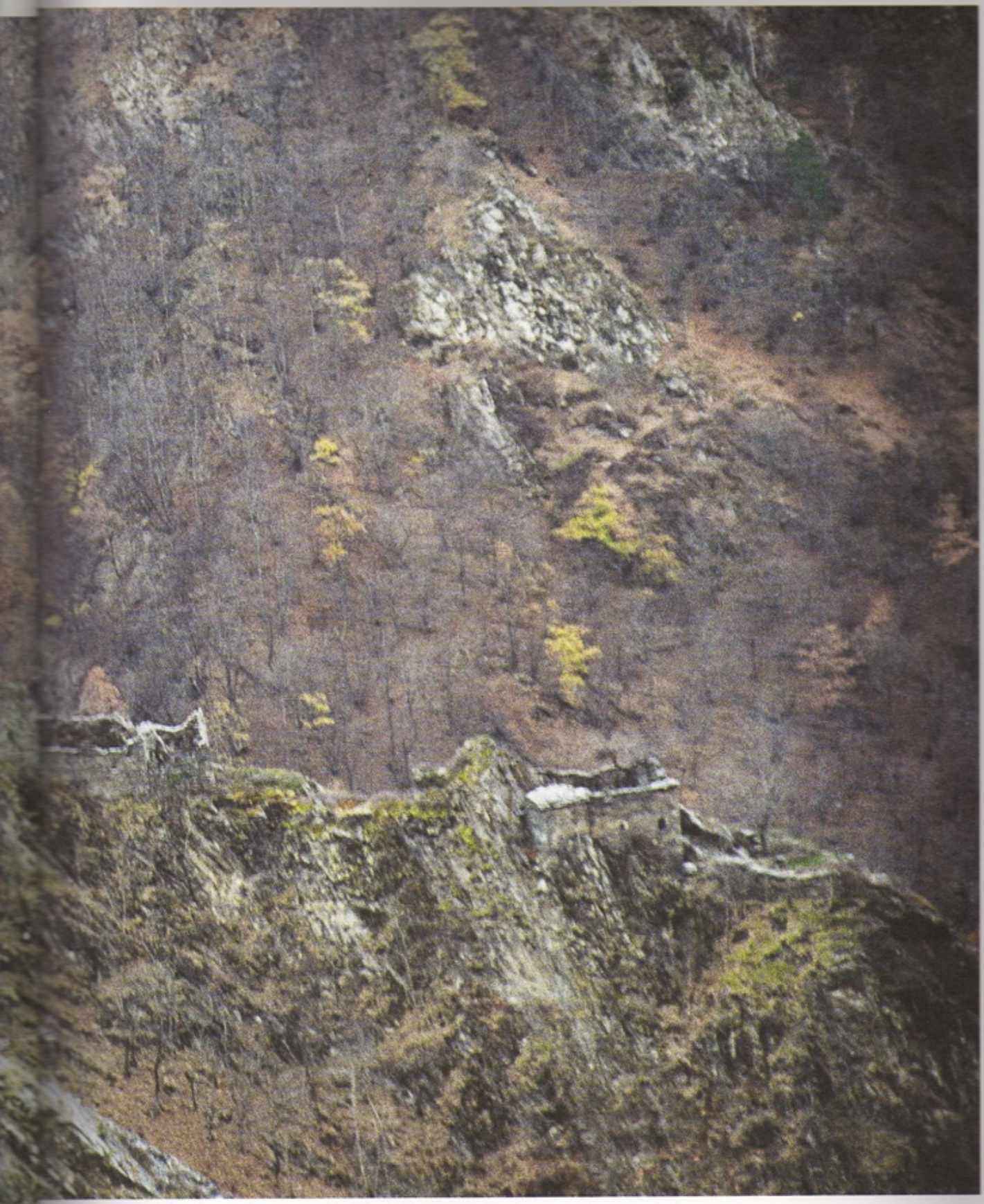
Селения Мелхисты были связывались между собой через замок Коротах, расположенный на вершине Коре-лам, откуда как на ладони открывается вся долина реки Меши-их с селениями Сахана, Икалчу, Тертие и пограничным с Ингушетией селом Меши, где сохранился мощный комплекс из одной боевой и двух жилых башен. Кроме того, с горы Коре-лам видны и башни разрушенного в средние века селения Цой-педе, и сигнальная башня Джарие, расположенная на очень высоком утесе, а на правом берегу Аргуна, на вершине, видны руины башни селения Доза.

В единую систему были объединены селения Шароя и Чеберлоя, которые через промежуточные башни были связаны с сигнальными башнями Аргунского и прилегающих к нему боковых ущелий.

Таким образом, в XIV–XV веках сторожевая и сигнальная системы в горной Чечне получают классическое завершение. Конечно, такая четко спланированная оборонительная система, учитывающая особенности рельефа, тактическую и стратегическую значимость тех или иных горных перевалов и дорог, не могла быть создана разрозненными территориальными общинами и вольными обществами. Для этого должно было существовать государство. И о его существовании и возможностях в определенный период времени нам напоминают сохранившиеся и по сей день звенья этого средневекового чуда горной Чечни – Великой Сигнальной Системы.

Коротахский замок

Осенний пейзаж в Майсте



Цитадель Бекхайла

Часть Бекхайлинской цитадели

Ущелье Майста

Шарой

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

КУЛЬТОВЫЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ IV–11

ДРЕВНИЕ КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ В ГОРАХ СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЧНИ почти не сохранились, в отличие от западных районов древнего расселения нахов. Это, вероятно, связано с тем, что ислам здесь распространился раньше, поэтому христианские храмы и языческие святилища в XVIII–XIX веках были большей частью разрушены.

Идея высшего божественного начала в средневековых языческих культах чеченцев была абсолютно абстрактной. В этом отношении она была

Пакочский средневековый комплекс

гораздо ближе к раннему христианству и исламу, чем к другим монотеистическим религиям. Она не могла быть воплощена в какие-либо конкретные формы и образы, как в позднем христианстве, и не требовала создания идолов. Функции второстепенных языческих божеств были низведены к функциям обычных христианских или мусульманских святых. В архитектуре до полной абстракции эта идея была доведена в столпообразных святилищах – небольших каменных столбиках, которые явились конечной ступенью развития языческих храмов и святилищ.

Об этом, кстати, писал И.А.Гильденштедт в начале XIX века: «Они (чеченцы –автор) имеют, однако ж, некоторые следы христианства, даже явственнее, нежели у других кавказцев. Они веруют токмо в единого Бога, именуемого ими Декла (Дела – автор), и не знают никаких других богов или кумиров, ниже святых».

Древние предания сохранили память о существовании в горах Чечни христианских храмов и монастырей и о деятельности миссионеров, которые, вероятнее всего, были византийскими, а позже генуэзскими монахами.

Следы христианства остались и в топонимике многих мест, в том числе и культовых, в горах Чечни, в календарных воззрениях и языке чеченцев. Но в чистом виде христианство на Северном Кавказе не привилось. Христианские идеи горцы восприняли через призму своих языческих верований. В конце концов язычество победило, но это было уже не идолопоклонничество, а синкретический культ, в котором смешались христианские, мусульманские, языческие и даже иудейские черты.

Одним из древнейших и основных религиозных культов нахов был культ Солнца, дневного светила, который позже трансформировался в культ Единого и Всемогущего Бога, творца и создателя, несущего свет миpам. Его имя, несомненно, связано с названием индоевропейского верховного божества неба deiuo (ср. древнегреч. Zeus, Dios, лат. Deus). Имена практически всех вайнахских языческих божеств и демонов имеют свои параллели в древних переднеазиатских и средиземноморских культах, а мифология перекликается с мифами, в том числе и древнегреческими.

Например, знаменитый античный миф о титане Прометее перекликается с чеченским мифом о нарте Пхармате, который похитил огонь у божества огня и грома Селы и отдал его людям, за что был прикован к вершине Казбека и осужден на вечные муки.

В чеченской версии Пхармат был кузнецом и ковал оружие из бронзы, что дает возможность отнести время появления этого мифа к концу III – началу II тысячелетия до нашей эры.

Склеп у селения Мощарой. Фото Э. Мамакаева

Ритуальный жернов у селения Туга

Каменная голова барана на стене Бекхайлинской башни

Архаические мотивы, сохранившиеся в чеченских сказаниях о нартах, являются подтверждением того, что нартский эпос первоначально зародился именно у нахов и получил широкое распространение на территории их расселения.

Основанием для этого могут также служить древнейшие пласты, зафиксированные в нартских сказаниях чеченцев, имеющие близкие параллели в древнегреческих мифах, существовавших, по крайней мере, в начале I тысячелетия до нашей эры. В начале третьей песни «Илиады» Гомер сравнивает сражение греков и троянцев с битвой журавлей и карликов:

Так лишь на битву построились оба народа
с вождями,
Трои сыны устремляются, с говором, с криком,
как птицы:
Крик таков журавлей раздается
под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь,
и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток
Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым,
пигмеям,
С яростью страшной на коих
с воздушных высот нападают.

В основе этого сравнения лежит античный сюжет о карликах, живущих на самом юге Океана, которые ведут войну с журавлями, ежегодно перелетающими в теплые края. В чеченской версии мифа, записанной С.-М.Хасиевым, объясняется причина этой вражды: «Своими неблаговидными делами и гордыней нарты прогневили Бога. Чтобы наказать их и унизить, Бог решил создать карликов — «пхагалбери» (в переводе с чеченского – заячьих всадников – автор), которые превосходили всех на свете физической силой, были неуязвимы для любого вида оружия и могли жить в разных измерениях. Карлики побеждали нартов, но оказались настолько коварными и жестокими существами, что со временем не только нарты, но и все живое на Земле обратилось к Богу с просьбой об избавлении от них. Вначале нарты решили, что карлики неуязвимы лишь для мужчин, и в бой с ними вступили амазонки, но и они не смогли одержать победы.

Вот тогда Создатель вспомнил о данном Им слове и решил вызволить из-под корней самых высоких гор души проклятых воинов, проявивших жестокость по отношению к врагу. Бог превратил их в журавлей, чтобы они низвергли карликов. С тех пор и существует вражда журавлей и пигмеев».

Древнегреческий миф о золотом руне является отголоском древнего кавказского (прежде всего нахского) культового праздника, который, вероятно, был связан с какими-то календарными циклами, а не только с распространенным на Кавказе способом добычи золота, как считали до сих пор многие исследователи.

По информации С.-М.Хасиева, еще в средние века в Чечне отмечали праздник, связанный с 11-летним календарным циклом. Во время празднества шкуру барана, обязательно белого и обладающего девятью необходимыми признаками, после специальной обработки

растягивали на дубовой раме «джаар» (крест). Это культовое сооружение, называвшееся «дашо эртал» – золотое руно, сохраняло магическую силу, по поверьям чеченцев, в течение одиннадцати лет и тщательно охранялось.

Имя хурритского божества неба Ану (шумерское Ан) имеет соответствие в нахском Ана. Подтверждением этому является название горизонта в чеченском языке – анайист буквально – «край, конец неба», или Аны.

Перекликаются с переднеазиатскими культовыми именами и названия таких нахских языческих божеств, как Эштр – Иштар, богиня любви у ассирийцев, Ма – Ма – Матерь богов, Дика – Дикэ, древнегреческая богиня справедливости.

В этом смысле интересную параллель с древнеегипетскими культами можно обнаружить в чеченском языке. Так, согласно египетской мифологии, одна из девяти сущностей человека называлась «са-ху» — оболочка души. В чеченском «са-ху» – это «семя души».

Языческие культы, так же как и мифология нахов, практически не изучены, тем более в сравнении с другими, переднеазиатскими, средиземноморскими, кельтскими, германскими, славянскими мифами, с которыми первые имеют много параллелей. Единственной обобщающей работой по этой теме остается труд Б.Далгата, который носит в основном информативный характер.

Помимо основных, в средневековье у нахов существовали и другие, второстепенные культы, которые имели прикладное значение, а сами языческие божества были антропоморфны, могли принимать облик обычных людей или животных и в таком виде непосредственно вмешиваться в человеческую жизнь.

Каменные жернова у селения Никарой. Фото И.Пальмина

КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Культовые сооружения Северного Кавказа исследователи делят на три основных вида:

— храмы
— святилища с полным внутренним пространством
— столпообразные святилища.

Христианские храмы, по крайней мере сохранившиеся до нашего времени в различных районах Кавказа, не отличаются большим разнообразием архитектурных форм. Независимо от того, представляют они собой прямоугольные постройки с двускатной кровлей (центральный район) или многокупольные сооружения (западный район), все они – типичные образцы византийской культовой архитектуры, получившей распространение почти во всех районах Кавказа, в том числе в Грузии и Абхазии.

Храмы в период существования аланского государства строились на Северном Кавказе в большом количестве, так как Византия пыталась расширить здесь свое влияние именно через христианство. Эти же цели преследовала и Грузия, сооружая христианские храмы в горных районах. К нашему времени большинство их разрушено людьми и временем.

О существовании в горной Чечне христианских храмов писали исследователи, посещавшие ее в XVIII веке, но до нашего времени ни один из них не сохранился.

Языческие святилища с полным внутренним пространством представляют собой прямоугольные постройки с двускатной кровлей, сложенной из шиферных плиток. В этом они напоминают уменьшенные копии христианских храмов типа однонефной базилики с двускатной кровлей. И, несомненно, именно архитектура храмов определила внешний облик языческих святилищ. Из-за внешнего сходства с погребальными наземными постройками эти святилища также называют склепообразными.

Святилища в большом количестве сохранились на территории Ингушетии ввиду того, что там языческие культы просуществовали буквально до начала XX века. Немало языческих святилищ с полным внутренним пространством в Средневековье сооружалось в горах Чечни, особенно в Майсте, своеобразном культовом центре нахов. Это был единственный район, где существовал особый жреческий клан, члены которого обладали тайными знаниями.

Сегодня почти единственным сохранившимся в горах Чечни языческим святилищем с полным внутренним пространством является святилище Терлой-дели в обществе Терлой-мохк. Оно представляет собой сооружение прямоугольной формы, сложенное из камней, с широким дверным проемом в виде арки. Постройка была, по всей видимости, довольно высокой, если высота сохранившейся стены составляет почти три метра. Со стороны фасада небольшая каменная ограда образует дворик. Согласно полевым материалам, два раза в году, весной и осенью, к святилищу собирались на молитву жители (только мужчины) Терлоевского и Бавлоевского ущелий. Кроме того, в дождливые годы сюда приходили молиться о прекращении ненастья, а в засушливое время просили дождя. Терлой-дели почитали и охотники, которые в качестве даров оставляли в святилище наконечники стрел, а также рога и шкуры убитых животных.

Столпообразные святилища «сиелингг» у некрополя Цой-педе

Святилищем считается также прямоугольная постройка типа жилой башни в селении Итум-кале. Внутри нее сохранились остатки каменных колонн и тайник, наличие которого позволяет отнести это сооружение к культовым постройкам.

Столпообразные святилища представляют собой вертикально вытянутые прямоугольные сооружения в виде столбов с квадратным основанием, выложенные из камня на известковом растворе. Квадратные сооружения обычно не имеют наверший. Святилища с прямоугольным основанием имеют двускатную или пирамидально-ступенчатую кровлю. Считалось, что столпообразные святилища посвящены божеству грома и молнии Селе, поэтому они назывались сиелингами.

В горах Чечни сохранилось несколько столпообразных святилищ. Два из них в Мелхисте, у некрополя Цой-педе. Они представляют собой невысокие каменные столбики с квадратными нишами.

Существует сиелинг и в Майсте, в селении Ца-кале. Это довольно высокое (до двух метров) столпообразное сооружение, выложенное из хорошо обработанного камня на известковом растворе. На южной стороне имеются две глубокие квадратные ниши. Верхняя часть святилища разрушена, поэтому невозможно судить о характере кровли.

Столпообразное святилище с прямоугольным основанием сохранилось в обществе Терлой, на окраине селения Мацарой. Оно находится рядом с кладбищем, состоящим из наземных склеповых могильников и поздних мусульманских захоронений. Стены святилища сложены из серого плитняка на известковом растворе, оштукатурены и побелены желтоватой известью. Кровля у него пирамидально-ступенчатая. Высота святилища – более двух метров. Со стороны фасада имеется стрельчатая ниша. Согласно полевым материалам, возле него совершались различные языческие обряды, приносили в жертву животных, путники, собираясь в дорогу, просили себе доброго пути.

К культовым постройкам относятся, вероятно, и «кулли», или «хаша бен», так называемые дорожные гостиницы, представлявшие собой небольшие каменные домики с двускатной кровлей. Их строили обычно у родников для запоздавших в дороге путников. Первоначально строительство «кулли» было связано с культом дороги, сохранившимся в различных реликтовых традициях у горцев Кавказа.

Кроме того, в качестве культовых построек использовали и наземные склепы с открытой поминальной камерой, которые также могли иметь двор, огороженный каменной оградой. Они назывались «кашков». Подобный склеп сохранился в селении Тертие в Мелхисте. Он крупнее обычных склепов. Фасад его украшен ромбовидными и квадратными узорами в виде углублений, спиралью, а по краям и над входом – каменными бараньими головами. Здесь, согласно полевым материалам, совершались языческие обряды, а также ритуал поминовения, который назывался «кашмарт», то есть «могильная трапеза». Кроме того, «кашковы» использовались и в общественной жизни села. Здесь заседал совет старейшин, а рядом – сельский сход.

Анализ архитектуры культовых сооружений на территории древнего расселения нахов приводит к мысли о том, что от эпохи Раннего средневековья к его позднему периоду идет упрощение и, по сути дела, деградация архитектурных форм. Постройки византийской архитектуры, обладающие завершенными формами, вырождаются сначала в склепообразные святилища, а затем в столпообразные си-

Снелинг в Ца-кале

Мечеть в селении Химой после реставрации

Мечеть в селении Химой до реставрации

елинги. В духовном плане этот процесс сопровождается возвратом горцев от христианства к языческим верованиям, но уже имеющим сильные христианские наслоения.

В отличие от культовой архитектуры башенная культура нахов в этот период очень бурно развивается, совершенствуется строительная техника, жилые и боевые башни получают классические, завершенные формы, возникают башенные комплексы. Расцвет башенного строительства в Чечне приходится на XV–XVII века, в Ингушетии – на XVII–XIX века. На этом фоне деградация архитектурных форм культовых сооружений кажется очень странной.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Погребальные сооружения, наряду с жилыми и боевыми башнями, относятся к наиболее многочисленным средневековым постройкам в горных районах Центрального Кавказа. В горах Чечни существуют два крупнейших на Кавказе некрополя: Васеркел в Майсте и Цай-пхеда в Мелхисте. В каждом из них насчитывается более полусотни каменных склепов. Кроме того, небольшие группы склепов, а также одиночные погребальные сооружения сохранились на территории почти всей горной Чечни, от ущелья Фортанги на западе до течения реки Шаро-Аргун на востоке. В восточных районах Чечни (Ичкерия, Чеберлой) подобных сооружений не сохранилось, но существует множество надмогильных склепообразных памятников, являющихся реликтами древней склеповой погребальной культуры.

Эткалинская мечеть

Утро в горах

Погребальные сооружения нахов делятся на три основных типа: подземные склепы, полуподземные склепы, надземные склепы.

Подземные склепы – это полностью погруженные в грунт прямоугольные погребальные камеры, стены которых выложены из камней, а кровля сделана из каменных плит. Внутри камеры вдоль стен устраивались каменные полки в несколько рядов. На них укладывали умерших. В одной из поперечных стен проделывался прямоугольный вход, который после совершения ритуала захоронения засыпался землей. Подземные склепы практически незаметны на поверхности земли. Их можно обнаружить по небольшим пологим холмикам.

Полуподземные склепы отличаются от подземных лишь тем, что часть стен с кровлей и вход вынесены на поверхность склона. Внутри них также устроены каменные полки. Часто в таких склепах сводчатые потолки, образованные за счет наклона кладки боковых стен.

Наземные склепы – это тип погребальных сооружений, которые полностью вынесены на поверхность земли. Чаще всего они представляют собой прямоугольные постройки с двускатной, плоской или пирамидально-ступенчатой кровлей. Стены выложены из камня, кладка на известковом или известково-глинистом растворе. Со стороны фасада они обычно имеют квадратный лаз, а если склеп двухэтажный, то два – на каждом этаже по одному. Старики утверждают, что в старые времена эти отверстия закрывались специальными каменными плитами.

Внутри склепов – каменные полки в несколько рядов. Для чеченских склепов более характерны двускатные гладкие кровли, но довольно часто почти во всех районах распространения этой погребальной культуры встречаются и плоские, и пирамидально-ступенчатые кровли.

Наземные гробницы имеют самые разные формы даже в пределах одного некрополя. Но все они выполнены в одном строительном стиле. Стены выложены из слегка обработанных камней, чаще всего плитняка, потолки выполнены в технике ложного свода, то есть за счет постепенного напуска камней, квадратные отверстия или лазы устроены со стороны фасада.

Склепы с двускатной кровлей часто имеют стрельчатые ниши с передней стороны. На фасаде большинства склепов – небольшие углубления в виде квадратов. Иногда склепы украшались различными петроглифами и скульптурными изображениями.

Некоторые склепы состоят из двух помещений, одно из которых поминальная камера. Вдоль стен устроены скамьи из камня и ниши для свечей. В ней родственники в дни священных праздников пили ритуальное пиво и поминали покойных.

Наряду со склепами в некрополях встречаются погребения в так называемых каменных ящиках. По мнению исследователей, это свидетельствует о глубоких социальных различиях в среде оставивших их обществ.

Помимо этого, в горной Чечне встречаются и пещерные

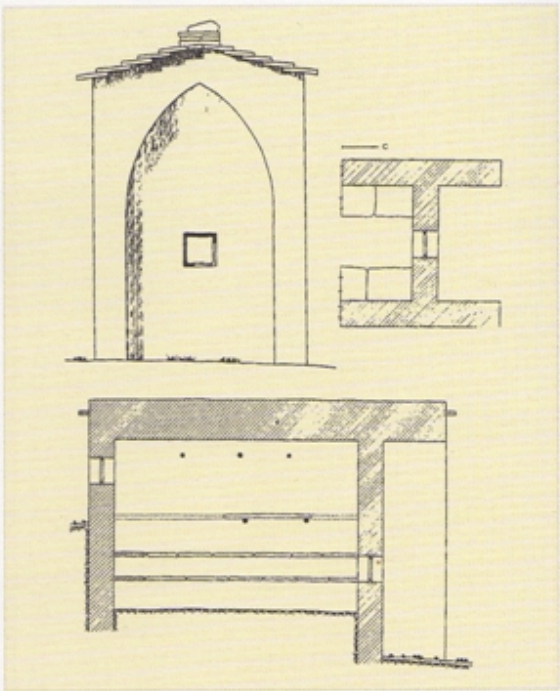
Полуподземный склеп у селения Кокадой

склепы (Шатой, Ялхарой, Чермахой, Итир-кале, Васеркел). По информации В.Тменова, как аланские памятники они известны в Крыму, где датируются VI–VIII веками.

Возникновение и существование коллективных склеповых захоронений датируется X–XV веками. Однако, по мнению некоторых ученых, коллективные захоронения в каменных склепах существовали на территории Центрального Кавказа с эпохи бронзы, то есть со II тысячелетия до нашей эры (Гатын-кале, Эгикал). Еще более ранними являются дольмены Северо-Западного Кавказа, которые также имеют отношение к древним нахским племенам.

Наиболее убедительной точкой зрения на происхождение архитектурных форм склепов нам представляется гипотеза археолога Л.Г.Нечаевой, согласно которой склеповый погребальный обряд является горным вариантом катакомбного обряда. Возникновение склепов, по ее мнению, обусловлено отсутствием грунта, пригодного для вырубки катакомб, и обилием строительного камня. С появлением новой строительной техники начинает изменяться и архитектоника могильного сооружения. Подземные склепы становятся полуподземными, а затем «поднимаются» на поверхность. Архитектура наземных погребальных сооружений развивается уже под влиянием других видов построек – жилых, культовых и боевых.

Согласно одной из чеченских легенд, склепы начали строить во время эпидемий, когда люди оставляли свои селения, спасаясь от мора, и некому было хоронить умерших.



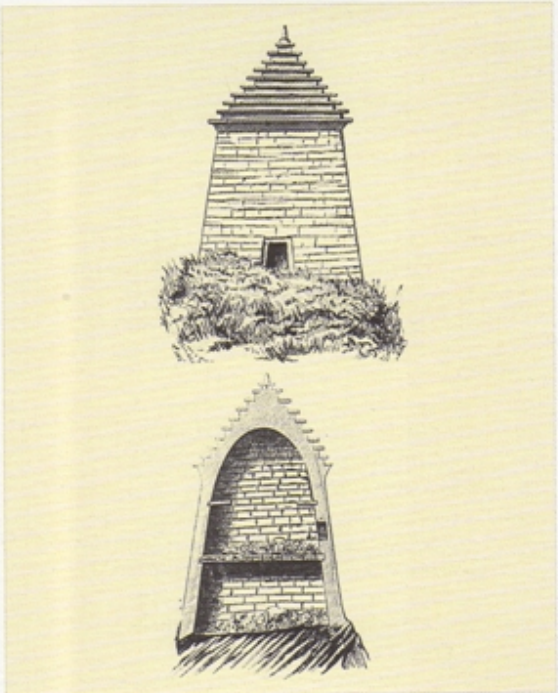
План склепа некрополя Цой-педе. Чертеж В.И.Марковина

Склеп у селения Коротах

Больные приходили в склепы и умирали на каменных полках, а те, кто выживал, возвращались в селение.

Другая легенда связывает появление склепов с культом Селы – бога грома и молнии. По поверью, когда Селе нравился какой-нибудь человек, он поражал его молнией. Умерших таким образом людей стали класть в склепы. Когда долго не бывало дождей, их тела выносили из могильника. Считалось, что Села пошлет дождь, чтобы омыть тело покойников.

Истинная причина появления склеповых захоронений, на наш взгляд, объясняется, скорее всего, какими-то канонами языческого культа, но вряд ли малоземельем в горных условиях. Само чеченское название склепа – малхкаш (солнечная могила) позволяет связать эту погребальную культуру с культом Солнца. Возможно, таким образом нахи давали возможность своим умершим предкам не покидать этот солнечный мир. Ведь, согласно древним религиозным воззрениям нахов, Солнце является светилом этого мира, а в подземном мире светит Луна. К тому же склепы были фамильными. Люди и в загробном мире оказывались под одной крышей, вблизи от живых родственников. Согласно языческой мифологии нахов, люди и в мире мертвых живут родственными группами – «всякий умерший отправляется к своим родственникам, умершим ранее». Возможно, поэтому некрополи всегда располагали рядом с селением. Прошлое как бы сосуществовало с настоящим, живые с мертвыми, образуя единый мир, в котором отсутствует время.



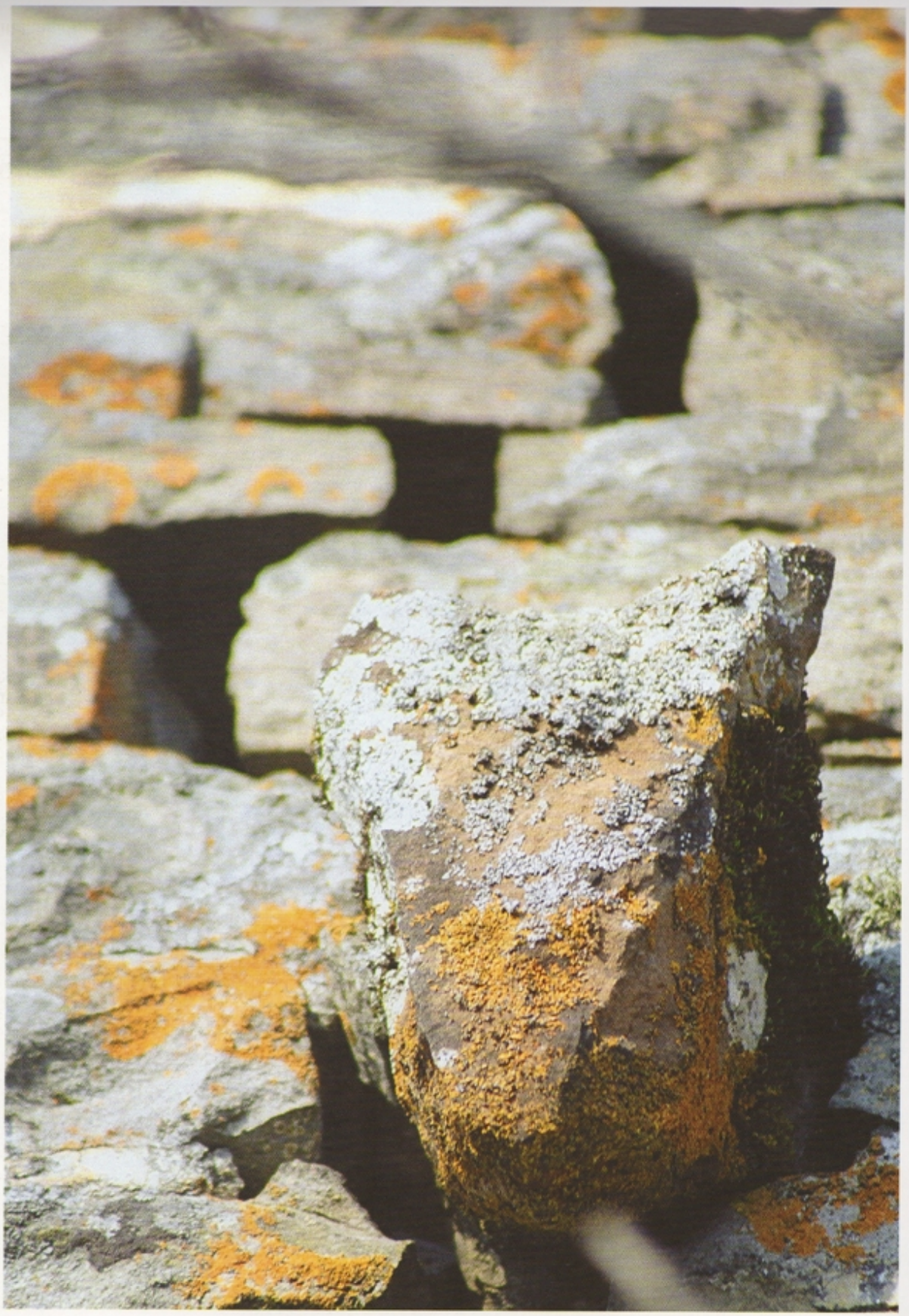
Склеп с пирамидально-ступенчатой кровлей. Рис. Вс.Миллера, 1888 год

Склеп у селения Коротах

Склепообразное святилище у селения Тертие. Фото И.Пальмина

«Распятие» на стене боевой башни в селении Цой-педе

Арочный камень с петроглифами.Селение Химой ▲
Ритуальный камень в селении Гамхи ▶



Каменная голова барана на стене Бекхайлинской башни

Крестообразная каменная стела у селения Нихалой

Столпообразное святилище у селения Моцарой. Фото И.Пальмина

Хакмадойская мечеть

Эткалинская мечеть

Никаройская мечеть. Фото Э.Мамакаева

Склепы Васеркел

Склеп на горе Мизир-корт. Фото И.Пальмина

Некрополь Васеркел

Склеп у селения Коротах

Некрополь Цой-педе

Некрополь Цой-педе. Склеп с плоской кровлей

Склеп в ущелье Терлой-мохк. Фото Э.Мамакаева

Склеп у селения Ихальчу. Фото Э.Мамакаева

Полуподземный склеп с пирамидально-ступенчатой кровлей. Фото Э.Мамакаева

Склепообразное надгробие в Чеберлое. Фото С.Абаева

Склепы Васеркел

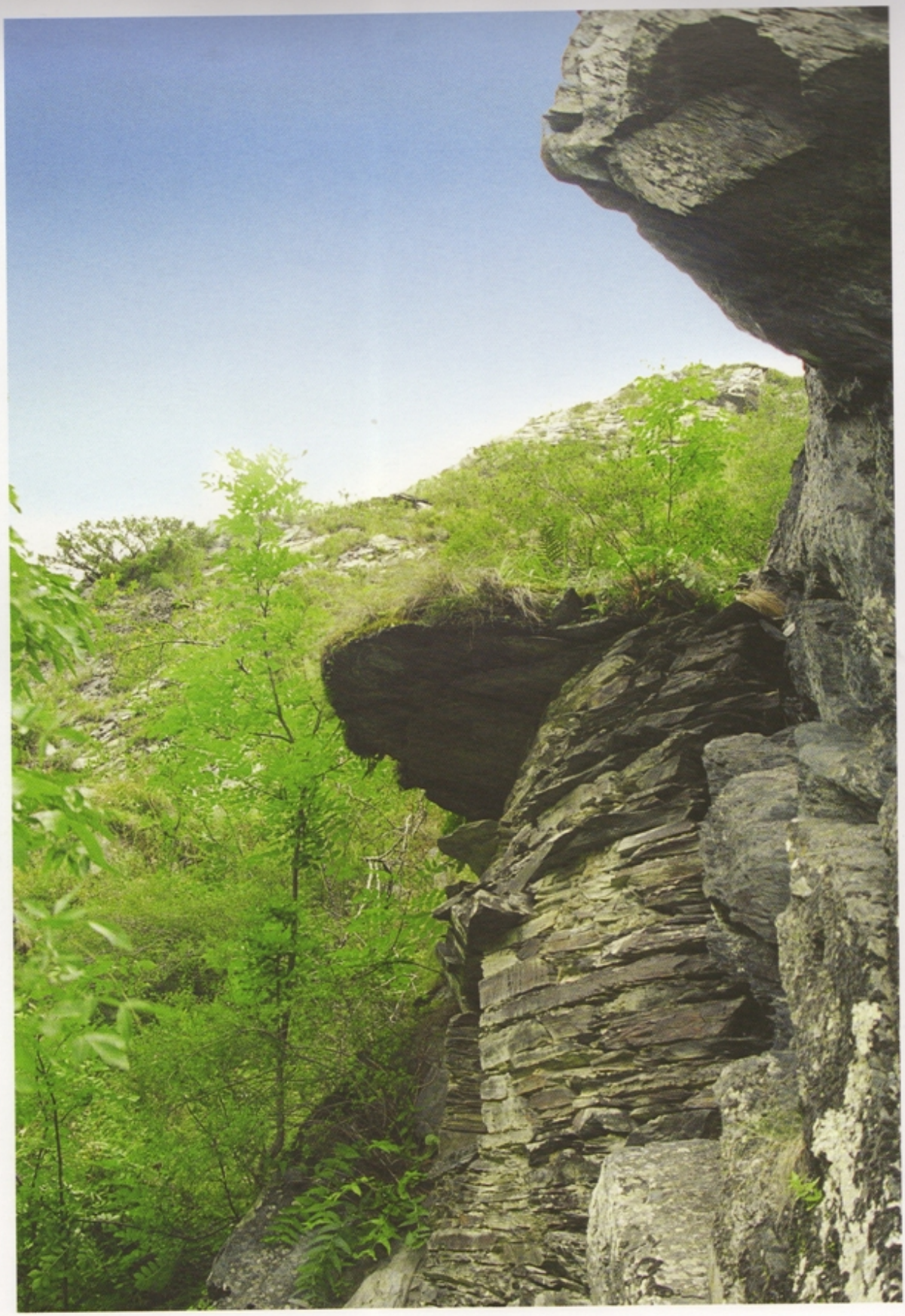
Склеп Цой-педе

Склепообразные могилы в Майсте

Склеп в Майстинском ущелье

Склепы и сиелинг в Цой-педе

Некрополь Цой-педе



Склеп, встроенный в скалу. Некрополь Васеркел

Склеп с пирамидально-ступенчатой кровлей

Склеп на высокой скале. Некрополь Цой-педе

Склеп с двускатной кровлей. Васеркел

Некрополь Васеркел. Двухэтажный склеп

ПЕТРОГЛИФЫ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ АРХИТЕКТУРА IV-12

ПЕТРОГЛИФЫ, МАГИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НА БАШЕННЫХ ПОСТРОЙКАХ И СКЛЕПАХ, широко распространены по всей горной зоне Чечни. Ранее считалось, что они встречаются главным образом в восточных районах, пограничных с Дагестаном. На самом деле их немало на башнях и в Аргунском ущелье, и западнее, в Нашхе и окрестностях озера Галанчож.

Ученые считали, что петроглифы возникли в эпоху активного строительства башен и склепов, то есть в XI–XVI веках. Но самые последние исследования показали, что они гораздо древнее и имеют сходство со знаками, нанесенными на керамику и металлические изделия племен кобанской культуры начала I тысячелетия до нашей эры. Среди кобанских знаков встречаются почти в аналогичном виде и лабиринт, и двойные спирали, и солярные знаки различного вида, в том числе свастика с закругленными и прямоугольными концами, человеческая ладонь, змеевидные изображения, фигуры людей и животных. Такие петроглифы относятся к наиболее распространенным среди магических знаков, которые можно увидеть на средневековых архитектурных постройках горной Чечни.

Кроме того, чеченские петроглифы имеют параллели со знаками шумерского пиктографического письма, с буквами архаического этрусского алфавита.

Петроглифы. Шарой

Эткали

К наиболее часто встречающимся петроглифам относятся так называемые солярные знаки и различные изображения небесных светил и Вселенной. Это, конечно же, связано с культом Солнца, одним из древнейших религиозных культов, распространенных не только на Кавказе, но и везде, где возникли древние цивилизации. Культ Солнца был распространен среди нахов, по всей вероятности, еще с III–II тысячелетия до нашей эры и просуществовал почти до конца I тысячелетия нашей эры. Культ Всемогущего и Великого Дела, единого Бога, властного над всем сущим на земле и небе, существовал у чеченцев еще до распространения христианства в Раннем Средневековье и принятия ислама. Несомненно, на него повлиял культ солнечного света, культ дневного светила.

Культ солнца, как и сопутствующий ему культ огня, был основными и главным и у древних нахов во времена бронзы и раннего железа, и у алан (равнинных нахов) в начале нашей эры.

Даже военно-политический союз нахских племен во второй половине I тысячелетия до нашей эры был известен в античных источниках и у абхазо-адыгских соседей по имени верховного божества нахов – «Малх» (солнце).

К древнейшим солярным знакам, которые получили широкое распространение в Древнем Египте, Передней Азии, Средиземноморье, относятся крест, крест в круге с точками вокруг, свастика и триквестр. Крест как знак солнца становится символом воскресения и бессмертия, четыре его луча символизируют и четыре стороны света, и четыре времени года, и четыре стихии: огонь, воду, воздух, землю. Позже христианство принимает крест как символ религии, а в исламе крест сохраняет древнейшее значение символа четырех сторон света. Крест как оберег встречается на многих башнях в горах Чечни именно на арочных камнях дверных проемов, как бы преграждая вход всему враждебному, плохому. Например, на боевой башне Кошан-боув у некрополя Цой-педе, в Мелхисте, на боевой башне в Никарой, на многих жилых башнях в ущельях Шаро-Аргуна и Аргуна.

Наиболее интересной формой креста является свастика, загнутые концы которой символизируют движение солнца по небосводу, движение всего сущего в природе. У древних нахов свастика была символом вечной жизни, символом бессмертия, универсальным оберегом. Изображения свастики встречаются на чеченских башнях в различных вариантах: прямоугольные, криволинейные, стилизованные. Классическая прямоугольная свастика выгравирована на дверном проеме жилой башни в селении Химой. Подобный знак можно видеть на древней керамике в Центральной Европе. Криволинейная свастика выгравирована на арочном камне жилой башни в селении Итум-кале, на жилой башне в селении Зенгали, в Западной Чечне. Она также обнаружена на Северном Кавказе на керамике и металлических изделиях I тысячелетия до нашей эры.

Соответствия между чеченскими петроглифами и изображениями на кобанских изделиях. Из работы Г.Р.Смирновой "Кобанские аналогии некоторых чеченских петроглифов"

Ца-кале

С культом солнечного диска связано и изображение круга, к которому восходят многие языческие ритуалы и магические талисманы. Более поздним по отношению к кругу и к кресту является символ крест в круге. Это идеограмма символизирует непрерывность движения солнечного диска по небесному своду, знак мифологической солнечной колесницы. Такие петроглифы можно видеть на многих башнях горной Чечни: в Мелхисте, Аргунском ущелье, в Чеберлое.

К солярным символам относятся и так называемые розетки и ромашки. Их изображение связано с земледельческим календарем: ромашки с четырьмя лепестками символизируют календарный год, с тремя – сельскохозяйственный.

Все эти символы, связанные, прежде всего, с древними земледельческими культами умирания и воскрешения солнца, смертью осенью и воскрешением живой природы весной, родились вместе с земледельческими цивилизациями.

Если кресты и свастики наносились в основном на арочные камни дверных проемов, то спирали, чаще всего двойные, изображались на угловых камнях. Двойные спирали в различном виде и стилизациях также относятся к наиболее распространенным петроглифам на башнях горной Чечни. Они встречаются на многих боевых и жилых башнях в ущелье Тазбичи, Шарое, Итум-кале, Мелхисте, Майсте и других районах, а на камне боевой башни у селения Хаскали выгравирована тройная спираль.

Двойные спирали одни исследователи считают также солярными знаками, символизирующими движение Солнца по небу от восхода до заката. Другие полагают, что они символизируют форму Вселенной. Но в любом случае тот факт, что в основном их наносили на камни или стены башен, наводит на мысль о том, что они должны были придавать постройке устойчивость, вечность.

Со спиралью как с символом связан знак лабиринта, который также часто встречается на склеповых постройках горной Чечни.

Лабиринт символизировал у древних ритуал инициации, когда душа человека, пройдя множество кругов чистилища в мире мертвых, возвращалась к нему чистой и обновленной.

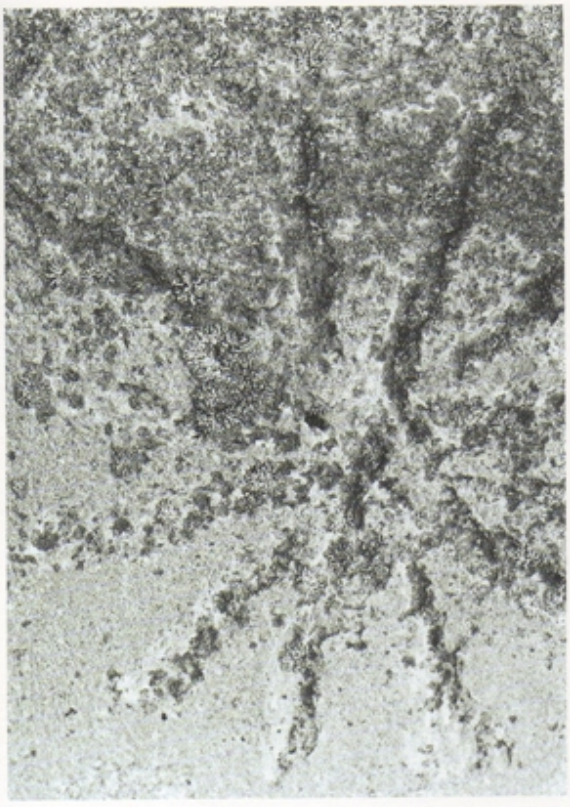
Петроглиф в виде двух пересекающихся колец (символ планеты Сатурн) выгравирован на стене боевой башни у селения Хаскали. Он интересен тем, что подобного знака нет не только на других чеченских башнях, но и вообще на Кавказе.

Петроглиф в виде руки или раскрытой ладони встречается в наскальных росписях древней Европы уже со времен верхнего палеолита. Он существует

Кезеной

Цой-педе

Хой



Хой

почти на всех чеченских боевых башнях. Изображение человеческой руки символизировало силу, власть, созидающее начало. Кроме того, одним из значений ладони было владение, собственность. Оттиск ладони, по всей видимости, был древнейшим видом личной печати владельца. В чеченском языке с ладонью – «ка» связаны названия внешних атрибутов собственности: ков – ворота, керт – огороженное владение.

В древности на Северном Кавказе, как и в других регионах Европы, был обычай отрубать десницу убитого врага и прибивать к стене своего жилища. По-видимому, считалось, что таким образом победитель отнимает у врага и его силу. Петроглиф в виде ладони на кавказских башнях считается «автографом» мастера-строителя, который он оставлял после завершения строительства. Но на чеченских башнях есть петроглифы и в виде сочетания двух ладоней — на жилой башне в Итум-кале, и в виде человеческой руки ладонью вниз (на дверном проеме боевой башни в селении Хайбах).

Кроме того, на чеченских башнях широко распространены петроглифы, изображающие человеческие фигуры в различном виде. Древнейшими из них, по всей видимости, являются изображения фигур с несоразмерно большими ладонями, которые встречаются и среди петроглифов Северной Европы, и в виде бронзовых статуэток кобанской эпохи, и на многих башнях в горной Чечне. Иногда эти фигуры имеют утрированно большие детородные органы, что связано с культом плодородия, одним из древнейших земледельческих культов. Подобные петроглифы изображены на арке оконного проема жилой башни в селении Хаскали, а в стилизованном ви-

Никарой

де – на башне в селе Химой. Стилизованные фигуры людей рядом с криволинейными свастиками нанесены на стены жилой башни в селении Итумкале.

Нередко на башенных постройках горной Чечни можно увидеть и петроглиф в виде всадника, порой в стилизованном виде. Например, на боевых башнях в селениях Эткали, Дере, Чинхой. Он также относится к древнейшим изображениям человека и животного и встречается в наскальных росписях IV тысячелетия до нашей эры. Иногда изображение перевернуто, как, например, на боевой башне в селении Дере, это связано со вторичным использованием камней с петроглифами. По всей видимости, такие камни считались священными и обязательно переносились при строительстве в новое строение. Очень часто они являются более древними, чем сами башни, и отличаются уровнем обработки и отделки. Особенно это бросается в глаза, когда смотришь на жилую башню в селении Васеркел, в Майсте. Почти целый ряд камней имеет множество петроглифов. Эти камни отличаются от других и фактурой, и цветом, и уровнем отделки.

На чеченских башнях можно увидеть также петроглиф, изображающий охотника или сцену охоты, например, на стене жилой башни в ущелье Тазбичи. Часто это изображение лука со стрелой (Чеберлой, Майста).

Встречаются и фигуры отдельных животных, в основном стилизованные. Наиболее распространено изображение оленя. По всей видимости, олень относится к наиболее древним культовым животным у нахов. Бронзовые фигурки оленей, относящие к кобанской культуре, найдены на территории Центрального Кавказа, который с древнейших времен населяли предки нахов. О древности культа оленя свидетельствует и то, что название оленя — «сай» в чеченском языке относится к такому лексическому ряду, как «са» — душа или «са» — свет.

Встречается среди петроглифов и изображение коня, который считается у чеченцев священным животным. Например, вплоть до середины XX века, то есть до выселения в Казахстан, чеченцы не употребляли в пищу конину, хотя она не считается запретной для мусульман. Обычно культ коня связывают с культом солнца. Древние люди воспринимали солнце как божество, которое передвигается по небесному своду на колеснице, запряженной золотыми конями. По всей видимости, именно этому мифу посвящен петроглиф, изображающий человека, колесо и лошадь, на камне жилой башни в ущелье Тазбичи.

Бык относится к числу наиболее распространенных тотемных и священных животных в Передней Азии, на Кавказе и в Средиземноморье. Священный бык был символом плодородия и связан с культом Великой Матери. В чеченской мифологии сохранилось множество сюжетов, в которых бык являет собой священное начало,

Цо-кале

например легенда о возникновении озера Галанчож. В нахском языческом пантеоне с быком связан культ божества грома и молнии Стелы.

Кроме того, в чеченском языке сохранился ряд понятий родства, восходящих к слову «сту» – бык, например: «сте» –женщина, жена, «стунцхой» – родственники жены, «стунана» – теща.

Изображение барана также можно найти на чеченских башнях, но только не в виде петроглифа, а в виде каменной скульптуры. Каменной головой барана украшен фасад жилой башни в Химое, двумя подобными скульптурами (большой и маленькой) – фасад боевой башни на горе Бекхайла.

Нередко на камни наносятся не только отдельные петроглифы, но и множество изображений, образующих целый сюжет. К примеру: группа из трех диких животных с направленным на них луком со стрелой в Моцарое; охотник, который целится копьем в оленя на каменной постройке в Макажое или охотник с луком, направленным на оленя. Последний сюжет интересен еще и тем, что рядом с охотником изображена собака.

Самым длинной является петроглифическая надпись на стене жилой башни в Майсте, на высоком, крутом берегу Майстойн-эрк. Она впервые был опубликована австрийским ученым Бруно Плечке. Эта надпись, вероятнее всего, является одним из видов древнего нахского идеографического письма и состоит из двадцати симво-

1— Пакоч, 2— Шулкат, 3— Нихалой

Пакоч

Химой

лов, среди которых встречаются и различные солярные знаки, и сцена охоты, представляющая собой стилизованные фигуры человека и оленя, между которыми изображен лук. Завершается она двумя крестами в круге, разделенными двумя направленными друг на друга стрелками.

Следует заметить, что многие петроглифы на башнях, особенно связанные с солярной символикой, выполняли календарные функции.

У чеченцев с древнейших времен существовал довольно точный календарь, который в Раннем Средневековье подвергся определенному влиянию христианства. Год состоял из двенадцати месяцев и насчитывал триста шестидесять пять дней. По временам года он делился на четыре части. Согласно полевым материалам, собранным З.Мадаевой, месяцы у чеченцев имели следующие названия:

1. Нажи-бутт – январь;
2. Мархи-бутт – февраль;
3. Биэкарг-бутт – март;
4. Тушоли-бутт – апрель;
5. Сели-бутт – май;
6. Мангал-бутт – июнь;
7. Мятсел-бутт – июль;
8. Эгиш-бутт – август;

Васеркел

9. Тав-бутт – сентябрь;
10. Ардар-бутт – октябрь;
11. Эрх-бутт – ноябрь;
12. Огой-бутт – декабрь.

Каждый месяц состоял из четырех недель, а неделя из семи дней:

1. Оршот-де – понедельник;
2. Шинари-де – вторник;
3. Кхаари-де – среда;
4. Еари-де – четверг;
5. Периска – пятница;
6. Шуота-де – суббота;
7. Киран-де – восресенье.

Первым днем недели считался понедельник. Все это еще раз подтверждает влияние христианского календаря.

Сутки у чеченцев в прошлом делились, так же как и год, на четыре периода, по вертикали и горизонтали. Утро связывалось с добрым началом, с приходом света, солнца, вечер – с духами тьмы. Ночью миром властвовали темные, злые силы, и поэтому в это время суток запрещалось работать, а также начинать какое-либо серьезное дело.

Время суток чеченцы определяли различными способами: по вершинам гор (гора Iуьйре-Дукъ в обществе Терлой), по солнечным часам (селение Химой), по специально установленным каменным стелам, по зарубкам на стенах башен или входных и оконных арках.

Если башни являлись семейной собственностью, на них обязательно были фамильные знаки, или тамги. Они наносились на арочные камни нижних дверных проемов или просто на стены фасада. Фамильными знаками могли служить любые изображения, в том числе буквы грузинского или греческого алфавитов, стилизованные фигуры животных, различные символы. Фамильные знаки как бы напоминали гостям о древности и силе семьи, проживающей в башне. Что касается гостей, то, уходя, они часто оставляли изображения своих фамильных гербов на деревянных дверях башни. С одной стороны, это было проявлением уважения по отношению к хозяину, с другой – поднимало его авторитет в глазах новых гостей.

Несмотря на то что петроглифы на чеченских башнях и склепах являются предметом науки уже более ста лет, они относятся к наиболее слабо изученной области чеченской культуры. Исследователям еще предстоит немало работы: собрать воедино все изображения, расшифровать их, найти параллели и аналогии в культурах других древних цивилизаций Европы, Передней Азии и Средиземноморья.

Эткали

Пакоч

Тертие

Моцарой

Моцарой

Никарой

Эткали

Хой

Эткали

Дере

Кокадой

Хаскали

Химой

Химой

Эткали

Хоскали

Хелды

Эткали

Химой

Хой

Гимрой

Цой-педе

Цой-педе

Цой-педе

Ца-кале

Эткали

Хакмадой

Химой

Химой

Дере

Тертие

Бекхайла

Эткали

Хаскали

Цой-педе

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ЧЕЧНИ

V

В XIV–XV ВЕКАХ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ складывается несколько тукхумов, или военно-политических союзов, которые объединяются в единую ассоциацию – Мохк. Эти союзы были, в свою очередь, объединениями тейповых общин.

Они формируются по территориальному и ландшафтному признаку: в тукхумы объединяются тейпы или общества, живущие в соседних ущельях, имеющих доступное сообщение. Именно в этот период в горах Чечни и складываются исторические области, которые определяют культурный облик чеченских гор в Позднем Средневековье.

Рассвет в горах ▲
Руины селения Цой-педе ▶

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ЧЕЧНИ

V-1

НАШХ

НАШХ – ЭТО ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ НА ЗАПАДЕ ЧЕЧНИ, у истоков реки Гехи. На западе она граничит с Акки-мохк, на юге – с обществом Терла, на востоке – с Пешхом.

Согласно чеченским преданиям, в Нашхе находилась древнейшая столица чеченцев. Здесь родился легендарный герой Чечни—Турпал Нахчо. Отсюда вышли все коренные чеченские тейпы и расселились на восток и север, от Ичкерии до берегов Сунжи и Терека. В старинной чеченской песне поется:

Как от удара шашки о кремень сыплются искры,
Так мы рассыпались от Турпала Нахчо.
Мы родились ночью, когда щенилась волчица.
Нам дали имя утром, когда барс ревом своим
Будил окрестность.
Вот мы кто, потомки Турпала Нахчо.
Когда перестает дождь – небо становится ясным.
Когда сердце бьется свободно в груди – глаза не льют слез.
Так вверимся Богу. Без него нет победы.
Не посрамим славы нашего Турпала Нахчо!

Башня в селении Хайбах. Рисунок Вс.Миллера, 1888 год

Вечер в ущелье Нашх

В Нашхе почти до середины XIX века хранился огромный медный котел. Он был украшен продольными пластинами, на которых были выбиты названия коренных чеченских тейпов. Котел был распилен на пластины по приказанию имама Шамиля, который всегда стремился уничтожить все, что связано с древней историей чеченцев, будь то башни или старинные грамоты и рукописи. В Нашхе же, по преданию, хранилась национальная хроника – къоман тептар, рассказывающая о происхождении коренных чеченских тейпов, и национальная печать – къоман мухар.

В Нашхе долгие годы собирался Мехк кхел – Совет страны, в который входили представители вольных нахских обществ.

Чеченцы, жившие в XIX веке, считали, что именно в Нашхе нормы чеченского права сохранились в первозданной чистоте, и старейшины из других районов Чечни посылали туда истцов для проверки правильности вынесенного приговора. Это служит подтверждением тому, что предания многих ичкерийских и чеберлоевских тейпов об их происхождении из Нашха не просто поэтический вымысел, а исторический факт.

Нашх, вероятно, был своего рода перевалочным пунктом для чеченских племен при их миграции с запада на восток. О том, что нахские племена в древности занимали западные области Кавказа, свидетельствует топонимика этих мест, подтверждают это и некоторые исторические источники, например «Армянская география VII века» Анания Ширакаци, а также труды античных авторов.

По всей видимости, под Нашхом до XIV–XVII веков (период массовой миграции чеченцев с запада на восток и с юга на север) подразумевалась или более обширная территория, или, как считает С.-М.Хасиев, столица страны нахов.

По мнению Ю.Д.Дешериева, чеченцы как этнос сложились на территории к западу от Аргунского Ущелья. Именно здесь они осознали себя как единый народ – «къам» и единство страны — «мохк». Здесь зародились основы чеченской духовной культуры, сформировались религиозные культы, мифология чеченцев.

Еще в средние века, независимо от того, где они жили, на самом востоке Чечни, на границе с Дагестаном или на западе, в ущелье реки Асса, чеченцы ощущали себя едиными по языку и происхождению.

Передвигаясь в поисках новых земель на восток и север, чеченцы не забывали о своих истоках. Даже в наше время, совсем еще недавно, старики, задавая человеку вопрос о его происхождении, спрашивали: «Из Нашха ли происходит ваш тейп?» То есть является ли он древним, знатным.

В Галанчожской котловине сохранилось много культовых мест, с которыми связаны различные легенды, например утес Мюйти. Согласно преданию, это был камень, на котором сидел старейшина Мюйта, председательствуя на собраниях чеченского Мехк кхела, Высшего Совета страны.

Само озеро Галанчож считалось священным, упоминанием его духов скреплялись клятвы. Сохранилась легенда, повествующая о его возникновении:

Горный пейзаж

Горы Нашха

«Близ аула Ялхарой, в месте, называемом Амка, было прежде озеро. Однажды одна женщина со своей дочерью отправились на берег озера и стали стирать грязные пеленки в его хрустальной воде. Дух озера за это осквернение обратил обеих женщин в камни, которые и теперь еще виднеются у Амка. Но и озеро не захотело больше оставаться в оскверненном ложе. Оно обратилось в чудного рослого быка, который перешел скалистый кряж и спустился вниз с почти отвесной высоты. Затем бык подошел к тому месту, где теперь лежит озеро и где прежде были расположены пахотные участки. Толпа людей, занятых полевой работой, увидев быка, подошла к нему; все дивились его росту и заспорили между собою; одни говорили: давайте, впряжем быка в плуг; другие говорили: нет, не трогайте его, это божий бык.

Однако голоса тех, которые хотели запрячь быка, пересилили, и божий бык был подведен под ярмо. Когда он вел первую борозду, — в ней выступила грязь; при второй борозде стало еще мокрее, при третьей — из земли выступила вода, при четвертой — вода хлынула стремительно, затопила поле и всех людей, запрягших чудесного быка, который затем исчез в водах озера».

Озеро Галанчож и его окрестности были когда-то культовым центром чеченцев. Особо здесь чтился, помимо других общечеченских культов, культ божества плодородия Тушоли. У селения Вийлах сохранилось каменное изваяние этого божества.

Башенный комплекс в селении Хайбах

Пролом в склоне горы ▲
Боевая башня в селении Хайбах ▶

Согласно историческим источникам XVIII века, Галанчож являлся в свое время центром распространения христианства среди чеченцев. По свидетельствам путешественников, здесь еще в конце XVIII столетия сохранялись христианские храмы, которые, правда, к тому времени уже утратили культовое значение.

В конце XVII века в Галанчожской котловине и вокруг нее жили чеченские тейпы Акхий, Нашхой, Пешхой, Цечой, Галай, Мержой, Ялхарой, которые, по преданию, в более древние времена объединялись одним племенным названием «Ѣалой».

Приблизительно с начала XVIII века собственно Нашхом стала называться территория в верховьях реки Гехи, включавшая селения Моцарх, Чармах, Хайбах, Тестарх, Хилах, Могуст, Хижигхо. По преданию, их основали шестеро братьев.

Нашх – удивительный по красоте край. К югу склоны гор пологи, на них до сих пор сохранились следы древних террас, на которых возделывались пшеница, овес, ячмень, овощные культуры. К северу горы становятся высокими, скалистыми, обрывистыми, особенно вдоль течения реки Гехи. Каменные утесы самой причудливой формы, водопады, естественные пещеры, одинокие сосны на каменистых вершинах придают этой местности чудесный, неземной облик. Речка Гехи узкой змейкой серебрится на дне глубокой пропасти, потом вдруг исчезает под землей, чтобы снова появиться на поверхности.

Нашх – это страна цветов. Такого обилия и разнообразия цветов, наверное, нет нигде на земле. Это очень благодатный край, здесь очень много фруктовых садов, густые заросли малины, ежевики привлекают сюда большое количество медведей.

При всем этом Нашх совершенно безлюден. Все жители его были высланы в 1944 году, а села разрушены войсками НКВД. Выселение сопровождалось массовыми расстрелами и казнями, в одном только селении Хайбах было сожжено живьем 700 человек.

Многие жилые башни были подожжены и взорваны. И сегодня в Нашхе при большом количестве древних селений почти не осталось памятников архитектуры.

В селении Хайбах сохранилось сооружение, которое представляет собой классический тип вайнахской башни с пирамидальной кровлей. Она была построена в XVII веке, а в наше время реставрирована. На стенах башни много петроглифов, а пирамидальную кровлю завершает белый конусообразный камень – цIурку. К северу от боевой башни – руины комплекса, состоящего из боевой и жилой башни, от него остались только часть стен и отдельные детали.

К западу от селения Моцарх, на отвесной стене горы Нашхойн-лам сохранилось башенное убежище. Оно находится на высоте более десяти метров от склона и представляет собой скальные ниши в три яруса, заложенные камнями, с дверными и оконными проемами. В

Ущелье Нашх

Озеро Галанчож

Горный пейзаж

Руины селения Моцарх

Ущелье реки Гехи

прежние времена в таких убежищах пастухи и путники укрывались от случайных нападений или могли жить кровники, скрываясь от мести врагов.

По преданию, к северу от села Могуст когда-то располагалась дорожная гостиница – Хьаша б1е. Такие гостиницы обычно строились у родников и представляли собой небольшой домик с камином или очагом, в котором могли переночевать два-три человека. Они предназначались для странников, охотников и пастухов. Обычно тот, кто ночевал или останавливался здесь на отдых, уходя, оставлял часть своей пищи, а охотники – шкуры, оленьи и турьи рога – в дар святым, покровительствующим путникам.

В Тестархой сохранилось несколько жилых башен, в которых люди жили вплоть до выселения в 1944 году.

От села Чармах остались только руины башен. Недалеко от селения, на окраине древнего кладбища, стоит крестообразная стела, с которой связана старинная легенда. Она гласит: «В давние времена жила здесь красивая девушка, которая была очень гордой и своенравной. Многие сватались к ней, но никому она не отдавала предпочтения. И вот один юноша решил во что бы то ни стало жениться на ней. Он собрал дружину, чтобы захватить ее силой. Но, узнав, что они приближаются к ее селу, девушка произнесла заклинание, и все они превратились в камни. Эти камни до сих пор можно видеть на склоне горы у селения Чармах».

Селения Моцарх, Хижигхо, Хийлах лежат в руинах. Те боевые и жилые башни, которые не разрушили люди, не пощадило время. Безжизненно и бесстрастно взирают их развалины на окружающий мир.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ЧЕЧНИ

V-2 ИЧКЕРИЯ

ИЧКЕРИЯ – САМАЯ ВОСТОЧНАЯ ОБЛАСТЬ ЧЕЧНИ, расположенная к северо-востоку от Чеберлоя. Название ее образовано, по всей видимости, от кумыкского «ичи ери» – внутренняя земля, область. Интересную трактовку наименованию дал И.В.Попов, автор работы «Ичкеринцы», посетивший этот край в конце XIX века: «Ичкерия состоит из двух слов: «ич» и «гери». Упомянутые слова переводятся кумыками так: ич – средина, гери – ровная местность среди возвышенных гор. Кроме того, слово «гери», как в отношении одного лица, так и целого народа, означает, что он был когда-то богатым и сильным, но вследствие различных исторических обстоятельств потерял свое значение и сделался бедным и слабым».

Территория Ичкерии была заселена чеченцами, так же как и Чеберлой, не ранее XV века. Представители большинства ичкерийских тейпов считают себя потомками выходцев из западных районов Кавказа. Основным перевальным пунктом этой миграции и, по всей видимости, столицей средневековой Чечни был Нашх.

Первыми переселенцами из Нашха в Ичкерию, а затем в долины Ярык-су и Акташ были представители тейпов Пешхой и Цечой. Об этом повествует легенда, которая была опубликована в XIX веке: «Где-то в стороне Баш-лам (Казбека) есть горы, из которых вытекают реки Асса, Фортанга и Гехи. Эти горы называются Аки-лам, там некогда жили предки чеченцев — лам-кристи (т.е. христиане). Эта местность — колыбель чеченцев. Четырнадцать поколений назад

Арка дверного проема

Горное ущелье

часть лам-кристов вышла оттуда и двинулась на восток по причине того, что на их родине от многолюдства им жить стало тесно. Они прошли мимо рек Аргуна и Аксая, но эти реки им не понравились, наконец, они пришли в место, где ныне стоит аул Юрт-аух. Первыми поселенцами здесь были фамилии Парчхой (Пешхой) и Цечёй (Цецёй). Когда они прибыли сюда, в этих местах стоял только один хутор Анди. Других поселений не было».

Затем, согласно историческим и фольклорным источникам, из Нашха выселились тейп Беной и другие ичкерийские тейпы. Выходцами из Нашха считают себя и многие чеберлоевские тейпы, а также общества Аргунского ущелья.

По одной из генеалогических легенд, основателем Ичкерии был Молкх, переселившийся сначала из Майсты в Нашх, а оттуда вместе со своим сыном Тинавин-Вис в Ичкерию.

При переселении чеченцы для того, чтобы закрепить свое право на эту землю, назвали ее «Нохчимохк» – «земля чеченцев», как это часто бывает при колонизации.

В Позднем Средневековье здесь собирался чеченский Мехк кхел. Об этом, кстати, также писал И.В.Попов: «Курган, заметный на возвышенности, сделан усилиями человеческого труда; он насыпан руками людей, как говорит предание. Место это, центр Ичкерии, служило сборным пунктом для старейшин ичкерийцев, жизнь которых, переходя фазисы своего развития, потребовала наконец более правильных социальных отношений... Первая встреча на горе Кеттеш-корт не была последнею: сюда собирались для изменения адата, если он был неприменим к условиям общественной жизни. Единственный способ решения тяжб, какого бы свойства они не были, был приговор медиаторов, выбираемых как истцом, так и ответчиком. Приговор этих старейшин не допускал аппеляций, и тяжущиеся свято исполняли их постановления. В тех же спорных случаях, на которые еще обычая не существовало, ичкеринцы-старейшины отправляли в Нашахэ, откуда они всегда возвращались удовлетворенными. Самый чистый обычай, по мнению чеченцев и ичкеринцев, существовал в Нашахэ».

В Ичкерии практически не сохранилось памятников средневековой архитектуры. Это связано с тем, что здесь не было основного строительного материала – камня. В Ичкерии строили деревянные башни. Поэтому до нашего времени башни не сохранились.

Согласно фольклорным и историческим данным, каменная боевая башня с пирамидальной кровлей стояла у аула Харачой. При раскопках возле ее развалин были обнаружены археологические материалы XIV–XV веков. В XIX веке была выпущена почтовая открытка с ее изображением.

Деревянные сторожевые башни в прежние времена располагались у всех стратегически важных высот и дорог Ичкерии.

По преданию, до прихода в Ичкерию колонистов из Нашха здесь жили орстхойцы. Некоторые башни в Ичкерии, которые упоминаются в старинных легендах, связываются с их именем.

Горный пейзаж

Руины каменных построек

Родник в горах

V-3 АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ

АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ – ОДНО ИЗ КРУПНЕЙШИХ по протяженности ущелий Кавказа. Оно тянется почти сто двадцать километров: от Хевсуретии до Черных гор и выходит на Чеченскую равнину. Аргунское ущелье расположено в самом сердце Чечни. Слева находятся ущелья Нашха, Кэй и Акки-мохка, справа – каньоны Шароя, ущелья Чеберлоя и горные долины Ичкерии.

Аргунское ущелье с древнейших времен было важнейшей дорожной артерией Чечни. Через него проходили важнейшие пути в Грузию, Дагестан, Осетию. На перекрестках этих дорог, а также в наиболее стратегически важных местах строились башенные укрепления.

Именно по Аргунскому ущелью, наряду с Дарьялом, проходил путь из Европы в Азию, из России в Закавказье и Переднюю Азию. Русские посольские и торговые миссии следовали в Грузию именно по этому пути вплоть до конца XVIII века. Об использовании ее чеченцами в конце XIX – начале XX века писал Н.С.Иваненков: «Дальше на юг продолжение этой дороги обращается в вьючную тропу, которая ведет в пределы Тифлисской губернии. По этой же дороге, перевалив через главный хребет гор, можно доехать и до столицы Грузии – Тифлиса, и этим путем население пользуется, идя в Грузию на заработки».

Орды кочевников неоднократно пытались с севера прорваться по этому ущелью в Закавказье, но никогда им это не удавалось. Арабские войска в IX–X веках штурмовали башни и башенные селения воинственных горных племен, которые мужественно отражали их попытки пройти по этому ущелью на север, прикрывая равнины родственных им алан.

Эткали

Селение Итумкале

В Раннем Средневековье здесь была достаточно безопасная дорога, которая содержалась в порядке жителями близлежащих селений.

Следует отметить, что дорога в менталитете чеченцев не просто конкретное понятие, а нравственная категория. С древних времен все, что относилось к дороге, считалось священным. Согласно поверью, человек, проложивший дорогу или построивший мост, заслуживает рая. Следить за состоянием дороги, проходящей мимо селения, считалось коллективной обязанностью всех его жителей. Кроме того, они несли моральную ответственность за всех проезжающих по этому отрезку пути и должны были оказывать гостеприимство запоздалым путникам. Жесткий запрет налагался на все, что могло осквернить дорогу, повредить ее. Нельзя было брать с дороги даже камень, занимать пядь земли, относящейся к ней, а разрушение моста вообще считалось страшным преступлением. У чеченцев сложилась особая этика отношений в дороге. Понятие «накъост» (спутник, попутчик) имеет в чеченском языке и значение «друг, товарищ».

С давних времен в горах существовали дорожные гостиницы, которые строились обычно у реки или родника. В них возводили очаг или камин, пол застилали звериными шкурами. Обычно тот, кто ночевал или останавливался здесь на отдых, оставлял здесь часть своей пищи, а охотники — шкуры, оленьи и турьи рога — в дар святым, покровительствующим путникам.

Согласно вайнахской мифологии, людей в пути, особенно в ночное время, охраняли тарамы — духи, двойники человека. Ритуальность всего, что связано с дорогой, восходит к тем далеким временам, когда у чеченцев существовал культ дороги.

Справа и слева вдоль течения Аргуна расположены боковые ущелья, через которые в него впадает множество мелких рек. В этих ущельях еще сто лет назад располагались многочисленные селения. Некоторые из них состояли из одних башен, жилых и боевых, некоторые имели внутри села или на окраине, чаще всего на возвышенности, укрепленные замки.

Чеченские башни подверглись интенсивному разрушению во время Кавказской войны. Много башен было разрушено и разобрано во время строительства военных укреплений русской армии: Евдокимовского, Шатойского, Воздвиженского. Камни использовались для строительства крепостных стен. Для того чтобы построить одну крепость, разбирались десятки башен в округе. По информации Н.С.Иваненкова, для постройки Евдокимовского укрепления у местных жителей было куплено и разобрано двенадцать каменных башен. Согласно А.П.Берже, две башни у входа в Аргунское ущелье были разрушены при строительстве Воздвиженского укрепления (на месте селения Чахкери). При строительстве военного укрепления в Зонах также была разрушена боевая башня на окраине селения. Немало башен и древних могильников разрушили при расширении дороги вдоль берега Аргуна. Большинство найденных в то время различных предметов из могильников (статуэтки, ук-

Боевая башня Дере

Шатойская котловина

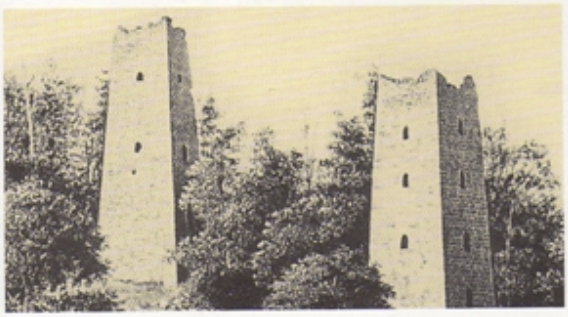
рашения, культовые предметы, оружие) самых разных эпох просто вывезли. Они навсегда утрачены для истории чеченского народа.

Несмотря на существенные потери, в Аргунском ущелье сохранилось много памятников архитектуры. В плане археологического изучения его можно назвать «terra incognita».

Несмотря на варварское уничтожение древних сооружений, особенно последние двести лет, здесь сохранилось много памятников архитектуры: башен, склепов, святилищ, каменных стел, а также священных родников, заповедных рощ, с которыми связаны легенды и предания.

Так, на западном склоне хребта Бlен-дук, который тянется по правому берегу Аргуна, параллельно его течению, недалеко от селения Зонах, находится обрыв «Кхо йоь еха боьра» (обрыв, где обитают три девы). Согласно преданию, на вершинах этих скал обитали три божественные девы: Маьлх-Азни, Дарий-Ден-Куока и Дийка-Дела-Йоь. Предводитель нартов Сеска-Солса каждый день, утром и вечером, появлялся здесь на своем сказочном коне, который совершал прыжки с хребта Бlен-Дук на гору Ерди-Корт, а с Ерди-Корт перепрыгивал на вершину Нохчийн-барз. Сестрам надоели ухаживания Сеска-Солсы, и они вместе со своей матерью Сатой переселились на вершину Дакох-Корт, которая находится в Майсте, на границе с Хевсуретией. У жителей Майсты было поверье, согласно которому на вершине горы Дакох-Корт живет Дийка – богиня добра и справедливости, научившая людей различать добро и зло.

Горный ручей



Шатойские башни. Литография XIX века

Горная дорога. Фотография начала XX века

Впервые в этнографическом очерке А.Ипполитова упоминаются две боевые башни у въезда в селение Шатой с севера, на левом берегу Аргуна. Согласно легенде, которая приводится многими авторами, эти башни были построены двумя братьями. По преданию, один из братьев убил другого в ссоре, возникшей из-за пленницы, сам же покинул навсегда родные места. Башни со временем разрушились.

На самом же деле, вероятнее всего, эти башни были сторожевыми и контролировали проходящую рядом дорогу. Подтверждением этому может служить и тот факт, что боевые башни (а шатоевские башни являются боевыми) практически никогда не использовались как жилые и, в общем, не были приспособлены для этого.

Боевая башня Гучан-кале расположена на правом берегу реки Аргун, на высоком скалистом мысе, который образует небольшая речка Гучан-эрк, впадающая в Аргун. Она выложена из тщательно подобранных, а в некоторых случаях хорошо обработанных камней разной величины, на известковом растворе. Башня – четырехэтажная, у самого верха имеет балкончики для стрельбы – машикули. При этом машикули на фасаде и задней стене уже, они крепятся на двух каменных подпорках, а в боковых стенах – шире, на трех подпорках. Межэтажные перекрытия не сохранились, но остались угловые камни, на которые опирались балки оснований. Кровля почти полностью разрушилась, поэтому ее характер не угадывается.

Ущелье Хачарой ▲
◀ Бекхайлинская цитадель

Юго-западная стена является фасадом. На ней расположен дверной проем на уровне первого этажа, а также два окна — на втором и третьем этажах соответственно. Арка входного проема выполнена напуском конусообразных камней. С внутренней стороны проем расширяется, образуя в стене углубление со стрельчатой аркой. На втором этаже со стороны фасада расположено окно. Арка окна изготовлена из каменного монолита. Над окном — два крестообразных узора, а выше углубленное изображение Т-образного знака. На уровне третьего этажа также расположено окно с аркой из монолита, а над ним три крестообразных знака.

Сéверо-западная стена снабжена четырьмя бойницами, на третьем этаже расположено окно с аркой. Слева от окна — каменная плита. Кроме того, на стене – крестообразные узоры и Т-образный знак, как и на других стенах.

Юго-восточная стена имеет окно на уровне третьего этажа, прикрытое со стороны склона широкой каменной плитой (необычная деталь для чечено-ингушских башен). Здесь расположено также три бойницы: две (узкие) — на втором этаже, одна (широкая) — на третьем. Стена также украшена крестообразными узорами и Т-образным знаком.

Согласно фольклорным источникам, эта башня называлась Понат-гала — «крылатая башня». Это имя ей дал полководец Тамерлана, который не смог взять штурмом башню и селение.

Две башни стояли на правом берегу Аргуна, недалеко от селения Ушкалой, у самого основания скалистой горы Селин-лам. До нашего времени от одной из башен сохранилось только основание. Она была разрушена при выселении чеченцев в 1944 году. Вторая башня сохранилась почти полностью.

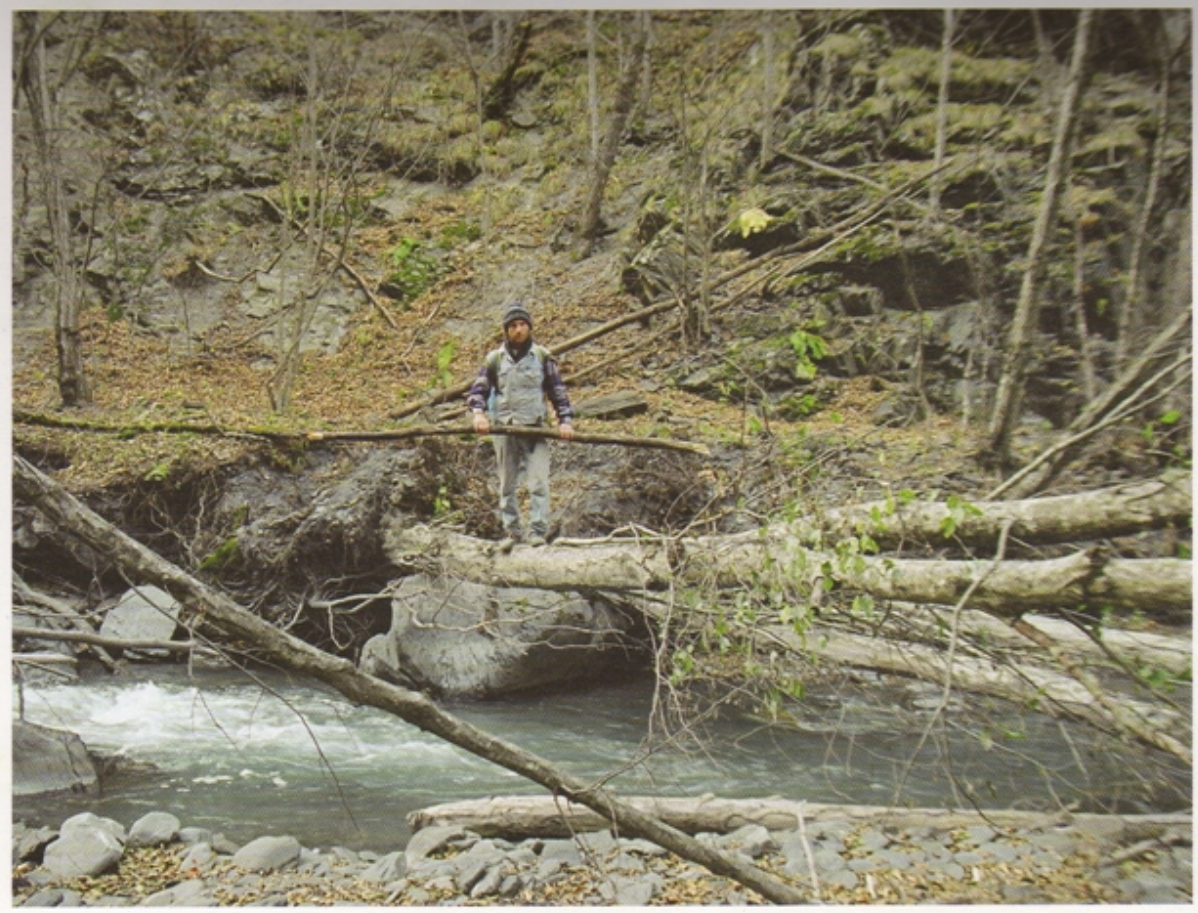
Она имеет три стены, четвертой служит скала. Башня сложена из хорошо обработанных камней на известковом растворе. Кровлей башне служит каменный козырек скалы.

Северная и южная стены башни выложены по рельефу скалы, к которой они примыкают.

Южная стена имеет пять бойниц на разных уровнях. В верхней части сохранились остатки машикулей в виде каменных консолей. У самого верха стены – оконный проем.

Сохранилось предание, согласно которому в этих башнях заседал Совет мудрецов, куда обращались ищущие правды и справедливости горцы от всех этнических обществ, начиная от Пхейн-Моххк (Хевсуретия), расположенного у истоков Аргуна, и до самой предгорной равнины. Но, по всей вероятности, это всего лишь легенда.

На самом деле ушкалоевские башни были сторожевыми. В прежние времена дорога в этом месте проходила по правому берегу Аргуна. Недалеко от башен был деревянный навесной мост, который при необходимости можно было поднять и убрать. Рядом с ним существовал каменный арочный мост, построенный без применения каких-либо других материалов, кроме камня. Стража, которая находилась в башне, контролировала дорогу и мост и брала пошлину с проезжающих торговых людей в виде



Переправа через горную реку ▲
◀ Озеро Ургихой

пороха, свинца, шерсти, сукна, овец. В.И.Марковин называет ушкалойскую башню убежищем. Но она ни по месту расположения, ни по форме, ни по функциям убежищем не является. Башня была построена, согласно полевым материалам, в XI—XII веках.

Не являются убежищем и башенные постройки в скальных разломах у северной окраины селения Нихалой. В наше время к ним уже невозможно подобраться. Башня имела три этажа, потолком и полом ей служили скалы. Подобная же башня была и при въезде в селение Башин-кале, на высоком утесе. Сегодня от нее остался только один угол. И нихалойская, и башин-калинская башни являлись частью сигнальной системы.

Селение Итум-кале лежит в широкой котловине, образованной течением Аргуна. Южная часть его, Пхакоч, наиболее древняя. Здесь, на возвышенном месте, стояло прежде укрепление, состоящее из нескольких боевых и жилых башен, обнесенных высокой каменной стеной. Отсюда контролировалось дорога в Грузию и Дагестан, а также в другие районы Чечни. В наше время от укрепления остались руины боевой башни и комплекс каменных построек прямоугольной формы. Одно из сооружений, внутри которого сохранились остатки каменных колонн и тайники, обычные для культовых построек, исследователи считают древним языческим святилищем. Кроме того, здесь остались развалины нескольких жилых башен. Развалины боевой башни сохранились и на правом берегу Аргуна, при въезде в селение со стороны Ушкалоя. Она, по всей видимости, была сигнальной башней и соединялась визуальной связью с Бекхайлинским комплексом и замком Пхакоч.

Основание Итум-кале связывают с именем Итона, который пришел сюда из селения Бацой-мохк, находившегося выше по Аргуну. В широкой речной долине, в том месте, где находится село, Итон, охотившийся в этих местах, прилег отдохнуть, повесив свой лук на дереве. Когда он проснулся, то увидел, что на его оружии птичка свила гнездо. Итон воспринял это как добрый знак и решил остаться здесь, построив башню. Он нанялся пастухом к князю Дишни-эла, владельцу башенного комплекса на горе Бекхайла. Впоследствии у Итона родился сын Жели, который, повзрослев, женился на дочери князя. Он так же, как и Итон, пас стада Дишни-эла. Сын Жели отказался работать на своего деда и восстал против него. Князь решил разрушить Итум-кале и убить своего зятя и внука. Но об этом узнала жена Жели, Нанг, дочь Дишни-эла, которая решила предупредить их об опасности. С криком бросилась она в сторону селения, но князь догнал ее и смертельно ранил. По просьбе дочери он похоронил ее здесь же, на полпути между башнями отца и мужа. В результате войны между Жели, которому помог князь Дера-эла, и Дешни-эла последний потерпел поражение. О тех трагических событиях напоминает одинокий могильный камень Нанг-каш.

Селение Гамхи

К востоку от Итумкалинской котловины находится ущелье Тазбичи, образованное течением реки Дереаххк. Здесь расположены селения Тазбичи, Дере, Хаскали, Эткали, Хелды, в окрестностях которых сохранилось множество башенных построек. Это ущелье еще называют Чанти-мохк, так как здесь в основном проживают представители тейпа «чанти» так же, как и в Итум-кале.

В селении Эткали, расположенном на высоком склоне, сохранились руины средневекового замка, от которого остались два этажа боевой башни и элементы каменной стены.

Башня представляет собой приближенное к квадрату в плане здание, стены которого ориентированы по сторонам света. К настоящему времени стены башни сохранились на высоту до двенадцати метров. Если судить о размерах башни по высоте двух сохранившихся этажей, можно предположить, что башня достигала в высоту более двадцати пяти метров. Кровля ее была, по всей видимости, ступенчато-пирамидальной, о чем можно судить по кровле минарета мечети, находящейся поблизости.

Стены выложены из хорошо обработанного камня на глинисто-известковом растворе. У основания использованы крупные каменные блоки, в верхней части сохранившегося сооружения камни поменьше, но также тщательно подобраны и подогнаны.

Судя по параметрам эта башня является боевой, но от типичных боевых башен отличается низким, на уровне первого этажа, расположением дверных проемов. По всей видимости, такую особенность можно объяснить тем, что башня была обнесена высокой каменной стеной с западной стороны и представляла собой мощный замок. На стены башни нанесены петроглифы. На углу восточной стены, на каменном блоке выбиты: розетка в двойном круге (солнечный знак), человеческая фигура с распростертыми руками, расположенная горизонтально, а также необычной формы знак, напоминающий стилизованную фигуру всадника. На северной стене башни – петроглиф в виде руки, опущенной вниз, а также солнечный знак в виде спирали.

Эткалинская боевая башня входила в систему сигнальных, сторожевых башен и была связана визуально с боевыми башнями Дере, Хаскали и Хелды, а через них с Бекхайлинским комплексом и замком Дишни-Басхой.

Не менее интересны боевые башни у селения Дере, представляющие собой фортификационные сооружения, типичные для вайнахской архитектуры. Боевая башня, которая стоит на высоком склоне, на левом берегу реки Дере-аххк, является более древней и по форме, и по технике строительства. Она была построена в XIV–XV веках и являлась сигнальной башней.

Много древних архитектурных сооружений и в других боковых ущельях Аргуна. В большом количестве руины древних построек можно увидеть в Хачаройском ущелье, где находится, в том числе, и боевая башня у селения Гамхи.

Директор Аргунского заповедника Саид Саратов и егерь Алибек Яскиев

Согласно преданию, эта башня была общесельской. Кроме нее, по словам местных жителей, в ущелье реки Хачарой-ахк находилось несколько башенных комплексов. Хачароевская боевая башня, согласно преданию, была построена во времена, когда еще не было огнестрельного оружия, то есть в XIII—XIV веках.

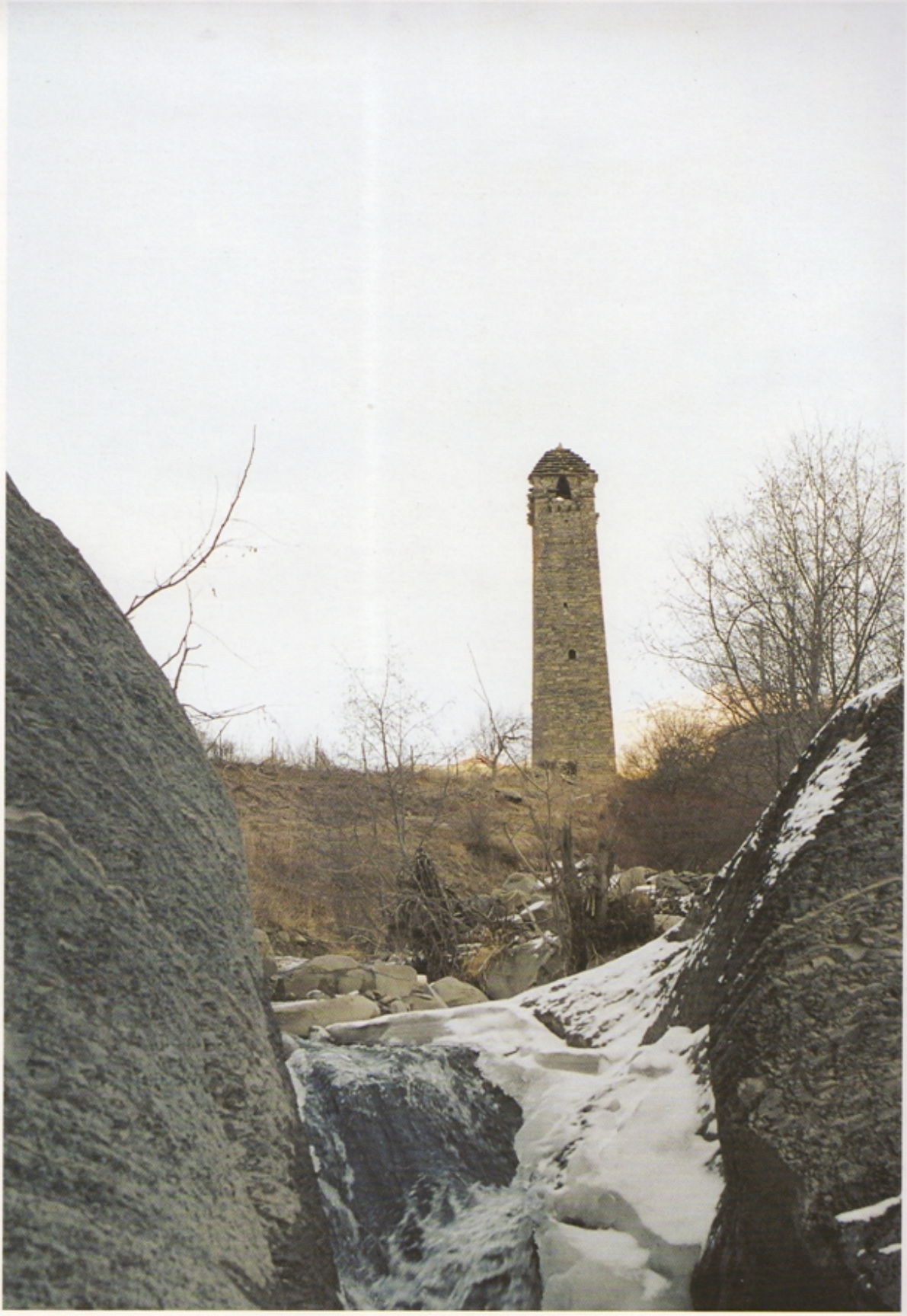
Башня у селения Гамхи — пятиэтажная, с пирамидально-ступенчатой кровлей, выложена на известковом растворе. Дверной проем на уровне первого этажа выполнен в виде стрельчатой арки, при этом на уровне закругления арки вставлена деревянная балка. Окна в виде стрельчатых арок расположены на западной стороне башни на первом и втором этажах. На пятом этаже окна со всех четырех сторон прикрыты машикулями. На уровне четвертого этажа все четыре стены башни имеют украшения в виде четырехугольных углублений в форме ромба. Все внутренние перекрытия башни были деревянными и держались на деревянных балках, уложенных на угловые камни. В 1944 году башня была подожжена изнутри, все перекрытия сгорели, осталась одна балка на уровне третьего этажа.

Пирамидально-ступенчатая кровля разрушилась, остались только камни первого уровня. В стенах башни проделаны смотровые щели, которые вряд ли использовались в качестве бойниц. На уровне пятого этажа на каждой стене машикули, разделенные на две секции. С юга и востока башня была особенно неприступна, так как склон здесь обрывистый. Кроме того, башня была окружена каменной стеной, от которой сейчас остались только руины.

По рассказу одного из жителей ущелья, к юго-западу от боевой башни стояла жилая башня, хозяин которой оскорбил одного из его далеких предков. Тот выстрелил в него из лука и убил. В результате кровной мести убийца и его родственники были вынуждены переселиться в Чеберлой. Обратно они вернулись только через несколько поколений. Однажды один из родственников убитого пустил стрелу в их прапрадеда и ранил его в колено. На этом кровная месть закончилась, и семьи примирились. Что касается времени постройки башни, то, по словам того же жителя, его отец, проживший 103 года, рассказывал, что его дед, служивший в войске Шамиля и проживший 107 лет, уже не помнил, когда эту башню построили. По его словам, эта башня была частью сигнальной системы, с нее были видны боевые башни Дишни-мохк. Но была она построена в те времена, когда еще не было огнестрельного оружия, то есть в XIII—XIV веках.

К западу от Итумкалинской котловины, на левом берегу Аргуна, находится Дишни-мохк, который когда-то славился своими башенными укреплениями и замками. Остались одиночные, боевые и жилые, башни в других боковых ущельях Аргуна, у селений Гухой, Гатын-кале, Борзой. Множество древних архитектурных сооружений в обществе Мулкой.

Сотрудники заповедника за работой



Ручей и башня

Потомки строителей башен (справа – автор)

Житель селения Итум-кале Хамид Зурабов

Глава администрации селения Итум-кале Лом-Али Амаев (крайний справа)

Участники экспедиции — жители Итумкале

Дерево и башня

Руины в ущелье Хачарой

Руины селения Талкали

V-4 МАЙСТА

МАЙСТА — ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ ЧЕЧНИ. Она расположена в высокогорье, к востоку от реки Чанти-Аргун, вдоль границы с Грузией. Это самый суровый и прекрасный величественной красотой край горной Чечни.

Вечные льды, громады скал, глубокие пропасти, дикие горные реки удивительным образом сочетаются здесь с густыми буковыми и сосновыми рощами, зарослями диких фруктовых деревьев и кустарников, морем цветов в летнее время. А над всем этим возвышаются древние башни — молчаливые хранители вековых тайн.

Майста в переводе с чеченского — «высокогорный, верхний, край». Некогда эта область была очень густо заселена. Вдоль реки Майстойн-эрк, притока Чанти-Аргуна, тянулись селения Васеркел, Ца-кале, Пуога, Туга. Они располагались в труднодоступных, стратегически важных местах, закрывая ущелья Майсты со всех сторон, неприступными замками вставая на пути врага.

В средние века Майста была своеобразной столицей горной Чечни. Здесь, согласно преданиям, жил легендарный Молкх, родоначальник части чеченцев, который затем переселился в Нашх. Одно время в Майсте собирался Мехк кхел страны нахов для решения насущных вопросов и выработки норм обычного права.

Майста долгое время оставалась культовым центром Чечни, здесь существовала жреческая каста, обладавшая тайными знаниями и умениями врачевателей.

В XIX веке население Майсты страдало от безземелья и нищеты, вынуждено было периодически мигрировать в другие регионы, главным образом в Грузию. Майстинцы в этот период занимались разведением овец и совершали набеги в целях наживы на Грузию.

От былого величия Майсты остались не только предания и воинственный характер ее жителей, но и огромное количество каменных построек, относящихся, по мнению ученых, к XII—XIV векам.

Особенно поражают воображение развалины средневекового башенного селения Васеркел, лежащего на высоком каменном утесе, на правом берегу реки Майстойн-эрк. Руины каменных башен сливаются с серыми скалами, образуя причудливых очертаний замок. На самой вершине утеса стоит боевая башня, с которой просматривается вся окрестность, а также видны башни Цакале и Пуога. На западной окраине — башни нависают над тропой, которая идет вдоль реки. Невозможно не восхищаться мужеством и искусством строителей башен.

Селение Васеркел было расположено на пересечении путей из Дагестана в Аргунское ущелье и из Чечни в Грузию. Это была настоящая средневековая крепость, с боевыми башнями, каменными стенами, практически неприступная для врагов. По преданию, она была разрушена во время войн еще в Раннем Средневековье, и с тех, в ней никто не жил.

Недалеко от крепости Васеркел находится крупнейший на Кавказе некрополь – «город мертвых», состоящий из полусотни каменных склепов, разбросанных по склонам. Они служили усыпальницами для отдельных майстинских

Тебулосский хребет

Горный пейзаж с башней

фамилий. В основном это небольшие каменные домики с двускатной кровлей из больших сланцевых плит, с квадратным лазом с лицевой стороны. Но встречаются и двухэтажные склепы, свидетельствующие о богатстве и могуществе фамилии.

К востоку от Васеркел на пологом склоне расположено селение Ца-кале или, в переводе с чеченского языка, «поселение, посвященное божеству Цу». Ца-кале —это оборонительный комплекс замкового типа, состоящий из одной боевой и нескольких жилых башен. Боевая башня представляет собой классический вариант вайнахской (чечено-ингушской) башни с пирамидальной кровлей, которую завершает конусообразный камень —цIурку. Считалось, что за установку этого камня, кроме обычной платы, хозяин башни должен был подарить мастеру быка. Очевидно, этот камень первоначально имел магическое, культовое значение.

Жилые башни Ца-кале можно отнести к полубоевым, они намного выше обычных и имеют машикули. Боевая и жилые башни образуют замок, промежутки между ними перекрыты каменными стенами. Во дворе замка хорошо сохранился сиелинг - столпообразное святилище, у которого майстинцы молились, просили покровительства и помощи в делах, приносили жертвы. Но сиелинг в Ца-кале с давних времен не имел культового значения и сохранился как дань прошлому. К северу от селения находится мусульманское кладбище, где майстинцы хоронили покойников вплоть до

Асланбек из Пого

Боевая башня в селении Пого

1944 года. Жители Майсты с глубоким уважением относились к прошлому, поэтому, приняв ислам, они не стали уничтожать прежние святилища и склепы, чтобы не осквернить память своих отцов.

На стенах башен в Ца-кале много петроглифов: в виде спиралей, солярных знаков, фигур людей, а также обязательное почти на всех башнях изображение руки. Но наиболее интересной представляется надпись в виде петроглифического письма на стене жилой башни в Васеркел, на краю высокого обрыва. Это своеобразный документ древней письменности чеченцев, который еще предстоит расшифровать ученым.

К западу от Васеркел и Ца-кале, по левому берегу Майстойн-эрк, расположены башенные селения Пуога и Туга. Пуога — это несколько башенных комплексов, каждый из которых образует мощный замок, состоящий из боевой и нескольких жилых башен. Башни Пуога очень массивны и высоки и построены с хорошим знанием фортификационного и военного искусства.

Все четыре селения в Майсте расположены таким образом, чтобы при необходимости их жители могли обмениваться сигналами об опасности, зажигая на башнях огни. С селениями Пуога и Туга связано имя легендарного Джоколы, мужественного и справедливого предводителя майстинцев, известного не только в Чечне, но и в соседней Грузии. Во времена Кавказской войны Майста относилась к тем чеченским обществам, которые не хотели подчиняться ни российским властям, ни имаму Шамилю и отчаянно сопротивлялись любым попыткам покорить их. Особенно успешно майстинцы воевали, когда ими руководил Джокола. Позже, по предложению грузинских князей, Джокола ушел с родственниками в Грузию и основал там несколько селений в Панкисском ущелье. Но по возвращении в Чечню был обманом схвачен мюридами Шамиля и казнен.

Сохранились записки русского офицера Л.А.Зиссермана, посетившего Майсту в конце 40-х годов XIX века. Он восхищается удивительным гостеприимством майстинцев. Во время праздника, устроенного в честь гостя, стали состязаться в стрельбе из винтовки. Когда гость промахнулся, никто из майстинцев, которые во все времена считались отличными стрелками и искусными охотниками, не попал в цель, чтобы не унизить достоинство гостя. Показать свое мастерство поручили десятилетнему мальчику, который без труда поразил цель. Описывает Л.А.Зиссерман и ритуал братания с Джоколой, само имя которого стало ему гарантией безопасности в этих опасных для путешествия местах.

Но жители майстинских ущелий были не только храбрыми и искусными воинами. На весь Кавказ славились они искусством врачевания. Майстинцы знали секреты многих целебных трав, с давних времен умели делать трепанацию черепа и особенно искусно лечили раны, нанесенные холодным и огнестрельным оружием. Искусство местных целителей привлекало сюда людей не только из Чечни, но из Грузии, Осетии, Кабарды. В Майсте существовали жреческие

Башенное селение Пого

Селение Туга. Рис. Н.Тужкина, 1938 г.

фамилии, которые передавали по наследству тайны магии, секреты гипноза. Возможно, к мистицизму располагала сама атмосфера этих ущелий, где тени древних башен сливаются с очертаниями скал, оставляя в душе странное, неземное впечатление.

Особенным авторитетом среди чеченцев жители Майсты пользовались как знатоки чеченского права. Вплоть до 1944 года существовал Майстойн кхел, своего рода верховный суд Чечни, где знатоки права за определенную мзду разбирали тяжбы и споры не только чеченцев, но и ингушей, грузин. В Майстойн кхел обращались в том случае, если при разбирательстве дела другие судебные учреждения заходили в тупик. Суд майстинцев считался справедливым, и его решения всегда исполнялись. Сохранилась легенда о судебном искусстве майстинцев: «Однажды по горному ущелью, вдоль высокого обрыва шел путник. Нечаянно он выронил из рук тяжелый посох, который с грохотом упал в пропасть. Пастух, сидевший неподалеку, вздрогнув от неожиданного шума, сорвался с обрыва и разбился. Родственники погибшего потребовали огромный штраф от путника. Последний обратился в Майстойн-кхел. Старейшина, посчитав это дело легким, передал его юноше, и он рассудил так: в смерти пастуха виновны три стороны — путник, по неосторожности выронивший посох, посох, который, упав, произвел шум, напугавший пастуха, пастух, который оказался настолько трусливым, что сорвался в пропасть от случайного шума. Следовательно, заключил юный судья, виновный должен выплатить только треть штрафа. Таким образом, он избавил путника от несправедливого иска.

Кроме всего прочего, майстинцы были еще и прекрасными строителями. Согласно фольклорным источникам, они строили башни не только в горах Чечни, но и в Хевсуретии и Тушетии.

В Позднем Средневековье в Майсте существовали те же языческие культы, что и по всей Чечне, хотя были и свои,

Ца-кале

местные особенности. Например, культ лам-Тишуол, горного духа, который обитал на вершине горы Дакох-корт (Майстойн-лам) и покровительствовал воинам и охотникам. Также, по поверьям майстинцев, на вершине этой горы жила богиня справедливости Дика, которая научила людей различать добро и зло. На северном склоне Майстинского хребта, южнее Туга, находится священная роща, в которую ни один охотник не войдет, не омывшись прежде в речной воде, иначе злая вьюга сорвется с ледяной вершины Тебулосмта, преградит дорогу идущему, и тогда его неминуемо ждет смерть.

Вплоть да недавних времен существовали священные заповедные рощи и в других районах горной Чечни. В них никто не смел сорвать цветок или сломать ветку. Дикие животные чувствовали себя здесь в безопасности, так как ни один охотник не осмеливался охотиться в священной роще. Прежде в них могли укрываться даже кровники, не боясь того, что их может настигнуть месть. По народному поверью, пребывание в заповедных рощах в течение определенного времени приводило к исцелению от многих заболеваний. Очень трепетным было отношение чеченцев к дереву. С древних времен они научились оберегать лес, разумно использовать его. Грушевое дерево, грецкий орех считались священными, и был строгий запрет на их рубку. До сих пор среди чеченцев существует поверье, согласно которому человек, срубивший ореховое или грушевое дерево, попадет в ад. Произвольная рубка леса запрещалась, а срубить дерево из озорства считалось страшным преступлением наряду с убийством человека. На дрова рекомендовалось заготавливать валежник, больные деревья, но нельзя было использовать в этих целях ценные породы.

Граб также считался священным деревом. Он использовался чеченцами для изготовления оружия, и поэтому его рубка строго регламентировалась.

Был распространен среди майстинцев и культ вершины. Они обращались к самой высокой в этой гряде гор снежной вершине Тебулосмта с молитвой: «О, великий Тулой-лам! О, священный Тулой-лам! Мы обращаемся к тебе с просьбой, а ты попроси за нас Великого Делу».

Но тщетными оказались молитвы жителей Майсты. Селения Ца-кале, Пуога, Туга были разрушены в 1944 году при выселении чеченцев войсками НКВД. У башен были взорваны перекрытия и кровли, а затем они были подожжены изнутри.

Безжизненны сегодня ущелья Майсты. Молчат мрачные тени Васеркел, суровые башни Пуога, величественные руины Ца-кале. Солнце зашло над Майстой, погрузив в безмолвие этот удивительный край.

Но стоит гора Майстойн-ыам, сверкая белоснежной вершиной, напоминая людям о том, что в этом мире рано или поздно добро восторжествует над злом, чистота и свет будут править разумом людей и воцарится на земле справедливость.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ЧЕЧНИ

V-5 МЕЛХИСТА

МЕЛХИСТА - ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ ЧЕЧНИ, расположенная на левом берегу Аргуна, на границе с Грузией, между руслами рек Меши-хи и Бяста-хи. Мелхиста в переводе с чеченского — «страна солнца». Название это, вероятно, связано с тем, что солнце считалось тотемным предком чеченского племени, жившего здесь. Хотя есть и другое предположение: дело в том, что южные склоны хребта Коре-лам, на котором находилось большинство селений Мелхисты, круглый год освещены солнцем.

В древние времена основным религиозным культом здесь, как, впрочем, и во всей Чечне, было поклонение солнцу. Пережитки его в разных формах долго сохранялись у нахов. Именно к культу солнца восходит древний чеченский боевой танец «Чlагаран хелхар», когда воины, образовав круг, который символизирует солнце, повторяют его путь по небесной сфере, с каждым движением все больше распаляясь и входя в экстаз.

До нашего времени сохранилась у чеченцев клятва солнцем и выражение: «Малх санна цlена», то есть чистый, как солнце, или святой, как Солнце. На башнях и склепах в Мелхисте много солярных знаков: и ввиде креста, и в виде круга с лучами, и в виде ромашки.

Остались в Мелхисте и следы былого христианства. Прежде всего в топонимике, например, в названии селения Джарие — «Крестовое», которое

Замок над Аргуном. Фото В.И.Марковина

Река Бясте-хи

расположено по правому берегу Меши-хи, а также Джарие-Хьостуй – «Крестовый родник», расположенный недалеко от селения. Можно отнести к христианскому изображение в виде распятия на боевой башне в Цой-педе, а также изображение человеческой фигуры с копьем, по всей видимости, Святого Георгия, который был очень почитаем на Кавказе и отождествлялся с древним богом Солнца.

Именно здесь, по преданию, собиралось в прошлом общечеченское войско. Как гласит легенда, в далекие времена в Мелхисте, у подножия самых высоких гор, в ущелье, где быстрое течение Аргуна образует широкую дельту, один раз в год собирались чеченские воины. Как бы далеко они ни жили, каждый из них должен был прибыть сюда в назначенный день, пока не взошло солнце. Того, кто приезжал последним после восхода солнца, ждала казнь. Таков был закон, установленный Высшим Советом страны — Мехк кхелом. Однажды, торопясь на очередной сбор, скакал по ущелью воин, зная, какое суровое наказание ждет его, если он опоздает. Но, увидев солнце, поднимающееся над вершинами, и стройные ряды воинов, он замедлил бег коня. «Ты опоздал, воин. Следуя закону, мы должны казнить тебя — сказали ему старейшины, входившие в Высший Совет страны. — Но сначала ты должен назвать причину». Молчание нависло над ущельем, только мерный гул Аргуна нарушал тишину. Ни слова не произнес воин, опустив голову и приготовившись к смерти. «Ты должен назвать причину», — повторил старейшина. «Я вчера женился, — произнес воин тихо, — но узнал, что моя невеста любит другого. И решил погибнуть, чтобы она получила свободу и могла соединиться с любимым».

Но тут послышался стук копыт, и люди увидели всадника, несущегося на быстром коне. «Подождите! Я приехал последним, казните меня!» — крикнул он. И когда спросили у него причину, по которой он опоздал, воин ответил: «Вчера девушка, которую я любил, вышла замуж. Зная, что ее жених может опоздать на сбор, я, приехав сюда пораньше, ждал его, спрятавшись в ущелье. И увидев его, сразу же поехал вслед за ним. Я не хотел, чтобы его смерть омрачила жизнь девушки, которую я любил. Я же готов к смерти». Удивились старейшины и ушли на совет. Наступил полдень, прошел вечер, и только поздно ночью они вынесли свой приговор: «Пока среди нас есть такие благородные люди, ничто не угрожает чеченской земле. Мы отменяем суровый закон предков. Пусть больше никогда по этой причине не прольется чеченская кровь в ущелье Мелхисты».

Когда-то Мелхиста была густонаселенной. Здесь насчитывалось до четырнадцати селений. Доза, Банах, Комалх, Коратах, Джарие, Бенист, Сахана, Икалчу, Тертие, Меши — их развалины раскинулись по ущельям Аргуна и Меши-хи, в основном по южному склону хребта Корелам, мрачным безмолвием подчеркивая бренность жиз-

Вид с горы Коре-лам

ни и вечность смерти и камня. Словно печать заклятия довлеет над башнями, в которых еще полвека назад бурлила жизнь и кипели человеческие страсти.

Но более всего поражает мрачным великолепием Цой-педе — древний культовый центр Мелхисты. Цой-педе — это, прежде всего, некрополь, город мертвых, состоящий из полусотни каменных склепов. К тому времени, когда строились склепы, в Мелхисте существовал общевайнахский языческий пантеон, и мелхинцы поклонялись Деле, Тушоли, ЦIу. Именно божеству ЦIу было посвящено селение Цой-педе, что отразилось в его названии.

Цой-педе. Фото В.И.Марковина

При входе в город мертвых у тропы стоят два столпообразных сооружения. Это сиелинги — языческие святилища. Возле них выполнялись разного рода культовые ритуалы и приносили в жертву животных. Кроме того, отправляясь в путь, в специальные чаши, посвященные божеству, люди клали деньги, кольца, серьги и другие ценные вещи, и никто до них не дотрагивался. Считалось, что тот, кто возьмет что-либо из этих вещей, в наказание будет лишен разума.

Сразу за святилищами располагаются склепы, которые разбросаны небольшими группами по северному склону горы. Склеп, или, по-чеченски, малх-каш, то есть солнечная могила — это прямоугольная постройка в виде домика, выложенного из камней, на известковом растворе. Наружные стены некоторых склепов замазаны глиняно-известковым раствором. Крыши у склепов в основном двускатные, сложены из широких сланцевых плит, но встречаются постройки с плоской кровлей и с пирамидальной. Некоторые склепы состоят из двух помещений, одна из которых служила поминальной камерой. В ней вдоль стен выложены скамьи из камня, и устроены ниши для свечей. В поминальной камере родст-

Руины средневекового селения в Мелхисте

венники в дни священных праздников пили ритуальное пиво и поминали покойных. В фасадной стене склепа устроен лаз — четырехугольное отверстие, обрамленное каменной рамкой. Старики утверждают, что в старые времена эти отверстия закрывались специальными каменными плитами. Очень часто камни с лицевой стороны склепов украшены петроглифами, они охраняли склеп от темных сил. Чаще всего это свастики, кресты, спирали. Кроме того, на некоторых склепах сохранились знаки, которые, вероятнее всего, были своеобразными фамильными гербами. Над лазом одного из склепов на северо-восточной стороне некрополя в стену встроен, хорошо обработанный камень округлой формы, напоминающий человеческий череп. Он почти зеркально гладкий, по всей видимости, от постоянного прикосновения человеческих рук. Внутри склепов, вдоль стен, устраивались каменные полки в два-три ряда, на которых укладывали покойников. Рядом с умершим оставляли оружие, предметы домашнего обихода, которые, по представлению их родственников, могли им понадобиться в ином мире. Хотя большинство склепов было разграблено после выселения местных жителей в 1944 году, но до сих пор в некоторых из них чудом сохранились изделия из керамики и дерева, стрелы, женские украшения.

Возникновение и существование коллективных склеповых захоронений датируется XII—XIV веками. Народные предания по-разному говорят об их происхождении. Согласно одной из легенд, склепы начали строить во время эпидемий, когда люди оставляли свои селения, спасаясь от мора, и некому было хоронить умерших. Больные сами приходили в склепы и умирали на каменных полках.

Сведения о страшной эпидемии в Мелхисте сохранились в легенде об Ун-нане и мелхинцах. Ун-нана, богиня болезней, посетила празднество, посвященное богине плодородия Тушоли. Но во время ритуального шествия она посчитала, что молящиеся оскорбили ее своим невниманием, и наслала на них заразные болезни.

Над склепами возвышается боевая башня. Она снабжена множеством бойниц, а у самого верха — машикулями. На камни башни нанесены петроглифы — магические знаки, которые должны были оберегать башню и воинов от врага.

К югу от «города мертвых» находилось прежде селение Цой-педе, отделенное от некрополя прочной каменной стеной, примыкающей к башне. Это было большое по масштабам горной Чечни селение. Как говорят старики, в Цой-педе из одних только ворот выезжало шестьдесят воинов на одинаково серых конях. Оно было очень хорошо укреплено. С северной стороны его прикрывала боевая башня и высокая каменная стена, с юга – высокий, неприступный обрыв, с юго-восточной стороны, над Аргуном возвышается мощный замок. Селение Цой-педе было разрушено в результате междоусобной войны.

Башня «Кошан бов»

Некрополь Цой-педе

Башенное селение Коротах

Как рассказывает легенда, три месяца осаждали его враги и не могли взять. В Цой-педе жила девушка, возлюбленный которой находился в стане врагов. Поздней ночью она поднялась на стену и указала осаждавшим безопасный проход со стороны пропасти. Враги ворвались в селение, и оно было разрушено до основания.

Вследствие удаленности от равнины и хороших естественных укреплений и фортификационных сооружений, построенных по всему Аргунскому Ущелью, до Мелхисты редко доходил внешний враг. Но междоусобные войны, кровная месть терзали эту землю. Подобное положение старики-мелхинцы объясняли проклятием Ун-Наны, богини болезней. Когда-то, в Цой-педе жили три брата — Цатеш, Матеш и Макхера. Они совершали поминки по своей матери и приносили в жертву скот. Все именитые мелхинцы собрались здесь. Туда пришла и Ун-Нана, чтобы пустить на людей заразу. На плечах у нее висели переметные сумы, полные золы. «Если мы не убьем Ун-нану, то она погубит наших гостей» — подумали братья и ударом сабли отсекли ей голову. Голова Ун-наны покатилась по склону и пробормотала: «Да не придет моровая болезнь в Мелхисту, да не иссякнут война и вражда среди мелхинцев».

Действительно, все в ущельях Мелхисты напоминает о том, что люди, которые жили здесь, находились в состоянии войны всех со всеми.

К северу от Цой-педе, на самой вершине хребта

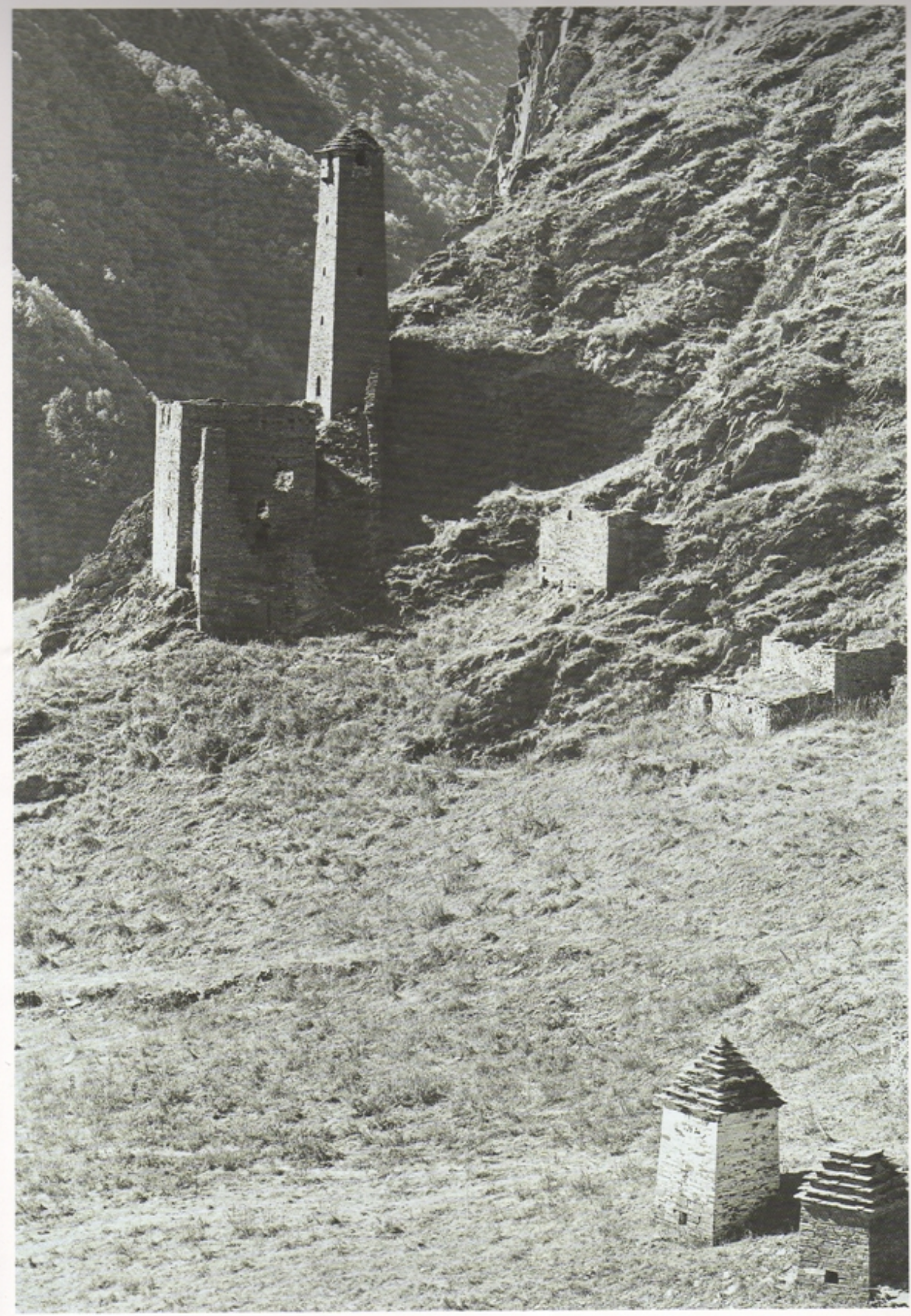
Цветы и облака

Селение Сахано. Фото И.Пальмина

Коре-лам, расположено башенное селение Коротах. На его восточной окраине находится башенный комплекс, состоящий из боевой и жилой башен, а также высокой каменной стены, примыкающей к ним. По всей видимости, первоначально это было строение замкового типа. Чуть ниже видны руины жилой башни и хорошо сохранившийся двухэтажный склеп с пирамидальной кровлей. К западу от комплекса, вверх по склону, — руины многочисленных жилых башен, ниже — некрополь. К югу от селения Коротах — развалины трех башен, которые можно отнести к полубоевым, они очень массивны, гораздо выше обычных жилых башен и имеют машикули. Они расположены таким образом, чтобы в случае осады можно использовать оборонительные возможности всех трех башен.

К востоку от селения Коротах лежат селения Комалх, Банах — на левом берегу Аргуна и Доза — на правом. Посередине меж этих трех аулов сохранилось живописное место, которое называлось Узум-меттие — «Место, где исполняются песни». В средние века, во время священных празднеств жрецы пели здесь культовые песни, и, когда раздавались звуки песни, жители окрестных селений знали о начале религиозных церемоний.

Вверх по ущелью реки Меши-хи, вдоль хребта Коре-лам, лежат руины селений Икалчу, Бенист, Сахана, Тертие, Мешиех. В селении Тертие хорошо сохранился башенный комплес, а также некрополь на южной окраине.



Селение Меши. Фото И.Пальмина

Руины жилых башен

Полубоевая башня на правом берегу Меши-хи

На правом берегу реки Меши-хи было всего лишь два селения: Кегине и Джарие. Сторожевая башня Джарие видна с мыса Цой-педе, она нависает над пропастью на высокой, обрывистой скале.

Селения Бясте и Ами раскинулись на южном склоне хребта Бясте-лам, к северу от Аргунского ущелья, на левом берегу реки Бясте-хи, притока Аргуна. Это очень живописное ущелье: густой березовый лес сменяется зарослями диких плодовых деревьев и кустарников. Здесь также множество родников с прозрачной горной водой.

В работах этнографов, археологов Мелхиста, как правило, характеризуется как мрачный и угрюмый край. На самом деле ущелья Мелхисты очень красивы в любое время года. Весной здесь цветут дикая слива, шиповник, очень много разных цветов. Зимой, даже в январе, тепло и солнечно. Золотистого цвета трава и ярко-зеленые сосны живописно смотрятся на фоне серых скал и снежных вершин. Прекрасно вписываются в пейзаж и величественные башни, черные камни которых эффектно контрастируют с золотом травы.

Вплоть до 1944 года почти вся Мелхиста была заселена, имелась даже школа-интернат в селении Сахана. Но после выселения жителей в 1944 году большинство боевых и жилых башен было взорвано, а некрополи разграблены.

Вид с боевой башни «Кашан бов»

Ущелье реки Меши-хи

Замок на берегу Аргуна

Селение Тертие. Фото И.Пальмина

V-6 АККИ

АККИ – ГОРНАЯ ОБЛАСТЬ ЧЕЧНИ, ГРАНИЧАЩАЯ НА ЮГЕ С КЕЙ, на востоке — с Нашхом, на западе — с Ялхарой, на севере — с районами чеченского общества Орстхой. Когда -то область была густо заселена. Руины башенных селений Зенгали, Бици, Керети, Воуги, Ами, Итир-кале до сих пор напоминают о суровом прошлом этих гор.

Основным занятием жителей Акки являлось скотоводство и земледелие. Кроме того, они славились как прекрасные охотники и воины.

Аккинцы приняли активное участие в Кавказской войне в отрядах имама Шамиля. Многие укрепленные селения осаждались царскими войсками, многие башенные строения были разрушены во время штурма и обстрела из артиллерийских орудий.

М.А.Иванов, посетивший Акки в начале прошлого столетия, писал об этом: «На возвышенных площадках разбросаны каменные сакли нескольких отселков старшинства. Они группируются в большинстве случаев вокруг старинных башен, которыми вообще богата эта местность, служившая в отдаленном прошлом ареной бесконечных распрей и междоусобиц, а в ближайшую эпоху – борьбы Шамиля с русскими войсками. Об этих последних событиях среди населения сохранились еще свежие воспоминания: рассказывают о том, как брались русскими крепкие башни, как гремели пушечные выстрелы и артиллерийские снаряды разбивали твердыни горцев».

Еще в Позднем Средневековье аккинцы занимали территории к западу не только от истоков Гехи, но и Фортанги и Ассы. Аккинцы тейпа Ваппи жили и в Джейрахском, и в Дарьяльском ущелье, в селениях Ларс, Гвилети. В русских источниках того времени упоминается владетель Ларсова кабака (селения – автор) Салтан-мурза, который был братом Ших-мурзы Окоцкого. Согласно полевым материалам, чеченский тейп Багачарой, выселился из района, который находится у истоков Сунжи, у горного хребта Багучар. В те времена этот тейп относился к тукхуму Акки, но багачаройцы даже после переселения на правый берег Шаро-Аргуна продолжали считать себя частью аккинского тукхума. Часть багачаройцев еще в XVI веке основала село Багачарой у выхода из Аргунского ущелья, неподалеку от селения Гойты. В 1825 году оно было сожжено русскими войсками в результате трехдневного сражения. Это сражение было описано князем Волконским в одном из писем к своему другу.

В XV—XVI веках часть аккинцев мигрировала на восток, в Ичкерию, а также в районы расселения нахского племени «овхой» (сегодня — это западные районы Дагестана), которые, по всей видимости, являются потомками древнего племени аорсов, упоминаемого Страбоном. Позже в эти же районы переселились орстхоевцы (цечой) из ущелья Цеча-ахк, а также пешхой. В результате появился чеченский субэтнос, который, идентифицируя себя как часть чеченского этноса, выделяет себя в нем как «акки» в отличие от «лам-акки» — горных аккинцев, которые сегодня живут почти во всех районах Чечни.

Вечерний пейзаж в Акки

После окончания Кавказской войны в XIX веке многие жители Акки переселились в Турцию. Тейп Ваппи, как и некоторые орстхоевские фамилии, покинул Чечню почти полностью.

Несмотря на множество древних селений, до нашего времени в более или менее сохранном виде дошло очень мало памятников архитектуры. В селении Зенгали, расположенном к югу от озера Галанчож, на левом берегу реки Гехи, сохранилось около двадцати жилых башен различной сохранности, построенных из хорошо обработанного камня. Отдельные жилые и полубоевые башни сохранились в селениях Бици, Керети, Мизиркала. Во время последних двух войн они были подвергнуты бомбардировке российскими самолетами.

Дожившие до наших дней архитектурные строения свидетельствуют о высоком мастерстве их строителей. Акки, как и Терлой, и Майста, славилась своими мастерами. Сохранилась легенда об одном из них — знаменитом строителе башен Дисхи. По дороге в селение Воуги стоит одинокая башня. Местные жители называют ее Дисхи-боу. Говорят, что ее построил мастер Дисхи. В одном из селений Акки Дисхи засватал девушку. Однажды весной, когда легче всего было купить или выменять овечью шерсть, он попросил невесту сшить ему шубу. Она пообещала, но почему-то долго не могла закончить работу. Дисхи рассердился за невнимательное отношение к своей просьбе и сказал невесте, что он быстрее построит башню, чем она сошьет шубу.

Он принялся за работу. Возвел стены, и когда нужно было завершить кровлю, деревянные подмостки, на которых лежали тяжелые камни, не выдержали и рухнули. И погиб мастер Дисхи. Услышала об этом невеста, прибежала к башне и, увидев мертвого жениха, взобралась на башню и бросилась вниз. Так и осталась башня недостроенной. А люди в память о знаменитом мастере назвали ее Дисхи-боу – башней Дисхи.

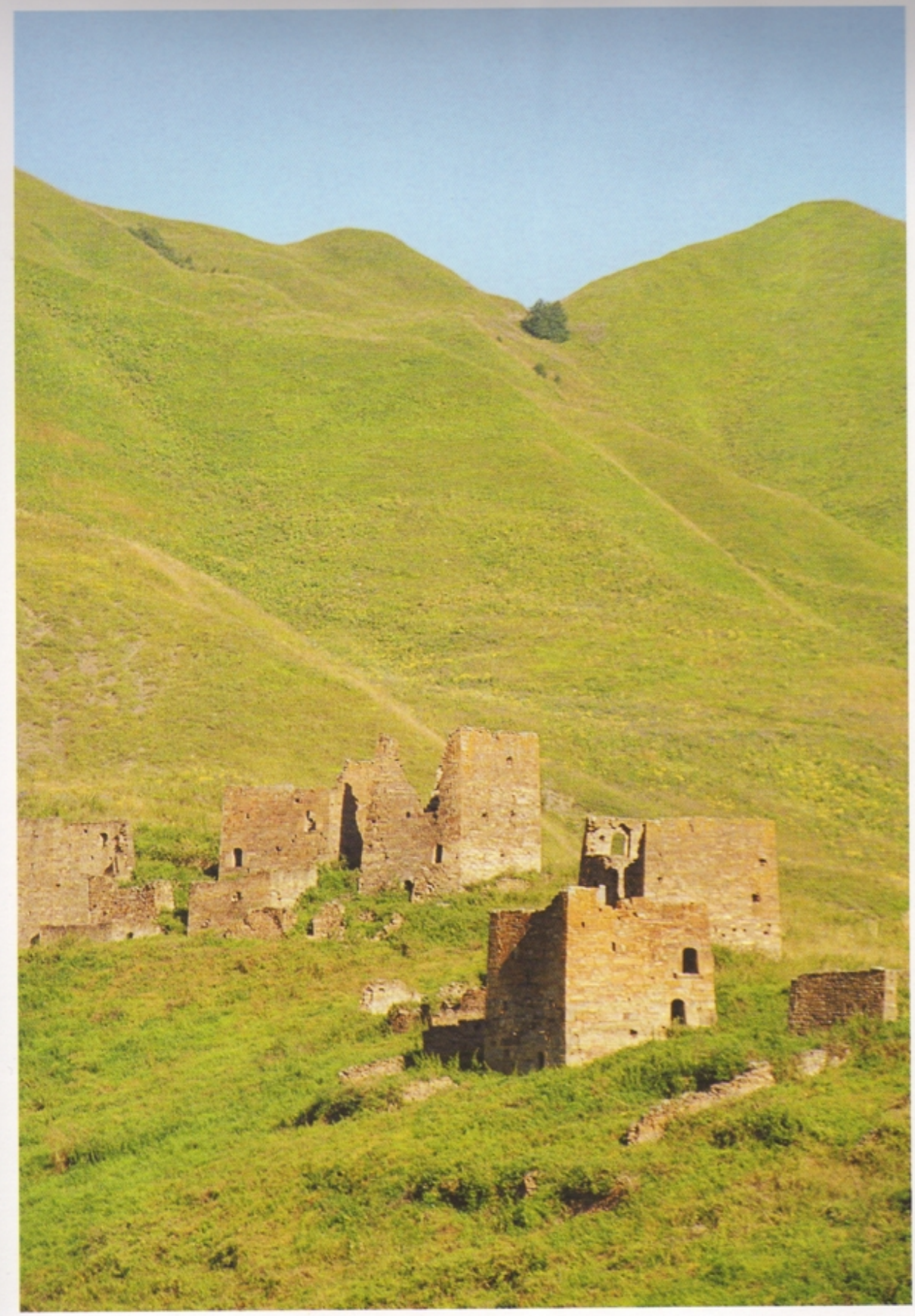
К одному из красивейших памятников жилой архитектуры чеченцев можно отнести жилую башню Мизир-Кала, которую отличают изящество пропорций, утонченный декор, высокая техника строительства, что обычно более характерно для боевых башен.

Над левым берегом речки Акки-хи, на высоком каменном обрыве, расположена встроенная в скальную нишу башня Итир-кале. Ее можно назвать маленькой крепостью. Доступ к ней невозможен, так как деревянные мостки, переброшенные со скалы на скалу, давно рухнули. Стены почти полностью развалились, остались только фрагменты. Согласно полевым материалам, владельцем крепости был местный феодал Гаж, который отличался жестоким и свирепым нравом. Он брал пошлину в виде овечьей шерсти и пороха с проезжающих по этой дороге людей. По преданию, Гаж был убит восставшими соплеменниками.

Сегодня ущелья Акки безлюдны. В вечном безмолвии застыли силуэты древних башен. И никто не может сказать, вернется ли когда-нибудь сюда жизнь вновь.

Руины селения Ами

Река Гехи



Селение Зенгали

Склеп на горе Мизир-корт

Селение Бици

У истоков реки Гехи

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ЧЕЧНИ

V–7

ЭРШТХОЙ

ЭРШТХОЙ (АРШТХОЙ, ОРСТХОЙ) – ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ Чечни, которая находилась к западу от Акки и Ялхарой и включала в себя район, примыкающий к озеру Галанчож, ущелью реки Фортанга, а также Ассы в нижнем ее течении.

После ухода с Кавказа отрядов Тимура орстхойцы одними из первых спустились в предгорья, а затем и в долину между реками Сунжа и Асса. Здесь они столкнулись с кабардинцами, которые вели тогда кочевой образ жизни и пасли свой скот на освободившейся после ухода монголов территории.

Вообще, как свидетельствуют исторические и фольклорные источники, этнонимом «орстхой/арстхой» первоначально обозначались все нахоязычные жители предгорья. А та часть нахов, которая с XVIII века стала называться «орстхой», в более ранние времена имела племенное название «балой», куда входили и акки, и пешхой, и некоторые другие чеченские тейпы. По всей видимости, это была каста воинов.

Этимология этнонима «арстхой» довольно прозрачна: по чеченски «арц» — невысокий хребет, «арстхой» — жители предгорий или Черных гор. Но возможно, что чеченское «арц» в более древние времена имело значение «крепость, крепостной вал», что вполне возможно (ср. латинское arx, arcis - «крепость», восходящее к этрусскому). В таком случае древний сигнал об опасности «орцах довла» приобретает конкретный смысл: «Укройтесь в крепости» (или за крепостным валом).

Согласно фольклорным материалам, до прихода чеченцев из западных районов Кавказа в Ичкерии и Чеберлое также жили орстхойцы, которые говорили на языке, имевшем некоторые отличия от чеченского языка. Но вряд ли их сегодня можно идентифицировать с жителями Эршты.

Орстхоевцы занимались земледелием и скотоводством, а в горных районах, в селениях Верхний и Нижний Даттых, кроме того, добычей соли.

Руины башенного селения. Фото С.Абаева

Руины жилой башни. Фото И.Пальмина

Орстхоевцы довольно рано по сравнению со своими соседями приняли ислам и активно участвовали в Кавказской войне в отрядах Шамиля. Они постоянно совершали набеги на селения ингушей, которые к тому времени стали подданными русского царя. Об этом говорят многочисленные жалобы ингушских старшин, сохранившиеся в российских архивах.

При выселении части кавказских народов в Турцию после окончания Кавказской войны орстхойцы почти полностью покинули родину, не желая подчиняться российской администрации. Оставшиеся были расселены царской властью по чеченским и ингушским селам, а на их землях была образована Сунженская казачья линия для разделения чеченцев и ингушей.

Территория Эрштхой очень богата каменными башенными постройками. Руины их сохранились в селениях Базанте, Гандал-баса, Нижний и Верхний Даттых, Цеча-ахк, Эгичож. Хотя область находится на самом западе Чечни, архитектура ее по своим основным параметрам тяготеет к формам Центральной Чечни, то есть Аргунского ущелья.

Селение Цеча-ахк насыщено башенными постройками самых различных эпох. Древнейшее поселение Цеча-ахк относится к I тысячелетию до нашей эры. Оно состоит из циклопических построек, которые представляют собой сооружения прямоугольного плана, построенные из огромных необработанных камней.

Гигантские планы этих жилищ могут говорить об определенной социальной структуре общества того времени.

Полубоевая башня. Фото И.Пальмина

Горный пейзаж

По всей видимости, население здесь проживало большими общесемейными общинами, которые постепенно дробились в процессе эволюции. Кстати, это подтверждается и тем, что к циклопическим сооружениям пристраивались дополнительные помещения небольших размеров.

Сохранились здесь и постройки раннеаланской эпохи (I—VII вв.). Среди них уже можно различить боевые и жилые башни.

Жилые башни, несмотря на невысокий уровень строительной техники, имеют уже конструкции, свойственные поздним, классическим постройкам: наличие опорного столба, арочные проемы (дверные и оконные), расширение их с внутренней стороны. Позднеаланские постройки (это подтверждается здесь и обилием археологического материала) по своим формам приближаются к классическим.

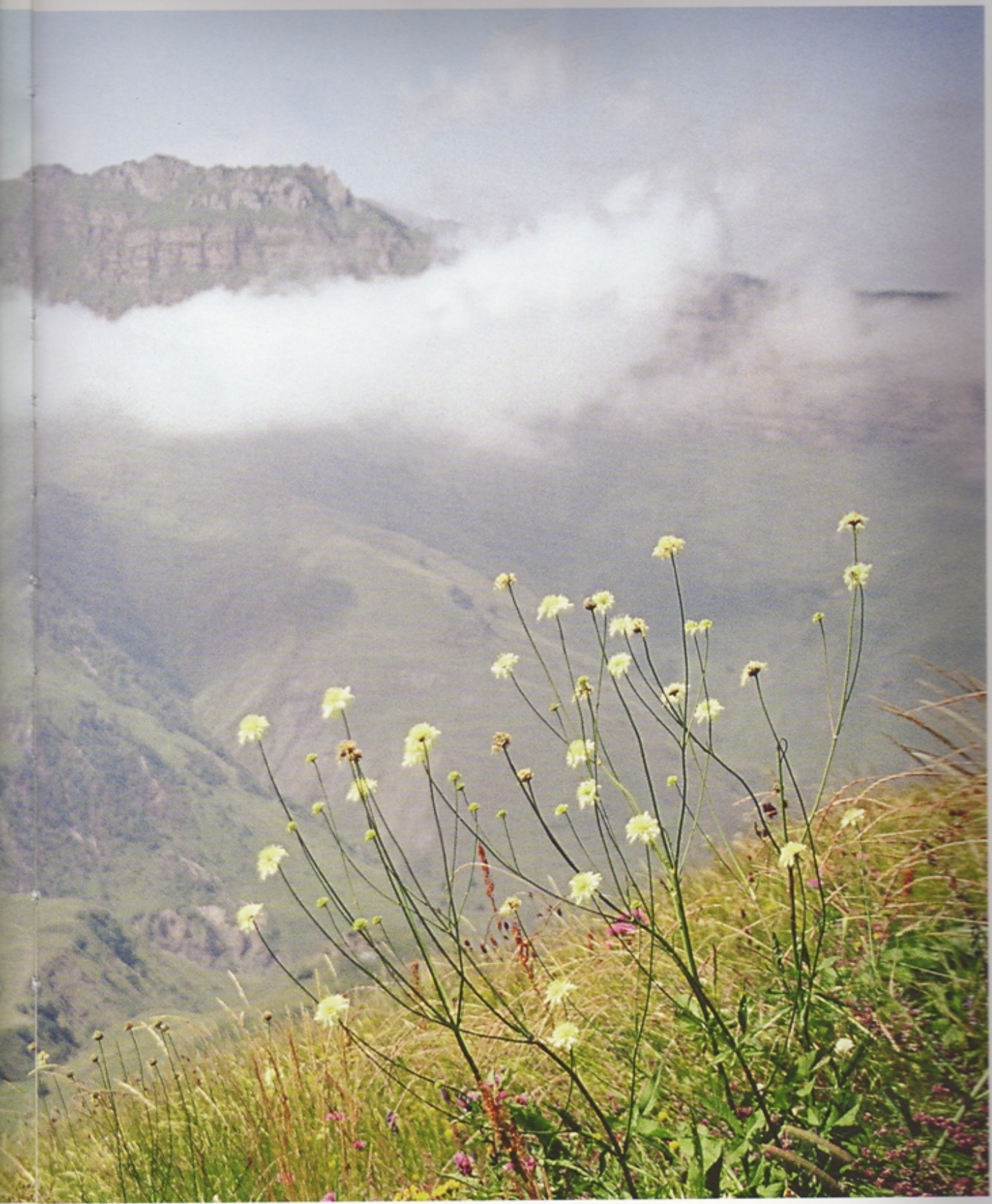
К XV—XVII векам можно отнести мощный замок селения Цеча-ахк, состоящий из одной боевой и двух жилых башен. Боевая башня имеет квадратное основание (5 х 5 м), большое количество оконных проемов с круглыми арками, камни обработаны, кладка выполнена очень тщательно, на фасаде башни имеются элементы декора. Жилые башни, пристроенные к боевой башне, ничем не отличаются от нее по технике кладки и уровню обработки камня, то есть все элементы замка были построены в одно и то же время.

К вершине фортификационного зодчества чеченцев можно отнести крепость Эги-чож, в которой воплощены все лучшие достижения нахской архитектуры.

Башня. Фото И.Пальмина

Руины башенного комплекса. Фото И.Пальмина

Озеро Галанчож



V-8

ТЕРЛОЙ-МОХК

ТЕРЛОЙ-МОХК – ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ НА ЮГЕ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ, на левом берегу Аргуна, с юга она граничила с Кей-мохк, с севера – с Дишни, с запада – с Пешхом, восточная граница ее шла по левому берегу Аргуна, где на высоком склоне стоял величественный комплекс из трех боевых башен – КIирда баьвнаш. По ее территории протекали три левых притока Аргуна: Никарой, БархIай, БIавлой, по имени которых назывались и три патронимические группы, составлявшие общество Терлой.

М.Мамакаев включил Терлой в число девяти чеченских тукхумов, хотя и полевые материалы, и предания говорят о том, что это был один из крупнейших чеченских тейпов, который имел все классические признаки тейпа, в том числе и такие реликтовые, как тейповый культ.

Топоним «Терла», по всей вероятности, восходит к чеченскому «тIера» – верхний, высокогорный. Жители горных районов до сих пор называют Терлой-мохк «ТIера», а его жителей «тIерий», то есть верхние.

Терлой-мохк начинается с башенного укрепления «Кирда-бавнаш», которое расположено на высоком мысе, образуемом при впадении в Аргун его левым притоком Терлой-ахк. Согласно тептарам (семейной хронике), хранившимся у предков Ахмеда Сулейманова до февраля 1944 года, после крушения аланской области Сим-Сим в войне с Тимуром царь и приближенные отступили на запад с большим караваном, нагруженным оружием и казной. Они дошли до реки Аргун и на левом берегу его, на высоком мысе, заложили мощное башенное укрепление. Остатки этого укрепления сохранились до наших дней под названием «Кирда-бавнаш». Потомки царя пытались утвердиться здесь, назначив князьями своих вельмож Бийриг Бичу и Элди Талата, которые сразу же начали междоусобную войну. Царь и его сын Байра не сумели укрепиться здесь, восстановить свою прежнюю власть и вместе со своим войском ушли частью в Китай, частью в Японию.

Жители Терлой-мохк сравнительно поздно приняли ислам в отличие от населения восточных районов Чечни. Поэтому здесь множество мест и топонимов, связанных с различными языческими культами.

По информации А.Сулейманова, «на окраине древнего аула Никарой находилось культовое место «Меркан нение» – Матери страны, где в более древние времена стоял храм, посвященный Матери страны. Праздник «Меркан Нана» отмечался ранней весной, перед началом весенних полевых работ. Сначала выбирали самую красивую девушку, наряжали ее, надевали на голову венок из цветов, которые девушки плели при лунном свете. Девушка – «Меркан Нана» вела за веревку первотелку красной масти с надочажной цепью на шее. К рогам первотелки привязывали красные ленты. Ее сопровождали жители Никароя с пением гимнов, неся вино, хлеб и сыр. Процессия обходила аул и проходила к храму. Жрец трижды обходил вокруг храма, исполняя магические обряды, а затем приносил в жертву пробуждающейся природе корову». Обряд поклонения «Меркан Нане» существовал в других районах горной Чечни, в Ингушетии и Грузии.

Моцаройский замок. Фото И.Пальмина

Кроме того, к северо-востоку от селения Джелашки, на горе Терлой-лам, находятся развалины средневекового святилища Терлой Дели, которое представляло собой сооружение прямоугольной формы, сложенное из камней, с широким дверным проемом в виде арки. Постройка была, по всей видимости, довольно высокой, если высота сохранившейся стены составляет почти три метра. Со стороны фасада небольшая каменная ограда образует дворик. Согласно полевым материалам, два раза в году, весной и осенью, к нему собирались на молитву жители (только мужчины) Терлоевского и Бавлоевского ущелий. Кроме того, в дождливые годы к святилищу приходили молиться о прекращении ненастья, а в засушливое время просили дождя. Терлой Дели почитали охотники, которые оставляли в дар святилищу наконечники стрел, а также рога и шкуры убитых животных.

В прежние времена Терлой-мохк был очень густо населен, в его ущельях располагались селения Барха, Уйта, Ушна, Гуро, Бушни, Элда-пха, Сени, Моцарой, Никарой, Баулой. Многие из этих селений были башенными, а в черте некоторых из них, как, например, Моцарой, Никарой, стояли мощные замки.

В селении Элда-пха было три боевые башни. Одна башня полностью развалилась, от нее осталось только основание. Две другие сохранились на уровне двух этажей. Боевые башни и поселение Элда-пха предание связывает с именем Элди Талата, который, согласно тептарам, был придворным аланского царя, так же как и Берг-Бич, владелец укрепления Кирд-бавнаш. Они находились в состоянии постоянной вражды которая, закончилась лишь после смерти обоих.

Селение Моцарой состоит из десятка жилых башен и двух мощных замков. Первый замок включает две пристроенные друг к другу жилые башни, а второй — три жилые и одну боевую башню, обнесенные каменной стеной высотой более двух метров. На стене одной из башен петроглифы: спираль и крест в круге.

На окраине Моцарой, рядом с кладбищем, состоящим из наземных склеповых могильников и поздних мусульманских захоронений, сохранилось языческое столпообразное святилище. Стены святилища сложены из серого плитняка на известковом растворе, оштукатурены и побелены желтоватой известью. Кровля у него пирамидально-ступенчатая. Высота святилища — более двух метров. Со стороны фасада имеется стрельчатая ниша.

Никарой, по всей видимости, было одним из древнейших поселений Терлой-мохк, культовым центром и своеобразной столицей терлойцев. Об этом могут свидетельствовать и руины циклопических построек, древнейшие из которых относятся к II—I тысячелетию до нашей эры.

В Никарое сохранились около десятка жилых башен, которые имеют три или четыре этажа, одна пятиэтажная полубоевая башня, боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей. Постройки, ступенями спускаясь вниз по склону, в комплексе образуют мощный замок. Недалеко от Никароя находится селение Бушни, в котором сохранились руины жилых башен, построенных из огромных камней, по всей видимости, циклопического происхождения.

Селение Гимрой. Фото И.Пальмина

Никарой. Фото И.Пальмина

Археолог С.Умаров. Фото 60-х годов.

Жилые башни в Терлой-Мохк. Фото Э.Мамакаева

Писатель Эдуард Мамакаев. Фото 60-х годов

Никарой. Фото С.Абаева

Башни Кирды. Фото Э.Мамакаева

Мальчик из Терлоя. Фото 60-х годов

V-9 ЧЕБЕРЛОЙ

ЧЕБЕРЛОЙ – ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ, РАСПОЛОЖЕННАЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЧЕЧНИ. Границы этой горной области точно не определены, наиболее распространенным является мнение о том, что к Чеберлою относятся только район Макажоя, озера Кезеной-Ам, селений Хой и Харкарой.

Более достоверной представляется информация о границах общества Чеберлой известного чеченского этнографа и фольклориста Ахмада Сулейманова, который основывается на свидетельствах стариков, живших здесь до выселения. По его мнению, Чеберлой на севере граничит с землями общества Нижалой и Ичкерией, на западе – с обществом Шаро (Нохчкела, Босси), на юге и востоке – с Дагестаном. Это наиболее отдаленный и недоступный район Чечни, который практически не имел никаких контактов с внешним миром. Вероятно, именно поэтому в чеберлоевском диалекте чеченского языка сохранились архаические черты (отсутствие лабиализованных гласных, сохранение древних форм местоимений и т.д.), которые сближают его с западными вайнахскими диалектами, особенно с ингушским языком.

Топоним «Чеберлой» восходит к чеченскому «чеба аре» – ровное место, котловина, а «лой» является топонимическим суффиксом.

Чеберлой стал заселяться чеченцами, которые мигрировали из западных районов Кавказа, сравнительно поздно, не ранее XV века. У некоторых тейпов, живущих в районе Чеберлоя, сохранились предания об их происхождении из западных районов Чечни. Так, по преданию тейпа Макажой, их родоначальником был Турач, переселившийся в эти места из Нашха.

Жители селения Кезеной ведут свое происхождение от потомков бедной вдовы, оставшейся в живых после гибели селения, которое стояло на месте озера.

Боевая башня у селения Хой. Фото С.Абаева

Цитадель Кезеной. Фото С.Абаева

В исторических источниках XIX века некоторые русские авторы, исходя из особенностей чеберлоевского диалекта, а также антропологических признаков (светлые волосы, зеленые глаза), пытались приписать чеберлоевцам славянское происхождение. На самом деле жители собственно Чеберлоя (например, макажой) отличаются черным цветом волос и смуглой кожей.

Так, например, предполагалось русское происхождение тейпа «орсой» по созвучию с чеченским словом «оьрси» – русский. Но это слово в чеченском языке является заимствованным и не могло появиться в чеченском языке ранее XVII века, а название тейпа и селения Орсой более древнего происхождения. Здесь более вероятным представляется сближение с «аорсами», племенами, которые жили в Предкавказье в первых веках нашей эры.

В древних исторических сочинениях, например у Плиния, упоминаются племена содов, которых соотносят с чеченским тейпом садой. Но вряд ли в то время в районе Чеберлоя могли жить нахские племена. Тем более что сами садой считают себя выходцами из Нашха, где они имели долю в родовом котле коренных чеченских тейпов. Вообще, садой, согласно фольклорному материалу, собранному А.Сулеймановым, считали себя привилегированными, «али», то есть княжеского происхождения, и вели постоянные войны с чеберлойцами, пытаясь подчинить их, при этом не считали себя принадлежащими чеберлоевскому обществу.

В русских источниках впервые Чеберлой упоминается в документах XVI–XVII веков как «Чабрил», а жители этого края называются «шибутянами, шубутами», так же как и их соседи по Шаро- и Чанти-Аргуну.

Особенности материальной культуры этих районов свидетельствуют о существовании на этой территории дочеченского субстрата. По всей вероятности, вплоть до конца XV века на территории Ичкерии и Чеберлоя жили другие племена, которые затем были большей частью вытеснены, а частично ассимилированы чеченцами в их передвижении с запада на восток. Доказательством этому могут служить и более древние пласты археологической культуры этих территорий. Территория Чеберлоя входит в ареал культуры, которую археологи называют каякентско-харачоевской.

В ареале обитания древних нахов в это же время существовала так называемая кобанская культура. Но, вероятно, эта миграция была длительной, так как в преданиях местных жителей говорится о том, что до поселения их предков в этих местах жили орстхоевцы.

Так, согласно полевым материалам, записанным здесь В.Кобычевым, «первыми насельниками в Чеберлое были эрстхойцы, потом пришли стрелки из лука-арбалета (Iад къам). Стрелки из лука, по преданию, прибыли из-под горы Нашаха, расположенной в верховьях реки Рошни-чу. Вначале в качестве разведчиков нашахойцы выслали трех человек, но местные жители убили их. Тогда для отмщения прибыл целый отряд, который выстроил укрепление на ме-

Руины Макажойской боевой башни. Фото И.Пальмина

Селение Харкарой. Фото И.Пальмина

сте нынешнего селения Хой. С этих пор нашахойцы прочно овладели Чеберлоем». Из Нашха был прислан в качестве правителя Чеберлоя, согласно преданию, и легендарный Алдам-Гези, который выбрал в качестве резиденции селение Кезеной, где выстроил сильно укрепленный замок. Руины его сохранились до сих пор.

Чеберлой – край удивительной красоты: каменистые горные каньоны, бурные реки, водопады, густые леса и величественное озеро Кезеной-Ам.

Озеро Кезеной расположено на высоте 1869 метров. По преданию, на месте этого озера когда-то было древнее селение. Народ в нем жил вольготно и благодатно, не зная ни невзгод, ни лишений. Как-то раз в это селение пришел нищий – белобородый старец. Он стучался во многие двери, но никто не отворил ему, никто не подал даже куска хлеба. И лишь бедная вдова, жившая на окраине села в полуразвалившейся избушке, впустила его на ночлег и поделилась с ним своим скудным ужином. Утром старец сказал бедной вдове: «Я не нищий, а ангел. Жители этого селения будут наказаны за алчность и несоблюдение обычая гостеприимства – селение погибнет. Ты же должна уйти со своими детьми и подняться на склон горы». С этими словами старец исчез. И не успела вдова взойти на гору, как бурный поток воды с горных склонов обрушился на селение, и оно исчезло в волнах.

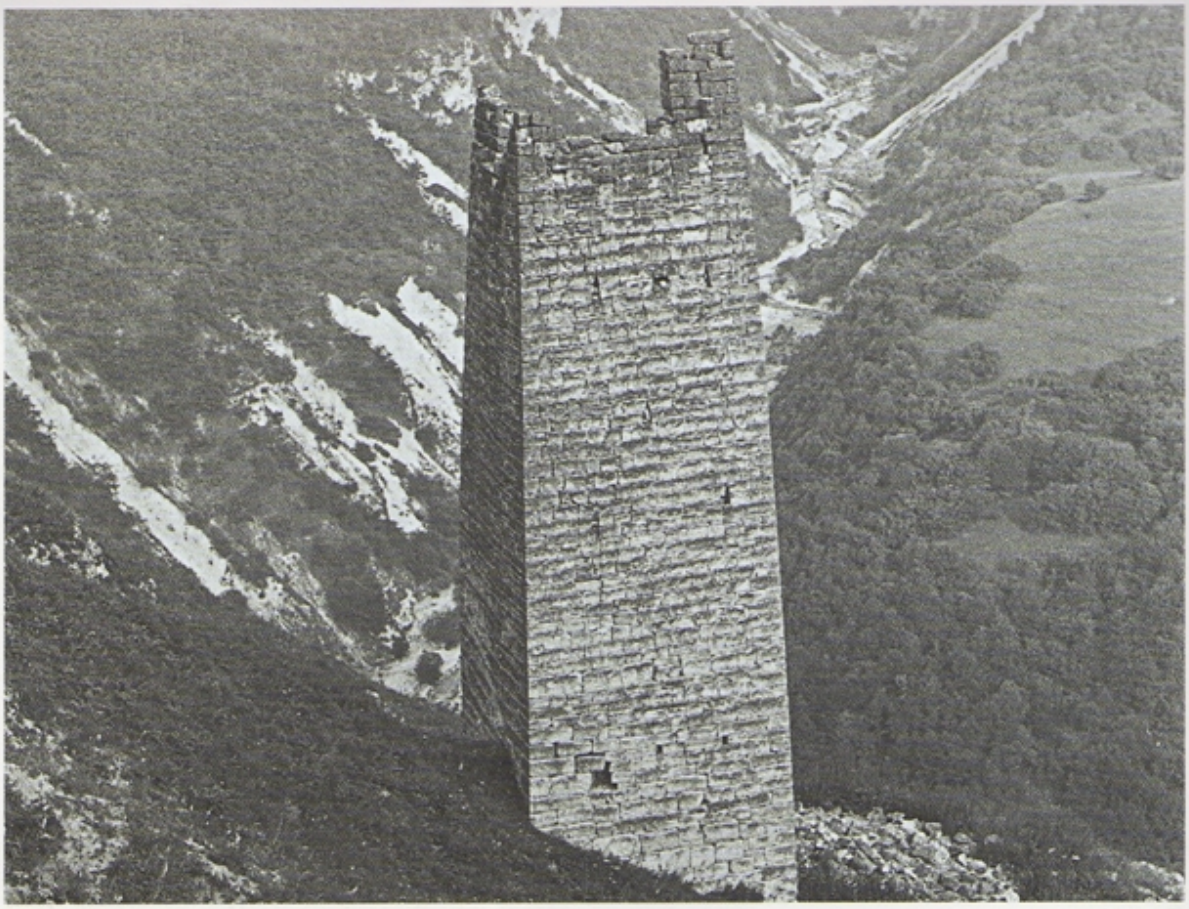
А потомки бедной вдовы основали новое селение неподалеку от озера и назвали его Кезеной. Согласно другому преданию, селение основал орстхоевец Кезен со своими сыновьями. Но пришедший из Нашха (Западная Чечня) Алдам победил Кезена и стал владетелем этой местности.

Селение Кезеной расположено к югу от озера, в нескольких километрах от него. Главной его достопримечательностью является крепость, возвышающаяся над селением, – это крепость Алдам-Гези (Гези-Алдаман ков), развалины которой и сейчас видны на высокой скале.

Крепость состоит из цитадели, группы полуразрушенных зданий и жилой башни, известной под названием «башни Дауда». Башня прямоугольная, почти квадратная, высота ее сохранившихся стен – около семи метров. В центре башни – остатки опорного столба, один из угловых камней, связывающих стены.

К югу от башни Дауда находится мечеть, под дверной порог которой вделана надгробная плита. Это надгробие, по свидетельству местных жителей, принадлежит чеченскому герою Сурхо, сыну Ады. Сурхо, согласно историческим преданиям, победил в войне кабардинского князя Мусоста и поделил его земли между бедными. В честь его победы было названо село Сурхохи (в Ингушетии) и сложена героическая песня – илли.

Религиозные действия и праздники в Кезеное сопровождались общественным пивоварением: в чашечном камне в помещении рядом с мечетью толкли ячмень для ритуального пива. Подобный камень можно видеть рядом с жилой башней в селении Туга, в Майсте.



Ачалойская боевая башня. Фото И.Пальмина

Крепость Алдам-Гези расположена на высокой скальной площадке и обнесена каменной стеной. Внутри цитадели сохранился фундамент боевой башни. Комплекс, по всей вероятности, построен в XVI веке, а мечеть – в более позднее время. Это подтверждается и особенностями архитектурного стиля строений. Если жилая башня построена в чисто вайнахском стиле: центральный опорный столб, угловые камни, связывающие стены, использование раствора, то архитектура мечети является чисто дагестанской. Она, по всей вероятности, была построена после XVII века, то есть после распространения ислама в Чеберлое.

Жители Чеберлоя одними из первых среди чеченцев приняли ислам. И, вероятно, поэтому здесь не сохранилось, в отличие от других районов Чечни, склеповых захоронений. Но тот факт, что здесь очень много склеповидных надгробий, говорит о том, что они были распространены в свое время и на этой территории. Склеповидные надгробия есть и у селения Пуога в Майсте. Их появление здесь связано с тем, что майстинцы, приняв ислам, перестали строить коллективные склепы, но в надгробиях индивидуальных могил они сохранили их архитектурные формы, хотя и в уменьшенном виде.

Во времена имамата Шамиля чеберлоевцы оказали жестокое сопротивление попыткам имама ввести шариат в своих обществах. В ответ Шамиль ввел в Чеберлой войска, состоящие из аварцев и андийцев, и восстание

Оконный проем башни в селении Хой. Фото И.Пальмина

Стена жилой башни в селении Кезеной. Фото И.Пальмина

Озеро Кезеной-ам. Фото С.Абаева

было потоплено в крови. Многие селения Чеберлоя оказались разрушены и сожжены, в том числе по приказу Шамиля было уничтожено множество боевых башен.

К западу от озера находится группа селений, самым крупным из которых является Макажой, который чеберлоевцы издавна считали своей столицей. По мнению А.Сулейманова, топоним Макажой и, соответственно, наименование тейпа Макажой связано с древним военным термином «макаж» – клинообразное построение воинов-копьеносцев во время атаки неприятельских войск. Такой клин двигался впереди атакующих войск, первым рассекал вражеские цепи, заходя в тыл врага, брал его в окружение и уничтожал.

В макаж входили самые отчаянные и физически выносливые воины.

В Макажое почти не сохранилось памятников архитектуры. Единственной достопримечательностью его можно считать жилую башню, перестроенную в мечеть. Мечеть, минарет которой построен в виде боевой башни, есть и в селении Эткали, и в некоторых других селах центральной Чечни.

Недалеко от Кезеноя находится селение Хой. Этот топоним с чеченского переводится как «стражники». Вероятно, это связано с тем, что селение было пограничным и его жители несли сторожевую службу. Об этом, кстати, напоминает и «Хойн-гIала-башня стражников» – единственная боевая башня, оставшаяся от укрепления. Башня возведена на скальном основании из хорошо обработанного камня, кладка на глинисто-известковом растворе. Хотя и по архитектурным приемам, и технике кладки видно, что башню строил чеченский мастер, она отличается от классических вайнахских башен. Она ниже и приземистее, к тому же имеет не совсем обычные для вайнахских боевых башен машикули, опоясывающие ее сплошным квадратом. По своим пропорциям башни Чеберлоя ближе к осетинским.

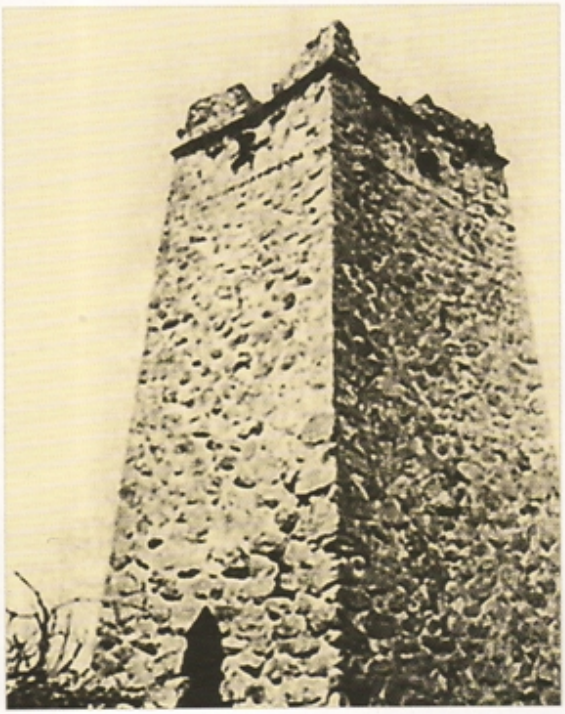
Боевая башня в селении Хой украшена множеством петроглифов: это и перекрестия с кругами, и круги с елочным и волнистым узорами, и Т-образный знак, то есть символика, характерная только для вайнахских башен.

К востоку от Макажоя находится селение Харкарой. На скалистых склона, среди средневековых руин возвышается боевая башня – единственная сохранившаяся средневековая постройка. В стенах башни много бойниц, завершали башню машикули, до нашего времени сохранился только один из них. В юго-восточной стене башни вмонтирован камень с изображением руки мастера.

Вокруг селения Макажой разбросаны более мелкие средневековые поселения: Джалкх, Тундухой, Орсой. Однако от них остались только руины, на камнях которых сохранилось очень много петроглифов. В селении Орсой также сохранились развалины циклопических построек.

Крепость Кезеной. Фото С.Абаева

Боевая башня Хой. Фото И.Пальмина



Осетинская башня. Фотография начала XX века

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ЧЕЧНИ

V-10 ШАРОЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ ШАРОЙ ЛЕЖИТ В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ ШАРО-АРГУН, к востоку от чеченских обществ Чанти и Хачарой, к западу от Чеберлоя. Название ее, вероятнее всего, связано с прилагательным «шера» – гладкий, плоский, которое в горных диалектах звучит как «шара». Оно может объясняться тем, что течение Шаро-Аргуна образует широкие ущелья с пологими берегами. Шарой состоял из нескольких десятков селений, крупнейшими из которых были Шарой, Химой, Хакмадой и Шикарой.

Известный грузинский историк И.А.Джавахишвили связывал с топонимами Шарой, Шаро-Аргун этноним «сармат», который, по его мнению, звучал как «шармат». Но так как в греческом и латинском нет звука «ш», он был зафиксирован в античных источниках как «сармат».

Селение Шарой представляло собой башенное поселение, состоявшее из трех боевых и нескольких жилых башен, которые были расположены недалеко друг от друга, образуя неприступный замок. Промежутки между отдельными строениями защищались каменными стенами. По сути дела, это была настоящая средневековая крепость. Она находилась на перекрестке важнейших дорог и занимала возвышенность, которая имела стратегическое положение. Жители Шароя имели возможность контролировать дорогу из Закавказья и Дагестана в Аргунское ущелье, а также в Чеберлой и Ичкерию.

Из трех боевых башен, сохранившихся до начала XX века, сейчас осталась одна. Бруно Плечке, бывавший в этих горах в 20-х годах, застал две боевые и несколько жилых башен еще в относительно хорошем сосотоянии. Но жилые башни были взорваны в 1944 году, а одна из боевых башен разрушена при бомбежке в 1995 году.

Если Шарой являлся административным центром этой области, то селение Химой, которое находится в нескольких километрах к юго-востоку от него, было ее

Селение Шарой. Фотография Бруно Плечке. 1929 год.

Руины жилых башен на берегу Шаро-Аргуна

Ущелье Шарой

культовым центром. Согласно полевым материалам, на окраине Химоя были солнечные часы, которые представляли собой круг из огромных камней, в центре которого находился высокий каменный столб. По всей видимости, это были не только часы, но и своеобразная обсерватория для наблюдения за движением Солнца. По информации С.-М.Хасиева, в древности, в определенный период развития культа солнца, у чеченцев был наложен запрет на наблюдение за солнечным светилом. И жрецы наблюдали за его тенью, считая тень ипостасью солнца.

Подтверждением того, что Химой был культовым центром, может служить обилие петроглифов на сохранившихся средневековых постройках селения. Это и двойные спирали, и кресты, и круги. Но наиболее интересным является классическая свастика с прямоугольными концами. В таком виде она больше нигде на Кавказе не встречается, хотя в различных вариантах присутствует на стенах многих чеченских башен, в более древние времена – на кобанской керамике, затем в виде тамги на гончарных изделиях алан.

В Средневековье почти все селения Шароя были башенными, то есть состояли из жилых и боевых башен. Многие из них, особенно боевые башни, были разрушены во время Кавказской войны, часть во время выселения чеченцев в 1944 году.

Сегодня руины величественных каменных строений сохранились в селениях Шарой, Химой, Хакмадой, Шикарой. Современные дома с двускатными кровлями кажутся рядом с полуразрушенными каменными башенными постройками жилищами карликов.

Селение Шарой

Жилая башня в селении Химой

Селение Хакмадой

Снежная вершина

Архитектурные памятники Средневековья на территории горной Чечни.

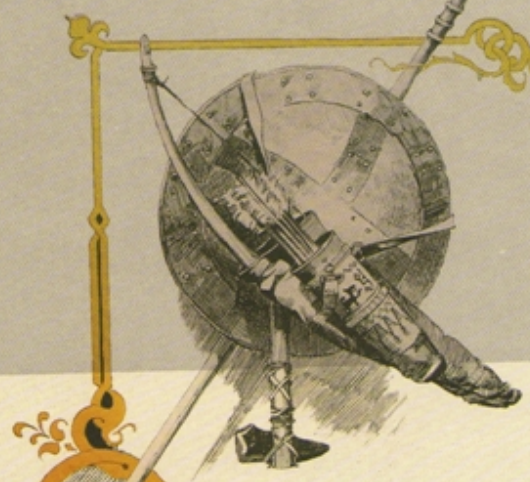
– замки, жилые и боевые башни, склепы

Шатой
ВЕДЕНСКИЙ РАЙ
ХРЕБЕТ БАХЕЛАМ
ХРЕБЕТ БАСХОЙ
2855 г. Дайхох
2803 г. Кирилам
ХРЕБЕТ ХАЧА-РОНДУН
ХР. СУСУЛЬМОРТ
СНЕГОВОЙ
4285 г. Дыхосмта

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это книга написана мной в один из самых трагических периодов истории чеченского народа. И я надеюсь, что это воспоминание о «днях минувших» нашей земли, о чудесных памятниках архитектуры, созданных нашими предками, в какой-то мере поможет чеченцам пережить последствия этого страшного времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ



VI

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕЧЕНСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Эпоха Позднего Средневековья (XIV–XVII вв.) является «темным пятном» в истории чеченцев. Сочинения средневековых историков и архивные материалы того времени практически не дают достоверной информации о государственном устройстве, внутренней социальной структуре и правовой системе чеченцев и ингушей того времени.

И только по фольклорным и полевым материалам можно составить более или менее объективное представление о социально-политическом укладе страны нахов того времени. Сохранилось очень много преданий, которые были записаны в XIX веке, в том числе и русскими исследователями, связанных с деятельностью Мехк кхела, высшего законодательного органа Страны нахов, функционированием отдельных ветвей государственной власти.

По материалам, собранным М.А.Ивановым в верховьях реки Фортанга, одним из древнейших мест, где заседал Мехк кхел нахов, была гора Муйти-корт. Она была названа в честь легендарного председателя Высшего Совета страны нахов — Муйты. Сохранился даже камень, который, согласно преданию, служил трибуной для председателя Мехк кхела, получивший название «Муйти-кер» — камень Муйты.

Исследователь XIX века И.Попов пишет о деятельности Мехк кхела, заседавшего на горе Кхетеш-корт в Ичкерии. Курган на ней, по преданию, был насыпан руками представителей нахских общин, давших тем самым клятву верности Стране нахов.

Государство чеченцев в XV–XVIII веках представляло собой ассоциацию военно-политических союзов — тукхумов (мохк), которые, в свою очередь, были объединениями сельских территориальных общин (тейпов). Можно предполагать, что оно имело больше федеративное, чем конфедеративное устройство.

С одной стороны, и объединения тейпов, и отдельные тейповые общины имели развитые модели самоуправления и высокую степень самостоятельности в решении внутренних экономических и административных проблем. С другой стороны, они были вынуждены выполнять все установления Мехк кхела и структур исполнительной власти.

Согласно классификации М.Мамакаева, в XVI—XVII веках в Чечне сложились девять тукхумов, или военно-политических союзов: Аькхий, Маьлхий, Нохчмаккхой, Перлой, Чаьнтий, Чеберлой, Шарой, Шуотой и Эрштхой. Некоторые тейповые общины, как, например, Майстой, Пешхой, не входили ни в один из союзов и были представлены в Мехк кхеле непосредственно.

На уровне Ассоциации рассматривались только вопросы определения границ с соседними народами, войны и мира, внесения изменений в систему права, сбора налогов для строительства крепостей и сторожевых башен, дорог и мостов, определения диапазона цен на стратегические сельскохозяйственные продукты.

Высшим представительным и законодательным органом Ассоциации чеченских тукхумов был Мехк кхел – Высший Совет страны.

В Мехк кхеле были представлены депутаты от всех чеченских тукхумов и крупных тейпов, которые не входили в тукхумы. Члены Мехк кхела избирались по системе пирамиды. Сельский сход выбирал юртан кхел (совет села), который выдвигал своих представителей в тейпан кхел (совет тейпа). Совет тейпа избирал представителей в Совет тукхума, а последний – в Мехк кхел, Высший Совет страны.

В кхел (совет) любого уровня мог быть избран свободный чеченец, достигший сорока лет, независимо от имущественного ценза.

Мехк кхел собирался два раза в год, а также в случае войны и стихийных бедствий. Он рассматривал только общегосударственные вопросы, касающиеся Ассоциации.

Согласно преданию, одним из важных актов Мехк кхела, определившим судьбу чеченского народа, было решение о принятии ислама. Но жесткая система шариата, когда и общественная, и частная жизнь строго регламентируются сверху, моральное предписание является юридической нормой, грех – преступлением, не соответствовала древним демократическим традициям чеченского общества. Ведь частная жизнь всегда считалась у чеченцев неприкосновенной, так же как и личная свобода, и личное достоинство человека. Также неприемлемо было для чеченцев и физическое наказание, вплоть до увечий, предусмотренное шариатом. Поэтому Мехк кхел принял ряд решений, которыми предусмотрел сохранение чеченцами национальной идентичности.

Во-первых, он отказался от применения норм шариата почти во всех сферах права, за исключением имущественного и наследственного.

Во-вторых, Мехк кхел решил сохранить национальные особенности чеченцевв различных сферах человеческой жизнедеятельности, что во многом определило своеобразие чеченского менталитета, в отличие от других народов, принявших ислам. Ведь многие мусульманские народы были ассимилированы арабами или в этническом, или в культурном плане.

Таким образом, благодаря мудрости и дальновидности Мехк кхела чеченцы, восприняв высокую духовность ислама, в образе жизни, в менталитете и культуре сохранили свои древние демократические традиции.

Мехк кхел собирался в различных районах Чечни: крепость Цайн-Пхеда в Мелхисте, Пуога в Майсте, ущелье Нашх, селение Кэй, курган Жеми-Барз возле села Чечен, курган Кхетеш-Корт в Ичкерии, у крепости Кезеной-Ам. Выбор места заседаний зависел от военной и политической ситуации в стране. В мирное время Мехк кхел собирался в основном на равнине, а во время войны – в высокогорных районах. Согласно преданиям, курганы, на которых заседал Мехк кхел, были рукотворными. Нередко в заседаниях участвовали представители из соседних стран: Грузии, Осетии, Кабарды, Дагестана.

Мехк кхел избирал председателя, который руководил его заседаниями, назначал главнокомандующего общечеченским войском, а также представителей исполнительной власти (Iедал) высшего уровня.

Структуру представительной и законодательной власти Ассоциации чеченских тукхумов можно представить следующим образом:

МЕХК КХЕЛ (Высший Совет)

СОВЕТЫ ТУКХУМОВ (по количеству тукхумов)

СОВЕТЫ ТЕЙПОВ (по количеству тейпов)

СОВЕТЫ СЕЛ (по количеству сел)

Между заседаниями Мехк кхела отдельными территориально-административными единицами управляли «дай» – главы исполнительной власти различных уровней:

Ассоциацией — Мехк да, тукхумами — тукхуман да, тейповыми общинами — тайпан да, селами — юрт да. Но власть их была ограничена кхелами (советами) различных уровней.

Социальное лидерство было основано не на силе и богатстве, а на духовном авторитете, точном следовании нормам кодекса чести, что требовало от человека, претендующего на лидерство, самоотверженности, неподкупности, жертвенности в высоком смысле этого слова.

Установления Мехк кхела и кхелов всех уровней неукоснительно исполнялись. В случае неповиновения решению Мехк кхела или органа исполнительной власти к исполнению его принуждали силой. Для этого использовали вооруженные отряды, которые имели статус национальной гвардии.

В мирное время вместе с собранием Мехк кхела два раза в год производился сбор общечеченского ополчения, куда входили все мужчины, способные носить оружие, от восемнадцати до шестидесяти пяти лет.

Полевые материалы и сохранившаяся с древнейших времен военная терминология несут в себе информацию о статусе нахского войска и различных видах вооружения. К каменному веку, согласно исследованиям С.-М.Хасиева, относятся «тIом» — война, «тIура» — воин, связанные с древнейшим орудием войны — камнем (тIо).

К Позднему Средневековью относится название войска – «сур». С ним же связан термин «сурсат» – налог, взимаемый с населения для содержания войска. Это также является подтверждением того, что в то время существовали военные структуры, которые содержались за счет государственной казны.

С военным строительством еще в доисторическую эпоху связано появление геральдических знаков различного характера.

К древнейшим геральдическим символам чеченцев относится изображение орла. Встречается оно в государственной символике хурритов, а затем и этрусков. У последних оно было заимствовано римлянами. На территории расселения нахов символы в виде орла встречаются с эпохи бронзы на бронзовых и керамических изделиях, склепах и надмогильных стелах.

ЧЕЧЕНСКОЕ ПРАВО

В исторической науке принято считать, что в Чечне того времени действовало обычное право, которое сложилось естественным путем в результате обобщения социального и исторического опыта народа. Обычное право кавказских народов принято называть адатами. Но адаты, помимо установлений обычного права, включают в себя и обычаи, и традиции, то есть, по сути дела, являются более широким понятием.

Сам термин «адат» появился на Кавказе в связи с распространением ислама. Хотя, несомненно, нормы обычного права существовали у различных народов Кавказа с древнейших времен.

Чеченское право считалось одной из самых развитых правовых систем на Кавказе. Благодаря этому за разрешением споров различного характера к чеченцам обращались народы практически из всех регионов Кавказа, в том числе и горцы Грузии. Большую известность как знатоки правовых норм получили жители Майсты, горной области Чечни. Вплоть до 1944 года существовал Майстойн кхел — «суд майстинцев», в который чеченцы и представители других народов Кавказа обращались как к последней инстанции. И, по преданиям, не было такого случая, который не могли разобрать майстинские судьи, к тому же, их приговор почти всегда устраивал обе стороны.

Чеченское право было довольно гуманным для своего времени. В нем практически не было системы наказания, предусматривавшей смертную казнь или увечья. Так, например, согласно нормам чеченского права, не было предусмотрено смертной казни для женщин, независимо от состава преступления. Она также не могла быть объектом кровной мести.

Нормы чеченского права были одинаковы для всех независимо от социального и имущественного ценза. Приверженность чеченцев традиционному праву была настолько сильна, что даже имам Шамиль при установлении своих низамов, вынужден был пойти на значительные уступки. Но все равно даже подобная попытка вызвала возмущение чеченцев, а в некоторых горных районах даже вооруженное сопротивление целых обществ.

Обычное право трактуется в правоведческой литературе как неписаное право или как социальные нормы или обычаи, которые сложились естественным путем в результате социального и исторического опыта народа.

Нормы чеченского права по крайней мере с начала XV век, устанавливались Мехккхелом, Высшим Советом страны. Эти нормы к тому же были записаны в конце XVII – начале XVIII века. Записи чеченского права исчезли во время выселения чеченцев в 1944 году.

Любое кодифицированное право своим древнейшим источником имеет обычай. Но в процессе развития общества и государства обычай заменяется установленным правом.

У чеченцев право называлось «бакъо», а закон – «нийсо», то есть справедливость. По мере развития общественной жизни правовые нормы менялись в соответствии с новыми условиями. После официального принятия чеченцами ислама чеченское право не претерпело коренных преобразований, но были внесены определенные изменения в нормы, касающиеся гражданского права.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

В Позднем Средневековье все свободные жители Чечни обладали равными правами. Мужчины имели право голоса во всех демократических процедурах, могли быть избраны во все выборные органы представительной и законодательной власти, независимо от имущественного ценза, обладали правом на земельную долю в общинной собственности.

Минимальной территориальной единицей была сельская община, и люди реализовывали свои основные права именно внутри нее.

Человек вместе со своей семьей мог перейти из одной общины в другую, но при этом было необходимо согласие членов последней. Ведь при этом он должен был получить свою долю земельного надела.

Земля была общинной собственностью, но она разделялась между отдельными семьями по числу мужчин. Земельные участки, которые появлялись в результате расчистки неудобных мест от камней и леса или были заняты в результате колонизации новых районов, становились собственностью отдельных людей, могли быть проданы, обменены или отданы под залог.

Общинные земли перераспределялись между отдельными семьями каждый год по жребию.

Когда два человека вступали в договорные отношения, то для того, чтобы договор имел силу, при сделке должны были присутствовать два свидетеля, не являющиеся им родственниками. При этом они выступали гарантами выполнения договора. В более поздние времена, кроме того, составлялся письменный договор, который заверялся кадием.

Главой семьи и распорядителем всего имущества до совершеннолетия сыновей был отец. Совершеннолетние сыновья могли в любое время потребовать от отца своей доли и отделиться, при этом они имели право на равную с отцом долю. Дочери же до замужества находились под опекой отца или, в случае его смерти, брата. Дочь могла получить третью часть доли сына.

По чеченскому праву человек, который имел детей или братьев, не мог завещать семейное имущество, земельный надел другим людям. Но он обладал правом завещать чужим свое личные вещи: оружие, одежду, украшения, а также мог отдать часть наследства для распределения между вдовами и сиротами.

В случае, если наследник был несовершеннолетним, то назначался опекун, который до его совершеннолетия следил за сохранностью наследства и при достижении им соответствующего возраста должен был передать его в том же виде.

Жена также наследовала мужу и получала четвертую часть его имущества. Но муж не являлся ее наследником. Имущество матери переходило к детям или к ее родственникам.

Несмотря на то что женщина у чеченцев, впрочем, как и у других народов в те времена, не принимала участия в политической жизни общества, она имела больше прав, чем женщина в соседних регионах Кавказа.

Строго запрещалось насильственное умыкание женщины. Если такое и происходило, то оно заканчивалось в случае отказа девушки дать согласие на брак кровной местью.

Жена всегда могла развестись со своим мужем, даже если последний был против развода. Но в этом случае она должна была оставить мужу все свое имущество и заплатить штраф «яшацалла».

Муж ни при каких обстоятельствах не имел права лишать жизни свою жену. В крайнем случае, он мог дать ей развод. Если муж оставлял жену без веских на то оснований, он должен был отдать принадлежащее ей по праву имущество.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Нормы чеченского уголовного права практически не изменились после принятия ислама. Физическое наказание, предполагающееся по шариату даже за небольшие провинности, было неприемлемо для чеченцев, которые имели развитый культ личного достоинства. Оно воспринималось ими как личное оскорбление, унижение, которое можно было смыть только кровью.

В чеченском праве существовала система штрафов почти за все виды уголовных преступлений, за исключением умышленного убийства и насилия.

При краже имущества, если она была доказана, виновный не только возвращал похищенное, но и платил штраф в пятикратном размере от его стоимости.

Также была предусмотрена система штрафов за телесные увечья и раны.

В случае убийства или насилия возникало право кровной мести. Но оно возникало не при любом убийстве, а в случае умышленного убийства. Если убийство было неумышленным, то, согласно чеченскому праву, родственники убитого не имели права объявлять кровную месть, а должны были ограничиться денежным или материальным возмещением со стороны виновного.

Кровная месть объявлялась прежде всего убийце. Убийство кровником невиновного родственника убийцы считалось преступлением и осуждалось общественным мнением. Фамилии, которые шли на подобное преступление, теряли право называться благородными.

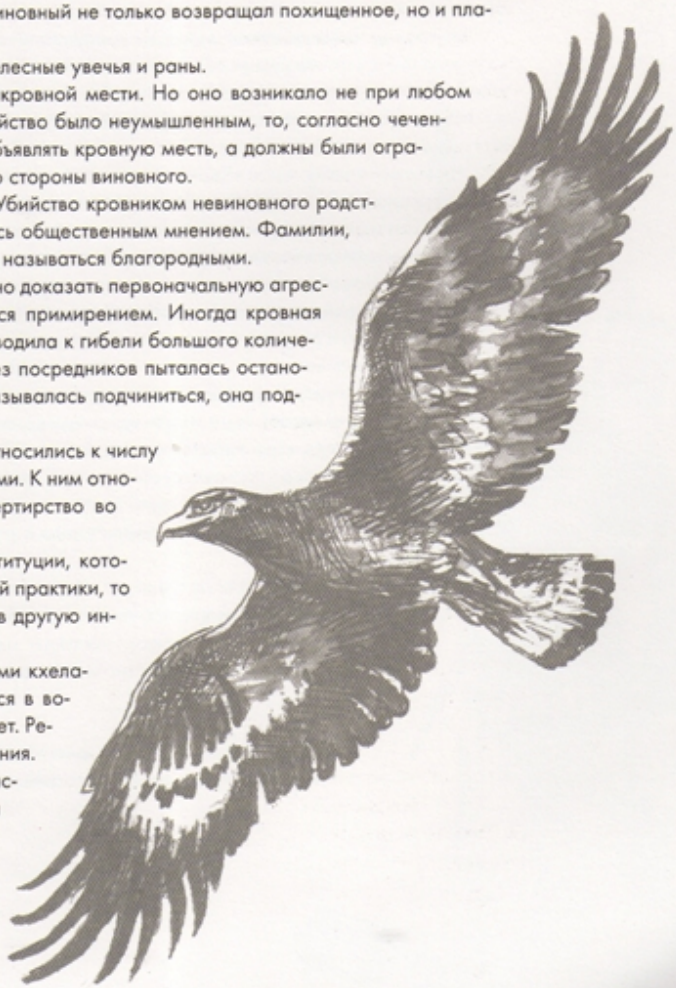
В некоторых случаях, особенно если было возможно доказать первоначальную агрессию пострадавшего, кровная месть могла завершиться примирением. Иногда кровная месть могла перерасти в войну фамилий, которая приводила к гибели большого количества людей. Тогда вмешивалась администрация и через посредников пыталась остановить взаимное истребление. Если одна из сторон отказывалась подчиниться, она подвергалась изгнанию.

Был также целый разряд преступлений, которые относились к числу особо тяжких и, по сути дела, являлись государственными. К ним относились, прежде всего, государственная измена, дезертирство во время войны, убийство известных людей.

Чеченское право предусматривало почти все институции, которые являются обязательными для современной судебной практики, то есть обвинение, защиту, право ответчика обратиться в другую инстанцию для подтверждения правильности приговора.

Частные судебные дела рассматривались местными кхелами, в которые входили люди, хорошо разбирающиеся в вопросах права и имеющие высокий моральный авторитет. Решение такого суда было обязательным для выполнения. Согласно историческим материалам и фольклорным источникам, не было случая, чтобы кто-то не подчинился приговору суда.

Гражданское право, особенно в вопросах наследования и опеки, более подверглось влиянию ислама.



VI-1

ЧЕЧЕНСКИЙ КОДЕКС ЧЕСТИ «КЪОНАХАЛЛА»

Исторические предания, нартский эпос, фольклорные предания свидетельствуют о существовании у нахов различных воинских союзов.

В Позднем Средневековье одним из наиболее влиятельных воинских объединений является орден «Къонахи», который играл важную роль в политической жизни страны нахов. Къонахи (в переводе с чеченского — «сыновья народа») главной целью жизни считали защиту интересов Отечества, своего народа. Поведение къонаха, образ его жизни жестко регламентировались. Малейшее отклонение от норм кодекса чести лишало его этого высокого звания.

Чеченский кодекс чести «Къонахалла» сложился задолго до принятия чеченцами ислама, по всей видимости, еще в аланскую эпоху. На его характер оказали заметное влияние драматические события времен нашествия на Кавказ монголов и Тимура, когда война стала для нахов-аланов обычным состоянием. О его древности говорят многочисленные параллели культа къонаха — достойного человека, народного героя с древнейшими слоями нартского эпоса.

В окончательном виде кодекс чести «Къонахалла» сформировался в Позднем Средневековье, в период войны крестьянских общин с феодалами, в эпоху расцвета тейповой демократии, когда высшей ценностью общества была объявлена свобода, в том числе свобода личности.

В позднейшее время духовный аспект этого кодекса испытал сильнейшее влияние ислама в его суфийском варианте, согласно которому главным смыслом человеческого существования является путь духовного совершенствования. Но при всем этом, в отличие от суфиев, къонахи не отказывались от земных радостей и активного участия в социально-политической жизни общества.

Кодекс «Къонахалла», по преданию, был записан в различных вариантах в религиозно-этических трактатах XVIII века. До нашего времени он дошел в виде отрывков в различных хрониках, преданиях и сказаниях об исторических героях.

Публикуемый ниже текст кодекса чести «Къонахалла» записан на основе этих источников, а также материалов, собранных мной в течение многих лет.

КОДЕКС «КЪОНАХАЛЛА»

1. Къонах – человек, твердо следующий основным принципам кодекса чести «Къонахалла».

2. Главной целью и смыслом жизни къонаха является служение своему народу (къам), своему Отечеству (Даймохк). Интересы народа и Отечества для него всегда выше интересов своего тейпа, рода, фамилии.

3. Высшим проявлением служения къонаха является защита Отечества от нашествия врага. Смерть в справедливой войне или при защите своей чести и достоинства предпочтительна для къонаха, чем жизнь в бесчестии и позоре.

4. В служении Отечеству къонах имеет право заниматься любым видом деятельности, кроме тех, которые могут заставить его поступиться принципами кодекса чести или уронить личное достоинство.

5. Созидательный труд не только не унижает, а, наоборот, возвышает достоинство къонаха. Труд во благо Отечества в мирное время является таким же долгом къонаха, как и защита своей страны во время войны.

6. Если къонах служит в силу обстоятельств интересам одного человека или группы людей, то в случае, когда они приходят в противоречие с интересами народа, он должен встать на защиту интересов народа. И для того, чтобы не стать клятвопреступником, он не должен присягать никому, кроме Отечества.

7. Къонах должен быть готов к смерти в каждое мгновение, ибо нет ничего вечного в этом мире. Он должен помнить о том, что для него есть понятия, которые дороже жизни: Отечество, личное достоинство и честь. Но къонах не должен стремиться к смерти и без необходимости испытывать судьбу, так как жизнь есть высший дар Всевышнего человеку.

8. Главным качеством къонаха является выдержка. В ней проявляются истинное мужество и умение управлять собой и ситуацией. Бездумная храбрость – это мужество с закрытыми глазами, она простительна юнцу, не знающему цены ни своей, ни чужой жизни. Выдержка къонаха – это мужество знающего, осознанный шаг навстречу смерти, если иное противоречит интересам Отечества, несовместимо с кодексом чести или личным достоинством.

9. Къонах должен быть скромным в жизни, в быту, в общественных делах. Ум, мужество, деяния къонаха должны оценить, прежде всего, окружающие. Но даже субъективность этой оценки не дает ему повода восхвалять самого себя.

10. Къонах всегда отвечает за свои слова и поступки. Он всегда выполняет данное им другим людям слово и никогда, даже ценой собственной жизни, не нарушает данной им клятвы.

11. Главным богатством къонаха являются его честь и личное достоинство. Все иные блага этого мира можно обрести вновь, однажды утратив, но утраченная честь и поруганное достоинство обретаются вновь лишь через достойную смерть.

12. Къонаху не противопоказано накопление богатства. Накопленное праведным путем богатство настоящего къонаха может послужить не только его

интересам, но и интересам его народа и Отечества. Жадность и скупость могут сделать бесполезными лучшие качества любого человека, так же, как и чрезмерная расточительность – разорить самого богатого человека. Щедрость же приумножает не только славу къонаха, но и его благосостояние.

13. Къонах не должен посягать на личное достоинство и честь других людей, так же как и на чужую собственность. При этом он должен быть снисходительным к слабостям и ошибкам других людей, но требовательным к самому себе.

14. Къонах обязан бережно хранить лучшие традиции своей фамилии, помнить своих предков, уважительно относиться к их прошлому и к истории своего народа.

15. Къонах должен постоянно оттачивать свой ум, постигать мудрость и опыт мудрейших, изучать науки, дающие ключ к познанию мира, так как только через знание можно прийти к истинной вере и постижению справедливости.

16. Истинная вера и справедливость являются высшей духовной целью къонаха. В религиозных делах къонах руководствуется постулатом ислама: «Нет принуждения в религии». Он терпимо относится к представителям других религий, не навязывает силой и принуждением им своих взглядов или образа жизни.

17. Къонах должен быть скромным и в религиозных делах. Он никогда не подчеркивает своей религиозности, не подменяет истинной веры внешней формой.

18. Справедливость – единственная мера в отношении къонаха к окружающему миру и людям. Он должен быть справедливым по отношению к другим людям так же, как и по отношению к себе.

19. Благодарность также является чертой благородного человека. Сделанное ему добро къонах должен возмещать многократно. Сам же он не ждет благодарности за содеянное добро.

20. В общении с людьми къонах должен быть предельно вежливым, сдержанным и скромным, независимо от их социального статуса или возраста.

21. Къонах с уважением и почтением относится к женщине. Он никогда, ни при каких обстоятельствах, не позволит оскорбить и унизить ее, ни себе, ни другим. Честь и достоинство женщины для къонаха священны.

22. Къонах должен уметь не только отстаивать свою правоту словом и делом, но и выслушать противоположную сторону, согласиться с ее мнением, если она права. Уступить в споре или ссоре более слабому противнику является не трусостью, а проявлением благородства.

23. Къонах должен быть милосердным к слабым и немощным. Он должен относиться с состраданием не только к людям, но и к животным, которые не имеют разума и не могут оградить себя от человеческой жестокости.

24. Къонах с состраданием относится ко всему живому. Никогда без необходимости не срубит дерева, не причинит вреда ни одному живому существу.

25. Къонах должен мужественно переносить все тяготы жизни, выпавшие на его долю, в том числе и физические страдания.

26. Къонах должен достойно вести себя и в веселье, и в печали. В любой ситуации он должен проявлять выдержку и спокойствие.

27. Жизнь къонаха должна быть образцом высокой нравственности, мудрости и мужества для юно-

го поколения. Передача более молодым своего жизненного и ратного опыта является нравственным долгом къонаха.

28. Къонах должен уважать и почитать своих родителей, заботиться о них, обеспечивать их старость.

29. В своей семье къонах должен быть таким же справедливым, как и в обществе. И в наказании, и в поощрении он должен быть ровным и сдержанным. Он не должен опускаться до оскорбления или физического наказания членов семьи. Если женщина совершила такой поступок, за который ее можно ударить, то ей нужно дать развод.

30 В дружбе къонах должен быть верным и преданным. Защищая своего друга, къонах не должен щадить своей жизни. Къонах познается и в дружбе, и во вражде.

31. Къонах проявляет по отношению к врагу такое же благородство, как и по отношению к остальным людям.

32. Къонах не должен применять оружие против безоружного врага. Тяжело раненному врагу он обязан оказать посильную помощь так же, как сделал бы это для любого человека.

33. Къонах должен по возможности избегать поединка с более слабым противником, так как любой исход такого боя не прибавит ему славы, но может уронить его имя. Если же поединок неизбежен, то он должен дать противнику возможность выбрать оружие и быть снисходительным к нему.

34. Къонах не должен уклоняться от боя с сильным противником. Но он должен всегда предпочитать мир войне, если такое возможно без ущерба интересам народа, его чести и личному достоинству.

35. Закон гостеприимства для къонаха священен. Къонах, не сумевший защитить своего гостя, обречен на позор и презрение. Поэтому жизнь и свобода гостя для него дороже собственной жизни. Но он не несет ответственности за гостя, совершившего преступление.

36. При посещении чужих стран и народов къонах должен уважать их законы и традиции, так как в этом случае он представляет не только себя, но и свой народ.

37. Къонах в течение всей жизни должен заниматься совершенствованием своего духа и тела для того, чтобы служить своему народу с максимальной пользой.

38. Къонах должен регулярно заниматься упражнениями, закаляющими его тело, упражняться с различными видами оружия, чтобы в случае необходимости достойно защитить Отечество и свою честь.

39. Къонах с уважением относится к своему оружию, чтит его, не обращается к нему без необходимости, никогда не применяет его ради наживы или неправедного дела.

40. Смерть къонаха должна быть такой же достойной, как и его жизнь.

VI-2

ИЗ ЧЕЧЕНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

ПХАРМАТ (Прометей)

(Вариант Муртазалиева Сулимы, 1867 года рождения, селение Доъра Итум-калинского общества. Записано Сулеймановым Ахмадом в 1937 году)

Было это давным-давно, когда вон виднеющиеся ледниковые горы были выше, чем сейчас, когда на их вершинах не было снега и льда, а были разные цветы, приятно пахнущие травы, когда в глубоких ущельях, на горных склонах никогда не тающие снега и ледники были.

Я расскажу тебе, с каких пор вон на той вершине Башлама снег лежит, я расскажу тебе, с каких пор на ровных полях, на горных склонах приятно пахнущие травы, разные цветы показались.

В то время наши предки, нарты, населяли глубокие ущелья, высокие башни и пещеры. Они были большого роста, этим горным скалам подобны. Их кони тоже были крупные. Подобно медведям, сильные были нарты, подобно волкам, смелые были они, подобно тиграм, ловкие были они, подобно лисам, хитрые были нарты. Они рукой легко отрывали куски горных скал и бросали их, криком своим они заставляли дрожать небеса, тем не менее они были немощны – огня не было у них. А могучий Села был безжалостен, был беспощаден. Он был хозяином неба, и огонь был его собственностью. На что сила, когда от нее людям нет прока? Какая польза от силы, когда от нее страдают люди?

Чтобы показать свою силу нартам, садился Села на огненные колесницы и над небесными высями прокатывался, поднимая страшный грохот, как будто разламываясь на куски, обрушивался небесный свод.

О-о! Как он удивлял людей! О-о! Какой страх он наводил на землю!

Небесное обиталище Селы было вечно окутано черными тучами. Наполняя дождем, тучи низвергал на землю Села. А дождь в виде града-льда шел на землю, нагоняя на людей еще больше горя и бедствия. Из огня-радуги сделанного лука начинал он метать на землю молнии, все сокрушая. И добро, и зло были во власти Селы: на зло щедр был Села, а на добро был скуп он.

Добро люди брали у него с горечью, зло Села давал. Между небом и землею была вечная вражда!

Между Селой и человеком шла вечная борьба!

Чем больше нарты бывали удручены горем и несчастьем, тем больше злорадствовал Села, тем печальнее была Сата, возлюбленная Селы, мать нартов. Сата очень хотела помочь им, но боялась Селы.

В то время жил в горах могучий нарт Пхармат. Отличный кузнец был Пхармат. За доброе слово он ковал нартам мечи и кольчуги из бронзы. А доброе слово высоко ценится в горах: Да будет тебе счастье! Да будет тебе удача! Победа да будет за тобой! Будь ты свободен!

Пхармат был скромным, щедрым, сильным нартом. Он мало говорил, много думал. Думал он, как и чем помочь людскому горю, как бы достать огонь из ада. Ведь Села добром не давал его. С тех пор как он появил-

ся на свет, собирал он все, что было лучшее в людях: силу, ловкость, острый ум, сноровку, терпение.

Конь его Турпал ходил в горах на воле. «Конь закаляется под седлом и всадником, а мужчина – в труде и борьбе! Так почему твой Турпал всегда ходит на свободе?» — говорили нарты.

Пхармат же отвечал: «Конь мой закален. Придет время, и мой конь принесет тлеющее полено из ада!» Нарты чистосердечно смеялись над словами Пхармата. А Пхармат же думал о том, как бы помочь людскому горю.

И однажды крикнул Пхармат своего Турпала. И от этого крика загремело ущелье Аргуна, задрожали горы, а могучий Села, проснувшись, перевернулся на другой бок. Турпал, пасшийся далеко в горах, заслышав зов своего хозяина, заржал в ответ. И от этого, как волны Аргуна, забились горы, а воды Аргуна вылились из своих мраморных берегов, звери в горных отрогах от перепуга застыли на месте, как вкопанные. Со скоростью молнии примчался Турпал к своему хозяину.

Взял в руки булаву, прикрепил к локтю из буланой кожи сделанный щит, повесил на шею лук (божий пращ), подпоясал сбоку полный стрел колчан, облек свой стан в кольчугу, подпоясал меч. Оседлав своего Турпала-коня, выпил полный турий рог пива, приговаривая: «Чтобы как на смоле нога держалась, чтобы как на тесте рука держалась», – сел на коня и отправился туда, куда никто не ездил и откуда никто не возвращался.

Нарты посыпали просо на дорогу, по которой должен был ехать Пхармат, чтобы ему счастье сопутствовало, и поставили наполненный просом морк, «чтобы уходил легким-пустым, возвращался тяжелым -наполненным!».

Долго ехал Пхармат: семь дней, семь ночей пробыл он в пути. Семь ущелий, семь гор прошел он и подошел, наконец, к подножию самой высокой горы Башлам, которая подпирает небесный свод, на котором живет Села. Долгий и трудный путь проделал Пхармат, поднимаясь на вершину горы по ее тяжелым уступам. На вершине горы были приятно пахнущие травы, разные цветы и красиво поющие птицы. Изредка на вершину горы спускалась отдыхать солнцеликая Сата, Села-Сата, жена Селы, мать нарт-орстхойцев. Обернувшись белой птицей, вышла она навстречу Пхармату. Человеческим голосом заговорила она:

– Эй, могучий нарт, ты неспроста поднялся на эту вершину Башлама.

– Правда это, щедрая птица, я неспроста поднялся на вершину Башлама. Я приехал за горящим поленом из ада и без него не возвращусь, — ответил Пхармат.

– Тому, кто с добрым намерением вышел, тому не может не сопутствовать счастье. Я помогу тебе. Конь скорый ли у тебя? – спросила Села-Сата.

Быстрее ветра мой конь.

– Силен ли твой конь?

– Силен мой конь. Где конь мой ударяет копытом, там родник образуется.

– Силен ли ты сам?

В моих руках холодная бронза мягче смолы и воска, – ответил Пхармат Села-Сате.

И рассказала Села-Сата Пхармату, как, каким путем можно добраться до ада и как из него достать горящее полено.

– Села теперь спит. Как ветер, быстро помчавшись, пусть твой конь перепрыгнет через ад. А ты в это время нагнись, хватай полено и гони своего коня прямо на вершину Башлама. Берегись! Страшен Села, жесток Села! Если он проснется, живым не уйдешь и горящее полено не донесешь.

Пхармат так и поступил, как советовала Сата. Быстро разогнавшись, над адом пронесся конь Пхармата

В это время, нагнувшись, выхватив из ада полено, на вершину Башлама мчался Пхармат. От быстроты Турпала-коня от полена поднялись языки пламени, будто длинный хвост потянулся за Пхарматом. И проснулся Села оттого, что попали ему в ноздри эти огненные языки. Увидел он, как смелый нарт полено с огнем на землю несет людям.

Очень перепугался Села, зная, что человек, если ему в руки попадет огонь, сделается сильным и смелым и попытается восстать против него.

Грозную погоню предпринял он за смелым нартом. Развязал Села бурдюк с темной ночью. И стало так темно, что Пхармат не видел пальцев своих рук и ушей коня. Перестали видеть и нарт, и его конь. Вот-вот сорвутся в пропасть. Но чудесная птица Села-Сата полетела впереди их и своим чудесным пением указывала им дорогу. Видит Села, что темная ночь не в силах остановить Пхармата и его коня. И он развязал свой второй бурдюк со страшной бурей. Сильная буря и темная ночь чуть было не погубили смелого нарта и его коня. Но чудесная птица указывала им дорогу своим прекрасным пением.

Смелый нарт увидел, что буря гасит его полено, и он, не задумываясь, спрятал его за пазуху. От сильного волнения воды Аргуна расплескались из каменной теснины, большие дубы, вырванные с корнями из земли, носились в небе, как соломинки.

Видит Села, что ни темная ночь, ни сильная буря не в силах остановить ни нарта, ни его коня, что он целым и невредимым уходит от небесной погони. И открыл он свой третий бурдюк со жгучим морозом. От жгучего мороза со страшным шумом трескались скалы и съеживались горы. Но бесстрашный нарт Пхармат, его Турпал-конь продолжали идти вперед.

Не в меру перепугался Села. Он видел, как смелый нарт и его конь уже подходят к подножию Башлама, и они вот-вот могут скрыться в пещере. Тут он с яростью схватил свой из огня и луча сделанный лук и начал метать молнии вслед нарту. От молнии содрогнулись горы, замерзшие родники растаяли, а волны Аргуна, как отара кутана, разбежались по горным склонам, высокие горные кручи задрожали, точно живые. Ни жгучий мороз, ни сильная буря, ни темная ночь, ни молнии не смогли остановить и сбить с пути бесстрашного нарта Пхармата и его коня Турпала.

Они пришли в ту самую пещеру, где их ждали нарты.

– Берите! Вот вам огонь! – сказал Пхармат, обращаясь к удивленным нартам.

– В каждой башне, в каждой пещере, в каждом доме разожгите пламя!

Да будет в каждом доме много огня, тепла и света!

Да будет вам счастье!

В горах в это время был великий гул. Небо заявляло земле о своей вечной вражде. Люди же заявляли небу о своей вечной борьбе.

– Будьте счастливы! – крикнул бесстрашный нарт еще раз. В горах в это время стоял страшный шум от небесного грома и вспышек молнии.

– Будьте счастливы, люди! Я должен предаться вечной муке! Я предамся муке, чтобы избавить вас от гнева Селы! Не грустите по мне! – и, выйдя из пещеры, направился бесстрашный нарт Пхармат сквозь молнии, холод, темную ночь и бурю на гору Башлам. Над его головой вспыхивали молнии, буря бросала его в разные стороны, его руки и ноги закоченели от холода, кромешная тьма ночи окутала его. Это Села, разгневавшись, изрыгал злость. Завидев смелого нарта Пхармата, идущего к небесному своду, на вершину Башлама, не спеша, затянул Села в свои бурдюки бурю, холод и ночь. Постепенно на равнинах, ущельях и горных склонах снизу вверх, вслед за Пхарматом, тая, все выше до самой вершины Башлама поднимались снег и мерзлота.

Вершину Башлама сковали снег и лед, она навечно надела на свою голову белый, снежный башлык.

И крикнул Села: «Да будешь ты вечно жаждать огня, который ты унес с неба. Будешь вечно жаждать тепла!». И послал Села навстречу Пхармату своего верного слугу, одноглазого Ужу, с бронзовыми цепями. Приковал одноглазый Ужу Пхармата бронзовыми цепями к ледяной вершине Башлама.

Села проклял его. С тех пор так завелось: между человеком и Селой происходит вечная борьба!

Каждое утро прилетает к прикованному Пхармату князь всех птиц Ида. Присаживаясь на колени Пхармата, задает он каждый раз один и тот же вопрос:

– Эй, несчастный Пхармат! Эй, жалкий Пхармат! Каешься ты в том, что совершил? Если ты раскаялся, я не трону тебя, если не раскаялся, я буду клевать твою печень. Пренебрегая страшными муками, которым он будет подвергаться, всегда один и тот же ответ, говорят, дает Пхармат: «Нет-нет! Я не раскаялся. Я дал людям тепло и свет! Нельзя раскаиваться в совершенном добром поступке».

А Ида, наточив тот же час о кремнистую скалу свой стальной клюв, принимается клевать печень Пхармата.

Пхармат-нарт не издает ни звука. Его глаза никогда не увлажняются. С большим мужеством и терпением переносит он эту великую пытку и боль. С того времени, говорят, у чеченцев мужчине плакать не положено. С этого времени лежат на вершине Башлама снег и лед. На вершину Башлама, где прикован Пхармат, собрал Села с равнин и ущелий, с горных склонов весь снег, весь лед назло Пхармату, чтобы увеличить его жажду к теплу, огню.

С этого времени на склонах гор, в ущельях, на равнинах тепло. И это тепло от огня, привезенного Пхарматом с неба. С этого времени у подножия горы, на равнинах растут приятно пахнущие травы, разные цветы, красивые, чудесные птицы поселились в них, а на вершинах Башлама – мерзлота, вечная буря, никогда не тающий, затвердевший ледник. Там же прикован Пхармат.

Он будет пребывать в вечной муке.

Но никогда не умрет он.

Перевод с чеченского К.Чокаева

ВОЙНА ЖУРАВЛЕЙ И «ЗАЯЧЬИХ ВСАДНИКОВ»

(Из нартских сказаний чеченцев. Записано С.-М. Хасиевым)

Говорят, что души благородных воинов Бог обратил в белых лебедей. Поэтому они спокойны и величественны.

А души воинов, давших на войне волю чувству гнева и озлобления, не соблюдавших меру дозволенного по отношению к врагу, прокляты и помещены Создателем под корни самых высоких гор. Но им было обещано, что наступит время, когда они будут освобождены. И если погубленные ими души простят их, то они будут прощены Богом и обращены в белых лебедей.

Но вначале Всевышний превратил души жестоких воинов в журавлей.

Поэтому стаи журавлей, улетая каждой весной на север, громко плачут и просят прощения у погубленных ими душ. Лебеди же проделывают весь этот путь добровольно, из-за сострадания к своим согрешившим собратьям, и молятся за них в стране теней.

Древняя легенда говорит об этом:

– Предками нашими были нарты. Они были великаны. Нарты обладали и умом, и силой, и хитростью, и были бессмертными. Но возгордились они, стали совершать неблаговидные поступки, и в конце концов решили, что могут соперничать с Творцом.

Прогневался на них Бог и решил наказать нартов за их гордыню и создал карликов – пхагалбери («заячьих всадников»), которые согласились явиться в этот мир, если будут превосходить всех людей физической силой, станут неуязвимыми для любого оружия и смогут жить в трех мирах.

«Заячьи всадники» побеждали нартов и в поединках, и в войнах. И только иногда нартам удавалось хитростью лишить карликов их физической мощи. И люди решили, что мужской силе не дано победить пхагал-бери. И тогда в бой с карликами вступили мехкарий (амазонки), но и они не смогли победить их.

Пхагал-бери оказались такими жестокими и коварными, что вскоре не только нарты, но и все живое обратилось к Богу с просьбой об избавлении от их притеснений.

Вот тогда Создатель вызволил из-под корней самых высоких гор души проклятых воинов, проявивших на войне излишнюю жестокость, и превратил их в журавлей, чтобы они наказали коварные создания.

И журавли стали воевать с карликами и побеждать их. Позже «заячьи всадники» были превращены в лягушек, но журавли все равно остались их самыми заклятыми врагами.

ИЛЛИ ОБ АХМАДЕ АВТУРИНСКОМ

В утреннюю пору,
Когда еще солнце
Зайти не успело,
В утреннюю пору,
Когда еще зорька
В горах полыхала,
Нет, не полыхала
Утренняя зорька,
А, как зверь, металась,
Словно зверь красивый,
Раненный смертельно,
В утреннюю пору,
Оттолкнувшись сзади
Сильными руками,
На ноги поднялся
Ахмад Автуринский.

На стене висело
Грозное оружье,
Он его с улыбкой
На бедро повесил.
Повернувшись, вышел
Он из низкой сакли,
И вошел в конюшню
Ахмад Автуринский.

Из конюшни вывел
Он коня гнедого.
Золотом играла
Тонкая уздечка.
Он к столбу повыше
Во дворе просторном
Привязал спокойно
Гордого любимца.

Как невесту к свадьбе,
Он коня украсил,
Быстро снарядился,
И, как будто солнце,
Что спешит к закату,
Чтоб оставить землю
В темноте и мраке,
Свой аул покинул
Ахмад Автуринский.

Отпуская повод,
Он коня гнедого
Тонкой плетью тронул.
Конь, как ветер в бурю,
Что приносит беды,
Вдоль реки помчался.
В долы гор горбатых
Вечером ворвался
Ахмад Автуринский.

По земле бегущих
Он верхом догонит,
От коня ушедших
Он затравит псами,
А взлетевших в небо
Коршуном настигнет.
На хребтах отвесных
И в ущельях диких,
Целясь пулей в сердце,
Промышлял охотой
Ахмад Автуринский.

Вдруг джигит услышал,
Вдруг джигит увидел
Коня молодого.
Он звенел уздечкой
И спокойно пасся
На поляне горной.
А под диким вязом
Спал казак станичный.

Поразмыслив малость,
К нему обратился
Ахмад Автуринский:
«Почему лежишь ты
На камнях под вязом?
Разве не имеешь
Кунака средь горцев?
Разве нет чеченца,
Чтоб тебе был рад он?»

И с коня он спрыгнул
И, ремнем стреножив,
Отпустил гнедого,
Чтоб спокойно пасся.
Взял седло и бросил
Себе в изголовье,
Буркою укрылся
И уснул беспечно,
Грозное оружье
Крепко обнимая.

К казаку прижавшись,
Спал и сон увидел
Ахмад Автуринский –
И в поту проснулся
Ахмад Автуринский.
И казак станичный
Тоже пробудился.

Наяву увидел
Ахмад Автуринский –
Конь казачий гонит
Горного красавца.
Словно зверь красивый,
Раненный смертельно,
Оттолкнувшись сзади
Сильными руками,
На ноги вскочил вдруг
Ахмад Автуринский.
И казак станичный
Тоже встал на ноги.
«Слушай, – крикнул грозно
Ахмад Автуринский,
– Не будь сиротою
Ты, казак станичный!
Испугал скакун твой
Моего двугодка.
Может, испугаешь
Ты его владельца?
Мы должны бороться
Среди скал отвесных,
Среди этих плотных
Каменных отрогов!»
Так сказал, поднявшись,
Ахмад Автуринский.
Но ему ответил
Вдруг казак станичный:
«Не будь сиротою,
Ахмад Автуринский.
Чем мы биться будем
Среди скал отвесных,
Среди этих плотных
Каменных отрогов?
Ружьями ль стреляться,
Шашками ль рубиться?
Чем тебе угодно,
Чем считаешь лучше?»
«Не будь сиротою,
Эй, казак станичный!
Ружьями стреляться
Нам нельзя с тобою,
Может быть осечка –
Ненадежны ружья.
Шашками вернее
Нам рубиться будет.
Шашка не обманет,
Коль рука не дрогнет».
Так сказал великий
Ахмад Автуринский.
Дал казак согласье,
Но сказал спокойно,
Обнажая шашку:
«Не будь сиротою,
Ахмад Автуринский,
Не сочти за трусость,
Выслушай, подумай,
Если ты успеешь
И меня зарубишь,
Люди просто скажут:
«Казака при встрече
Зарубил недавно
Ахмад Автуринский».
Скажут и забудут...
Если я успею,
От казачьей шашки
Ты в бою погибнешь,
И тогда все скажут:
«Ахмад Автуринский
Был убит каким-то
Казаком станичным».
Ты слывешь в народе
Храбрым и бессмертным.
Так давай друзьями
Будем мы с тобою.
Девушек здесь нет,
Чтобы свою удаль
Показать пред ними.
Наберись терпенья,
Будет еще случай,
Мы себя покажем,
Ахмад Автуринский!»
Так казак станичный
Предложил джигиту.
И, подумав малость,
Дал свое согласье
Ахмад Автуринский.
И, обнявшись крепко,
Кунаками стали
Два героя наших.
И за эту дружбу
Мы поднимем чаши –
Пусть живет счастливо
Среди гор чеченских
Ахмад Автуринский!

Перевод с чеченского Т.Никифорова

КАТАЛОГ

СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ

1.* АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС «КИРД-БАВНАШ», XII–XIII ВВ.

Итумкалинский район, правый берег реки Аргун, у входа в Терлойское ущелье.

Цитадель «Кирд-бавнаш» состояла из трех боевых башен и защитной каменной стены. До нашего времени сохранились только башни в различном состоянии. Одна из них сохранилась почти целиком, вплоть до машикулей, за исключением кровли и межэтажных перекрытий. У второй башни обрушился угол по всей высоте, третья сохранилась на уровне второго этажа. Кроме того, по свидетельству исследователей XIX века, рядом с укреплением находился каменный склеп с надписью, выполненной древнегреческим шрифтом.

2. АЧАЛОЙСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Шаройский район, ущелье реки Ачалой-ахк, на юго-востоке Чечни.

Башня сложена из хорошо обработанного камня на глинисто-известковом растворе. Сохранились четыре этажа, но верхняя часть башни и межэтажные перекрытия разрушены. Башня, по всей видимости, была пятиэтажной

3. БАВЛОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Бавлой-ахк.

Боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей, с нетипичными для классических башен машикулями. Башня сложена из хорошо обработанного камня на известковом растворе. Жилые башни в различном состоянии, склепы.

4. БАРОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье Терлой.

Боевая башня относительно хорошей сохранности, с пирамидально-ступенчатой кровлей. Жилые башни разрушены почти до основания. Могильник, состоящий из полуподземных и наземных склепов..

5. БАСХОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, левобережье Аргуна.

Замок, состоящий из боевой и нескольких жилых башен, а также каменной стены.

6. БАШИНКАЛИНСКАЯ БАШНЯ, XII–XIII ВВ.

Итумкалинский район, на левом берегу реки Аргун, у въезда в селение Башинкале.

Башня была встроена в скальную нишу на очень большой высоте. Она частично разрушилась, сохранились крупные фрагменты стен с оконными проемами и бойницами. В Средневековье башня использовалась как сигнальная.

7. БЕНИСТИЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, левобережье реки Мешихи. Притока Аргуна.

Жилые и полубоевые башни хорошей сохранности.

* Данный каталог не является полным списком всех средневековых архитектурных сооружений горной Чечни.

8. БЕКХАЙЛИНСКАЯ ЦИТАДЕЛЬ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, селение Кокадой.

К северо-западу от селения Кокадой на каменистом, труднодоступном утесе расположены три боевые башни. В хорошей сохранности башня, стоящая на восточной окраине площадки, на выступе скалы. Размеры башни: 4,5 х 4,6м, толщина стен от 0,9 до 1,1 м. Верхняя часть башни обвалилась до основания машикулей, поэтому характер кровли не проглядывается, высота сохранившейся части около 12 м. Еще одна относительно сохранившаяся, башня расположена к западу от первой башни, чуть ниже ее. Верхний этаж ее не сохранился, поэтому невозможно говорить о форме кровли. От третьей башни остались руины. Согласно преданию, существовал подземный водопровод, который подводил воду к башням на горе Бекхайла. Сейчас местонахождение его неизвестно.

9. БИЦИЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, селение Бици.

Жилые и полубоевые башни хорошей сохранности.

10. ВАСЕРКЕЛОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Майстойн-эрк.

Средневековая крепость: боевые и жилые башни на высоком, крутом каменном утесе. Одна боевая башня сохранилась почти полностью, за исключением кровли. От второй башни осталось два этажа. От жилых башен остались только стены. На камнях одной из жилых башен на краю обрыва более 20 петроглифов. По южному склону руины более двадцати башенных построек различного типа.

11. ВАСЕРКЕЛОЙСКИЙ НЕКРОПОЛЬ, X—XIV ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Майстойн-эрк.

50 наземных каменных склепов различной формы (в том числе, двухэтажные), склепы, встроенные в скальные ниши, а также «каменные ящики». Всего — около ста погребений.

12. ВИЙЛАХСКОЕ КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ , V–VII ВВ.

Галанчожский район, Нашх.

Каменное изваяние языческой богини плодородия Тушоли в виде массивной женской фигуры, вытесанное из цельного куска скалы.

13. ГАТЫНКАЛИНСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Шатойский район, селение Гатынкале.

Башня вновь отстроена в 80-х годах XX века.

14. ГИМРОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район. Ущелье Терлой.

Боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей, комплекс жилых и полубоевых башен хорошей сохранности, каменные склепы.

15. ГУЧАНКАЛИНСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Аргун.

Боевая башня Гучан-кале расположенана правом берегу реки Аргун, на высоком скалистом мысе. Углами она ориентирована по сторонам света. Размеры башни: 5 х 5м, высота – 18 м. Толщина стен – около 1 м. Башня выложена из тщательно подобранных, а в некоторых случаях обработанных камней разной величины, на известковом растворе. Она имеет фундамент, выложенный из крупных камней. Башня – четырехэтажная, у самого верха имеет балкончики для стрельбы – машикули, при этом машикули у фасада и задней стены уже, они крепятся на двух каменных подпорках, а в боковых стенах – шире, на трех подпорках.

16. ДЕРСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ (1), XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Дере.

Боевая башня Дере (1) расположена к юго-востоку от селения Пакоч, на правом берегу реки Дере-ахк, притока Аргуна. Башня выложена на известковом растворе из хорошо обработанных и подобранных камней. При этом камни подобраны не только по размеру, но и по цвету. Башня – четырехугольная, стены ее ориентированы по сторонам света. Размеры башни: 4,80 х 4,70м, высота – 22 м. Башня заметно суживается кверху, кровля – пирамидально-ступенчатая с навершием из полуовального камня. Число ступеней кровли – 11.

17. ДЕРСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ (2), XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Дере.

Боевая башня Дере (2) расположена на левом берегу Дере-ахк, к юго-западу от боевой башни Дере (1), на высоком, обрывистом утесе. Башня выстроена на известковом растворе, из камней различной величины. Кладка выполнена менее тщательно, чем у боевой башни Дере (1). Для подгонки камней использованы тонкие каменные плиты, особенно в верхней части башни. Башня прямоугольная в плане, стены ориентированы по сторонам света. Размеры башни: 4,60м х 5,40м, высота – около 20 м. Башня суживается кверху (2,4 х 2,8), кровля обрушилась. Хотя башня считается плоскокровельной, ее форма в первоначальном виде неизвестна.

18. ЗЕНГАЛИЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, верховья реки Гехи.

Более 20 жилых и полубоевых башен, сложенных из хорошо обработанного камня на известковом растворе.

19. ИКАЛЬЧИЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ

Итумкалинский район, ущелье реки Меши.

Замок, состоящий из боевой башни с пирамидально-ступенчатой кровлей и жилой башни; жилые башни, наземные каменные склепы.

20. ИТИРКАЛИНСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, ущелье Акки.

Замковый комплекс, состоящий из боевой и жилых башен; башня, встроенная в скальную нишу.

21. КЕЗЕНОЙСКАЯ КРЕПОСТЬ, XIV–XVI ВВ.

Чеберлойский район, окрестности озера Кезеной-ам.

Крепость состоит из цитадели, группы полуразрушенных зданий и жилой башни, известной под названием «башни Дауда». Башня прямоугольная, почти квадратная, высота ее сохранившихся стен – около семи метров. В центре башни сохранились остатки опорного столба. Стены башни сложены на растворе. Крепость Алдам-Гези расположена на высокой скальной площадке, она обнесена каменной стеной. Внутри цитадели сохранился фундамент боевой башни. Комплекс, по всей вероятности, построен не позднее XVI века, а мечеть более позднего времени.

22. КЕРЕТИНСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, окрестности озера Галанчож.

Полубоевые и жилые башни, сложенные из хорошо обработанных камней на известковом растворе.

23. КОКАДОЙСКАЯ ЖИЛАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, селение Кокадой.

К северо-западу от селения Итум-кале, на левом берегу небольшой речки Кокадой-ахк, впадающей в Аргун, на невысоком мысу стоит жилая башня. Башня выложена из хорошо обработанных каменных блоков различной величины, большей частью довольно крупных. Башня прямоугольная в плане, ориентирована стенами по сторонам света. Размеры башни: 7,60м х 6,8м, высота – около 7 метров. Башня, по всей видимости, была трехэтажной, но сохранились только два этажа. Башня суживается кверху.

24. КОКАДОЙСКИЙ НЕКРОПОЛЬ, XI–XV ВВ.

Итумкалинский район, верховья реки Аргун.

Полубоевые, жилые башни, некрополь.

25. КОМАЛХИНСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, верховья реки Аргун.

Полубоевые, жилые башни, некрополь.

26. КОРОТАХСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, верховья реки Аргун.

Замок, состоящий из боевой башни и высокой каменной стены; жилые и полубоевые башни, наземные каменные склепы.

27. МАКАЖОЙСКАЯ МЕЧЕТЬ, XVII—XVIII ВВ.

Чеберлойский район, окрестности озера Кезеной-ам.

Жилая башня, перестроенная в мечеть. Сложена из камня на известковом растворе. На стене — петроглифы.

28. МЕЛХИСТИНСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ(1), XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, верховье реки Аргун.

Это типичная чечено-ингушская боевая башня с плоской кровлей. Она — четырехэтажная, снабжена множеством бойниц, а у самого верха — машикулями, боевыми балкончиками для ведения стрельбы из лука и кремневого ружья. На камни башни нанесены петроглифы —магические знаки, которые должны были оберегать башню и воинов от врага.

29. МЕЛХИСТИНСКИЙ БАШЕННЫЙ КОМПЛЕКС , XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, верховье реки Аргун.

Находится к югу от некрополя Цой-педе, на левов обрывистом берегу Аргуна. Комплекс состоит из боевой башни с плоской кровлей и нескольких жилых башен, образуя замок. В Средневековье этот замок контролировал вьючную тропу, которая проходила по левому берегу реки.

30. МЕШИЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Меши-хи.

Замок, состоящий из боевой и жилой башни, наземные каменные склепы.

31. МИЗИРКОРТСКАЯ ЖИЛАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, ущелье Акки.

Жилая башня, сложенная из хорошо обработанных камней на известковом растворе, прекрасно декорирована.

32. МИЗИРКОРТСКИЙ СКЛЕП, XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, ущелье Акки.

Каменный склеп с двускатной кровлей с элементами декора.

33. МОЦАРОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС (ТЕРЛОЙ), XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье Терлой.

Комплекс состоит из десятка жилых башен и двух мощных замков. Первый замок состоит из двух пристроенных друг к другу жилых башен, а второй из трех жилых и одной боевой башни, обнесенных каменной стеной, высотой более 2 метров. На стене одной из башен петроглифы: спираль и крест в круге.

34. МОЦАРОЙСКОЕ СТОЛПООБРАЗНОЕ СВЯТИЛИЩЕ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье Терлой.

Стены святилища сложены из серого плитняка на известковом растворе, оштукатурены и побелены желтоватой известью. Кровля у него пирамидально-ступенчатая. Высота святилища — более двух метров. Со стороны фасада имеется стрельчатая ниша.

35. МОЦАРХОЙСКАЯ БАШНЯ (НАШХ), XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, ущелье Нашх.

Башня находится на высоте более десяти метров от основания склон, и представляет собой скальные ниши в три яруса, заложенные камнями, с дверными и оконными проемами.

36. НАХАРАСТСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, верховья реки Аргун.

Полубоевые и жилые башни.

37. НЕКРОПОЛЬ ЦОЙ-ПЕДЕ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, верховье реки Аргун.

Один из крупнейших средневековых некрополей на Кавказе. Состоит из 42 наземных каменных склепов. Склепы сложены из камня на известковом растворе. Некоторые склепы снаружи оштукатурены и побелены.

38. НИЖНЕКЕЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье Кей.

Боевая и жилые башни. Боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей не суживается кверху, что нехарактерно для вайнахских башен.

39. НИКАРОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье Никарой-ахк

Сохранилось около десятка жилых башен, которые имеют три или четыре этажа, одна полубоевая башня – пятиэтажная. Среди них возвышается одна боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей. Постройки в комплексе образуют мощный замок, ступенями спускаясь вниз по склону.

40. НИХАЛОЙСКАЯ КРЕСТООБРАЗНАЯ СТЕЛА, XIV–XVI ВВ.

Находится на южной окраине села Нихалой. Стела высечена в форме креста из большой каменной плиты. При раскопках под ней было обнаружено мусульманское захоронение.

41. НИХАЛОЙСКАЯ СТОРОЖЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Шатойский район, на южной окраине села Нихалой, на правом берегу Аргуна.

Башня была встроена в скальную нишу и имела два этажа. На сегодняшний день от нее сохранились отдельные фрагменты.

42. ПАКОЧСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ

Итумкалинский район, селение Итумкале.

Башня выложена из хорошо обработанных камней правильной формы на известковом растворе. Она ориентирована стенами по сторонам света. Размеры башни: 5,0 х 5,0м. Перекрытие второго этажа – ложнокупольная конструкция, кладка ее выполнена концентрическими кругами. Она пересекается двумя перекрещивающимися гуртами. Северная стена – сплошная, она не имеет ни окон, ни бойниц. Западная стена имеет один оконный проем на уровне третьего этажа, то есть в самом верху сохранившейся части стены. Восточная стена закрыта постройкой нового времени.

43. ПАКОЧСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XI–XV ВВ.

Итумкалинский район, южная окраина села Итумкале.

Замковый комплекс, состоящий из различных каменных построек, связанных между собой.

44. ПОГОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Майстойн-эрк.

Комплекс состоит из восьми боевых и более десятка жилых башен. Некоторые из них образуют мощные замки.

45. САНДУХОЙСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, склон горы Сандухой-лам.

Боевая башня по своим размерам отличается от классических. Она намного выше и больше по площади основания. Сложена из хорошо обработанных камней на глинисто-известковом растворе.

46. САХАНОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Меши-хи.

Состоит из одной боевой башни и нескольких жилых башен. Наземные каменные склепы.

47. ТАЛКАЛЛИНСКИЕ БАШЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ.

Итумкалинский район, ущелье Тазбичи.

Руины жилых и полубоевых башен с петроглифами.

48. ТЕРТИЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Меши-хи.

Одна боевая и более десяти жилых и полубоевых башен. Наземные каменные склепы, в том числе склеп-святилище (кашков) с украшением в виде каменных бараньих голов.

49. ТЕРТИЙСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Меши-хи.

Построено в форме склепа с двускатной пирамидально-ступенчатой кровлей. По размерам значительно крупнее. Фасад украшен двумя каменными изваяниями в виде каменных бараньих голов.

50. ТИЙСТАРХОЙСКАЯ ЖИЛАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, ущелье Наших.

Башня выстроена из больших каменных блоков на известковом растворе. Кровля и межэтажные перекрытия не сохранились.

51. ТИТЧАДУКСКАЯ ЖИЛАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье Тазбичи.

Башня выстроена из камня с применением небольшого количества раствора. Кровля и межэтажные перекрытия разрушены. Разрушились также центральный опорный столб и арки оконных и дверных проемов.

52. ТУГОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС (I), XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Майстойн-эрк, на склоне хребта Майстой-лам.

Состоит из двух боевых и нескольких жилых башен, расположенных полукругом. Промежутки между постройками перекрыты каменной стеной.

На окраине – святилище и наземные каменные склепы.

53. ТУГОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС (II), XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Майстойн-эрк, у основания хребта Майстой-лам

Комплекс имеет вытянутую форму и состоит из двух боевых и нескольких жилых башен.

54. ТУМСОЙСКАЯ ЖИЛАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ

Шатойский район, на левом берегу реки Аргун.

Башня сложена из хорошо обработанных каменных блоков на известково-глинистом растворе. Кровля и межэтажные перекрытия разрушились. Стены сохранились высотой до 6 метров.

55. ТУСХАРОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, левобережьереки Аргун.

Боевая и жилые башни.

56. УШКАЛОЙСКАЯ СТОРОЖЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, селение Ушкалой

Башня имеет три стены, четвертой стеной башни является каменная стена скалы. Сложена она из хорошо обработанных камней на известковом растворе. Кровлей башне служит каменный козырек скалы. Северная и южная стены башни выложены по рельефу скалы, к которой они примыкают. Поэтому она имеет различную ширину на различных уровнях (от 2,0 до 3,5м). Стена имеет дверной проем на высоте 2,5 метра от основания. Дверной проем с округлой аркой, выложенной из камней. Чуть выше его – бойница. В самой верхней части стены – небольшой оконный проем.

57. ХАЙБАХСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, ущелье Нашх.

Боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей, жилые башни, а также руины замка.

58. ХАКМАДОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Шаройский район, правый берег реки Шаро-Аргун.

Средневековые каменные постройки с петроглифами.

59. ХАРКАРОЙСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Чеберлойский район, село Харкарой.

Боевая башня с плоской кровлей. Отличается формой и габаритами от вайнахских классических башен, хотя техника строительства — вайнахская. По форме больше напоминает осетинские башни.

60. ХАСКАЛИНСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье Тазбичи

Это типичная чечено-ингушская боевая башня с плоской кровлей. Она — четырехэтажная, снабжена множеством бойниц, а у самого верха —машикулями, боевыми балкончиками для ведения стрельбы из лука и кремневого ружья. На камни башни нанесены петроглифы— магические знаки, которые должны были оберегать башню и воинов от врага.

61. ХАСКАЛИНСКАЯ ЖИЛАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ

Итумкалинский район, ущелье Тазбичи

Жилая башня расположенана окраине селения Хаскали, на большой, плоской террасе, на склоне горы.Башня – прямоугольная в плане, стены ее ориентированы по сторонам света. Башня выложена из хорошо обработанных камней на глинисто-известковом растворе. Размеры: 8,8 х 8м. Высота сохранившихся стен – около 8 метров. По всей видимости, башня была трехэтажной, сейчас же сохранились только два этажа. Верхняя часть башни вместе с кровлей, а также межэтажные перекрытия разрушились.

62. ХАЧАРОЙСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ7

Итумкалинский район, селение Гамхи

Хачароевская боевая башня, согласно преданию, была построена во времена, когда еще не было ружей, то есть в XIV–XV вв. Размеры: основание 5 х 5м, высота около 20 м. Башня – пятиэтажная, с пирамидально-ступенчатой кровлей, выложена на известковом растворе. Дверной проем на уровне 1-го этажа, выполнен в виде стрельчатой арки. Окна в виде стрельчатых арок расположены на западной стороне башни на 1-м и 2-м этажах.На уровне 4-го этажа — украшения в виде четырехугольных углублений, имеющих форму ромба.

63. ХЕВХАРОЙСКАЯ БАШНЯ, X–XI ВВ.

Галанчожский район, ущелье Акки

Башня была встроена в скальную расщелину в три яруса. Выложена из камней на известковом растворе.

64. ХЕЛДИНСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, селение Хелды

Боевая башня расположена на высоком утесе. Она квадратная в плане и имеет 4 этажа. Верхняя часть башни разрушилась.К башне пристроена каменная стена с бойницами и арочным дверным проемом. Башня имеет визуальную связь с Эткалинской боевой башней, а через нее с башнями селения Дере.

65. ХЕЛДИНСКАЯ ЖИЛАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, селение Хелды

Башня – прямоугольная в плане. Стены ее ориентированы по сторонам света. Башня выложена из хорошо обработанного камня с использованием глинисто-известкового раствора. Верхняя часть башни и кровля разрушены. Межэтажные перекрытия, которые также не сохранились, крепились на выступе стены первого этажа, который создавался за счет утоньшения стены второго этажа. Размеры: внешние - 8,7 х 8м, внутренние – 7,1 х 6,25м. Южная стена, которая является фасадом, имеет дверной проем (1,25 х 0,9м) с округлой аркой из монолита.

66. ХИМОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Шаройский район, правый берег реки Шаро-Аргун.

Средневековые каменные постройки, жилые башни, большое количество петроглифов.

67. ХОЙСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Чеберлойский район, село Хой.

Боевая башня с плоской кровлей. Башня – четырехэтажная, высота в ее современном виде около 16 метров. Она построена на скале, на глинисто-известковом растворе. Хотя и по архитектурным приемам и технике кладки видно, что башню строил чеченский мастер, но все же она отличается от классических вайнахских башен. Прежде всего, она ниже и приземистее, к тому же необычные для вайнахских боевых башен машикули, опоясывающие ее сплошным квадратом. Боевая башня украшена множеством петроглифов: это и перекрестия с кругами, и круги с елочным и волнистым узорами, и Т-образный знак – то есть символика, характерная только для вайнахских башен.

68. ЦЕКАЛОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье реки Майстойн-эрк.

Комплекс состоит из одной боевой башни с пирамидально-ступенчатой кровлей и десятка полубоевых башен, образующих замок. Промежутки между постройками закрыты каменной стеной. Несколько башен образуют двор, внутри которого находится столпообразное святилище. Множество петроглифов. Ца-кале - это оборонительный комплекс замкового типа, состоящий из одной боевой и нескольких жилых башен. Боевая башня представляет собой классический вариант вайнахской (чечено-ингушской) башни с пирамидальной кровлей, завершающейся конусообразным камнем - цIурку. Жилые башни Ца-кале можно отнести к полубоевым, они выше обычных и имеют машикули.

69. Цеча-аккинский архитектурный комплекс ,IV в до н.э. –XVI в. н.э.

Галанчожский район, ущелье реки Цеча-ахк.

Циклопические постройки кобанской эпохи, ранне- и позднеаланские постройки, боевая и жилые башни вайнахского периода.

70. ШАРОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Шаройский район, левый берег реки Шаро-Аргун.

Боевая и жилые башни.

71. ШАТОЙСКАЯ БОЕВАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

У въезда в город Шатой на левом берегу Аргуна стоит боевая башня. Башня была реставрирована в 80-е годы. Башня – пятиэтажная, с пирамидально-ступенчатой кровлей, выложена на известковом растворе. Размеры: 5,5 х 5,5м, высота – 22 метра. Толщина стен – 0,6—0,8 м. Башня ориентирована углами по сторонам света. Северо-восточная стена башни имеет дверные проемы на уровне второго и третьего этажей с округлыми арками, а также окно на уровне четвертого этажа.

72. ШИКАРОЙСКАЯ ЖИЛАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Шаройский район, левобережье реки ШароАргун.

Башня сложена из хорошо обработанных камней на глинисто-известковом растворе. По размерам она превосходит типичные вайнахские жилые башни. Кровля и межэтажные перекрытия разрушены.

73. ЩУЛКАГСКАЯ ЖИЛАЯ БАШНЯ, XIV–XVI ВВ.

Итумкалинский район, ущелье Тазбичи.

Классическая вайнахская жилая башня. Сложена из хорошо обработанных камней на известковом растворе. Кровля и перекрытия не сохранились. На камнях башни множество петроглифов.

74. ЭГИЧОЖСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, ущелье реки Цеча-ахк.

Мощное укрепление, являющее собой вершину вайнахского фортификационного зодчества.

75. ЭТКАЛИНСКАЯ БАШНЕОБРАЗНАЯ МЕЧЕТЬ XIX В.

Итумкалинский район, ущелье Тазбичи.

Мечеть выложенная из хорошо обработанного камня на известковом растворе с минаретом в виде боевой башни с пирамидально-ступенчатой кровлей. На стенах мечети – петроглифы.

76. ЭТКАЛИНСКИЙ ЗАМОК, XIV–XVI ВВ.

В селении Эткали, расположенном на высоком склоне, сохранились руины средневекового замка, от которого остались два этажа боевой башни и элементы каменной стены. Башня представляет собой приближенное к квадрату в плане здание (5,6 х 6м), стены которого ориентированы по сторонам света. Стены сохранились на высоту до 12 м. Если судить о высоте башни по высоте двух сохранившихся этажей, можно предположить, что она достигала в высоту более 25 м. Стены выложены из хорошо обработанного камня на глинисто-известковом растворе. У основания использованы крупные каменные блоки, в верхней части сохранившегося сооружения камни поменьше, но также тщательно подобраны и подогнаны. На стенах имеются петроглифы.

77. ЯЛХАРОЙСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС, XIV–XVI ВВ.

Галанчожский район, ущелье Ялхарой.

Руины боевых и жилых башен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Plaetschke B. Die Tschetschenen – Hamburg, 1929
2. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: АН СССР, 1958
3. Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни. Грозный, 1930
4. Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992
5. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974
67. Арутюнян В.М., Сафарян С.А. Памятники армянского зодчества. М., 1951
7. Археологические памятники эпохи неолита и бронзы. М: Наука, 1966
8. Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984
9. Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979
10. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858
11. Берже А.П. Кавказ в археологическом отношении. Тифлис, 1874
12. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859
13. Бетрозов Р.Ж. К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик, 1982
14. Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М., 1988
15. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1923
16. Вахушти Багратиони. География Грузии // ЗКОИРГО. Тифлис, 1904. Т. XXIV
17. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР // Труды ЧИНИИ. Грозный, 1966.
18. Витрувий. Десять книг об архитектуре. М.: Изд. ВАА, 1936
19. Всеобщая история архитектуры. т.1. М., 1970
20. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV—X веков. Л., 1979
21. Гамрекели В.Н. Двалы и Двалети в I—XV вв. н.э. Тбилиси, 1961
22. Ганн К.Ф. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей. КВ, № 6, 1900
23. Геродот. История. Л., 1972
24. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М.: Советский художник, 1977
25. Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Стройиздат, 1975
26. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства.М.,2003
27. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. Владикавказ, 1893
28. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972
29. Джандиери М.И. и Лежава Г.И. Народная башенная архитектура. М.: Стройиздат, 1976
30. Джандиери Н.Ш., Цицишвили И.Н. Архитектура Грузии от истоков до наших дней.-М., 1976
31. Джапаридзе О. На заре этнокультурной истории Кавказа. – Тбилиси, 1989
32. Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней.- М., 1994
33. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. – М: Наука, 1990
34. Дьяконов И.М. Древний Восток и мировая культура.- М., 1981
35. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. – Ереван, 1968
36. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии.- М.: Наука, 1967
37. ДьяконовИ.М. Языки древней Передней Азии. – М., 1967
38. Евзлин М. Космогония и ритуал.- М., 1993
39. Закарая П. Древние крепости Грузии. - Тбилиси: Мерани, 1969
40. Иваненков Н.С. Горные чеченцы // Терский сборник, Владикавказ, №7, 1910
41. Иванов М.А. Верховья р.Гехи // ИКОРГО, XV, Тбилиси, 1905
42. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М: Наука, 1988, т.1.
43. История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981
44. Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973
45. Калоев Б.А. Осетины. М: Наука, 1971
46. Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX – XX вв. М.: Наука, 1982
47. Козенкова В.И. Кобанская культура. М., 1977
48. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе. М., 1996
49. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961
50. Крупнов Е.И. Древнейшее культурное единство Кавказа и Кавказская этническая общность // Международный конгресс востоковедов. М., 1963
51. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960
52. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977
53. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1977
54. Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. М., 1991
55. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – XVIII вв. М., 1963
56. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978
57. Лавров Л.И. Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа.// Советская этнография, №4,1961
58. Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982
59. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968
60. Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный, 1990
61. Мамакаев М.А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973
62. Марковин В.И. В стране вайнахов. М.: Искусство, 1969
63. Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука, 1965
64. Марковин В.И. Культура племен Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) М., 1960
65. Материалы по археологии Кавказа. М.,1888
66. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М., 1963
67. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959
68. Меликишвили Г.А. Урартский язык. М: Наука, 1964
69. Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1981
70. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии.//МАК. М., 1888
71. Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979
72. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975
73. Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности катакомбных и подбойных погребений Северного Кавказа и Нижнего Поволжья сарматского времени // Исследование по археологии СССР. Л.: Наука, 1961
74. Ошаев Х.Д. В сердце Чечни. Грозный, 1928
75. Ошаев Х.Д. Малхиста // Революция и горец. - Ростов-н/Д, №8,1930
76. Попов И. Ичкеринцы // ССТО, I, Владикавказ, 1878
77. Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, т.2, 1968.
78. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М:Наука, 1981
79. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964
80. Страбон. География. М.: Наука, 1964
81. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996
82. Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX века. М: Наука, 1997
83. Умаров С.Ц. Архитектура позднесредневековой горной Чечено-Ингушетии // Памятники Отечества. Кн. 2. М.,1975
84. Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни, XIII-XVIII вв. Автореферат канд. дисс. М., 197085. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь.- М., 1997
86. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. - Тбилиси, 1968, .т.2
87. Чибиров Л.А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970
88. Этническая история и фольклор. М., 1977

– М.: «Пантори», 2004. – 384 с.; ил.

Автор благодарит директора Аргунского государственного историко-архитектурного заповедника Саида Саратова, инспектора Ахмеда Зурабова, главу администрации села Итум-кале Лом-Али Амаева за содействие в работе над книгой.

По всем вопросам обращаться по адресу: illelatta@hotmail.com

ЛР № 066723 от 6.07.1999

ISBN 5-9128-0013-9

Подписано в печать 5.08.2004. Формат 70x100/8. Объем 62,4 усл.-печ. л. Гарнитура Futura Book. Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 5000 экз. Заказ № 3845.

Издательство «Пантори», факт. адрес: 103006, Москва, Старопименовский пер., 16, 29А.
Тел./факс: (095) 299-6473

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.